



ЕВГЕНИЙ КУЛИЧ

ПОКИДАЯ ТЬМУ

16+

Евгений Александрович Кулич

Покидая Тьму

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66772073

SelfPub; 2023

Аннотация

Невероятно подробное столкновение главных героев со своими внутренними проблемами усложняется с появлением всепоглощающего чёрного дыма. Их главная цель в этом новом мире – остаться в живых и постараться не предать самих себя.

Евгений Кулич

Покидая Тьму

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

Ночь спустилась на нас, да только не в обычное для неё время. Совершенно неожиданно это было. Но заслуженно, как считает большинство уцелевших в день, когда тучи разозлились на человека, и низвергли на него свою страшную, донине немислимую силу.

Ужасная и разрушающая всё на своём пути стена густого чёрного дыма поглотила наш город. Да куда там, возможно, и целую планету. Но вот только нет связи со всем этим миром. Теперь каждый предоставлен сам себе.

Ни ваш банковский счёт, ни ваш социальный статус теперь не имеет никакого значения в это первобытное время, где всем в этом тёмном мире движет страх и желание выжить.

Глава

I

Спокойствие

Девушка специально трогала низ своей большой кофты или поправляла идеально лежащий в ухе наушник, просто потому что благодаря таким простым действиям она оставалась на этой планете и чувствовала себя приземлённой. Помогали этому и изредка хрустящие листья деревьев под ногами. Они гремели словно колокола, перебивающие музыку, мешая полностью отключить сознание и погрузиться в собственные мысли. Хруст листы, звенящие стальные пуговицы на куртке и постоянные беспричинные прикосновения являлись якорями для Лизы, не давая ей покинуть реальный мир.

На улице было не спокойно: стекающая с крыш вода стучала по подоконникам и навесам, не объезжающие лужи машины носились по дороге. Вода была повсюду. И не спокойно ей было, она кричала. Стонала.

В этот серый день людей на улице было мало, только те, кому по душе это время года, кому нравятся переливающиеся красно-жёлтые листья на фоне пасмурного неба, и не страшно простыть под постоянно идущими дождями, и сыростью под ногами.

Одними из тех самых были беззаботно играющие в прятки дети. Их игра заставила возвращающуюся домой Лизу остановиться. Несмотря на холод, влажность и промокшие

ноги, дети продолжали бегать по всему двору, выкрикивая что-то друг другу.

Девушка смотрела на крыши многоэтажных домов через маленькое окно своего подъезда. Ей нравилось провожать день, сидя на бетонных ступеньках в окружении серых, но ярких стен, мечтая о каких-то моментах и событиях, которые вряд ли произойдут в её жизни.

Почти каждый день она наблюдает за оранжево-красным закатом, просто наслаждаясь моментом, потому что ей это нравилось.

И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

Лиза лежала в своей кровати, наблюдая за звёздным небом. Погрузившись полностью в свои раздумья, она уже и забыла, что держит край занавески, постоянно перебирая его из одной руки в другую.

Ей сегодня как-то не спится, может быть, потому что она никак не могла перестать думать, или потому что игралась с фломастерами, которые были разбросаны по всей комнате. Наверное, потому что она в ярости раскидала их ещё вечером и так и не собрала.

Просыпается девушка от стучащих по подоконнику капель и надоедливого крика ворона, что сидит на ветке дерева. Лежать в кровати больше невозможно.

И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

– Не может быть! – сказала Лиза.

– Ничего не говори, мне всё равно. Очень даже хорошо смотрится. – глупый брелок в виде жёлтого цветочка висел на потёртой ниточке, которая, кажется, в любую минуту оборвётся. Парень крутил его в руках, неподдельно улыбаясь, – будет болтаться у меня на рюкзаке.

Друзья стояли на крыльце школы, облокотившись на мокрые стальные перила, наблюдая за стекающей с крыши водой, будто загипнотизированные таким, казалось бы, обычным процессом.

– Выбраться бы куда, знаешь... Погулять, поговорить. Ну, как раньше. – парень постоянно потирал руки, чтобы согреться, и, стараясь не подавать виду, что замёрз, крутился, боясь упустить такую возможность поболтать с девушкой.

– Может быть, но точно не сейчас, просто я... Я не знаю. Мне сейчас, кажется, лучше быть дома. – как бы не расстроить его, думала Лиза, как бы ответить, но помягче, чтобы не разорвать уже и так напряжённые отношения, – я обязательно тебе скажу, но позже.

– Сейчас звонок будет, пойдём.

И был вечер, и было утро: день третий.

Стучащие по подоконнику капли. Лёгкий ветерок, прощакивающий в комнату через приоткрытое окно, игрался с лёгкой занавеской, поднимая её к потолку. Желтовато-оранжевый свет настольной лампы и ничего более. Отличный вечер. Всё по личным канонам Лизы.

"Утро. Он заперт в своей спальне, дверь которой, кажется, по ощущениям находилась за сотню километров от их зала. День. Она уходит в школу молча, не предупреждая о своём уходе, зная, что в ответ всё равно ничего не услышит. Поворот ключа и тяжело шагающий мужчина только тогда выходит из своей комнаты, только тогда делает небольшую работу по дому, только тогда занят своими делами. Только когда никого нет с ним рядом. Вечер. Ужинаем мы по очереди, почти не видим друг друга. Обсуждаем только мои успехи в школе, которым он рад больше чем мне самой. Ночь. Я отстраняюсь от всего мира, слушаю шум, исходящий из моей головы, и пытаюсь растянуть оставшиеся минуты спокойствия перед началом нового дня".

"Однажды, ему стали известны мои успехи в школьных кружках, о которых, я, естественно, ему не говорила. Стоило мне только закрыть за собой дверь после прихода домой, как я увидела отца".

– Рад тебя видеть, дочь.

– Правда?

– Твоя классная руководительница звонила, сказала, что у тебя неплохие результаты вне класса. Поздравляю.

"И я ничего ему не ответила, испугалась". Лиза добровольно выполняла всю работу по дому, наверное, пытаясь доказать свою нужность этому человеку, то, за что она ждала похвалы от него. Училась как можно лучше, добиваясь признания своего отца. Но где он был? Где он?

Распечатанные фотографии с ней были закрашены чёрным фломастером, это было полностью осознанное решение. С кем были эти фотографии?

И был вечер, и было утро: день четвёртый.

Набравшись смелости, одноклассник Лизы решил не терять времени и пригласил девушку погулять. Тем более, сегодня была солнечная погода, отличный день, чтобы поболтать и просто хорошо провести время вместе.

– Кстати, я сходил в тот магазин, что ты мне сказала. И знаешь что?

– Что?

– Я не нашёл там этой книги. Там, куда ты её спрятала,

уже нет. Похоже, что кто-то случайно её нашёл и купил...

– Правда? – улыбнулась девушка, – ты точно в том отделе был? Я заставила её всякой проходной фантастикой, чтобы уж точно никто не нашёл. Чёрт, кажется, ты очень удачливый!

Гуляя, подростки не замечали, или не подавали виду, что с каждым шагом расстояние между ними сокращалось. И вот когда оно дошло до критической точки, точки невозврата, как её называет сам парень, неизбежно касание их рук, что может привести к неловкой ситуации, чего он так боялся. Между предложениями, которые он говорил, проскакивали маленькие паузы, за которые он успевал незаметно посмотреть на руки и снова навязать себе глупейший исход прикосновения.

И, внезапно, рука парня соприкоснулась с рукой Лизы. Никто ничего не сказал, даже руки никто в стороны не отвёл, сделав вид, что ничего не произошло. Что ж, подумали оба, может быть, это и к лучшему.

– Ой, стой! – парень вытянул руку вперёд и остановил подругу, отойдя вместе с ней на два шага назад.

На мокром асфальте лежал ещё дышащий обгоревший ворон, который, не понимая происходящего, махал тем, что

осталось от его крыльев, медленно умирая.

Девушка закинула волосы назад и нагнулась рассмотреть уже бездыханное тело птицы, испытывая большой интерес к причине его ожогов.

– Фу, эй! Он же мёртв, и так ясно. Зачем ты его тыкаешь палкой?

Время было уже позднее. Дома медленно сливались с ночной тьмой, когда свет в окнах гас, а люди засыпали. Сегодняшний вечер был проведён с отличным человеком, разбавляя одинокие проводы солнца в холодном подъезде, глядя на него из маленького окошка таким чудесным днём.

Молодой человек проводил девушку до подъезда и ушёл только после сотни пожеланий доброго вечера. Ведь, наверное, хоть раз такое и было, что стоя перед ней в окружении тьмы, освещённые луной и светом из окон, ждали, что кто-нибудь из вас произнесёт те самые три слова: я люблю тебя. Но, увы, не в этот раз.

Всю дорогу до дома подростки будут думать только о последних минутах прогулки. Поднимаясь по лестнице или на лифте, будут оценивать сегодняшний день, и подводить итоги, желая растянуть момент счастья после объятий перед закрытием стальной двери подъезда. И даже, казалось бы, по приходу домой, побегут проверять почту, в надежде на вне-

запные сообщения друг от друга.

И был вечер, и было утро: день пятый.

Недавняя прогулка с парнем сильно запомнилась Лизе, да так, что она заснула позже обычного, не переставая думать о тех ярких моментах, которые произошли во время их долгих, но не бессмысленных разговоров. Порой, они обсуждали самые глупые вещи, придавая всему серьёзный контекст, просто потому что это было весело.

Даже пытаясь абстрагироваться от абсолютно всех мыслей и заснуть, мельком в её голове проскакивали нелепые шутки парня, ухватившись за которые её уносило в глубокие воспоминания, за что и ругала себя. И кое-как, сама того не заметив, она наконец засыпает почти под самое утро, чему, конечно же, позже удивится.

Прошедший солнечный и тёплый день сменила холодная и вечно пасмурная неделя. И сегодняшнее утро не было исключением. Открывает глаза Лиза в серой и пустой комнате. Первым делом, что сделала девушка, это раздвинула шторы.

– Ого.

Ствол дерева и вся детская площадка исчезли в утреннем тумане, окутавший весь город.

– Ну, хотя бы дождя нет, уже что-то. – каждое слово девушки отскакивало от пустых стен и возвращалось назад ещё громче прежнего. Кроме неё и небольшой квартиры, будто ничего вовсе и не существовало.

"Привет". – это было единственное сообщение парня в ответ на четыре пришедших.

"Как ты себя чувствуешь? Я хотела предложить погулять", – кажется, вот и она – счастливая полоса. Отношения с парнем, вроде, налаживаются, и более ничего не волнует. После недавней прогулки Лиза почувствовала, что в её жизнь вернулись смысл и чувства. Эмоции, которые она уже очень давно не испытывала: простая радость и тепло близкого человека, ей очень нравились, и она рада, что не всё потеряно.

"Ах да, блин. Тут такое дело, никак сегодня. Прости...". Всё бы ничего, если бы это было единственным подобным сообщением во всей истории переписки между ними, но, к сожалению, для девушки, подобное означало остывшие чувства и полное игнорирование. Именно из-за частых пауз в общении они и разошлись в прошлом. Но, кажется, что даже начатые с чистого листа отношения и прекрасная прогулка являются ничем иным как мимолётными эмоциями и ничто более за ними не стоит. Почему Лиза так уверена, что перерыв в их отношениях снова наступил? Она знает, как прой-

дёт следующая неделя.

Отвлечься от навязчивых мыслей, которые сами никуда не пропадут, может помочь бессмысленная болтовня по телевизору. Но, увы, при включении девушка столкнулась лишь с белым шумом и недоступными каналами, ставшие причиной небольшого нервного срыва, из-за которого пульт был брошен аж в самый конец комнаты. Телефон был отключён вместе и интернетом, и, не желая больше видеть его, был брошен подальше от глаз.

"Мне всё равно, мне всё равно, мне всё равно", – твердила Лиза, – "меня это не волнует и не касается. Что угодно, но только не он". – постоянное проговаривание немного успокаивало, внушая себе абсолютное безразличие по отношению к парню, который так разозлил её, – "пошёл ты!".

Ничего не остаётся, как сесть на пол и, держа в руках телефон, пытаться остановить слёзы, которые вот-вот покатятся по щёкам. Неужели всё это он делает специально, чтобы позлить, думала Лиза, неужто поиздеваться и припомнить недавнее расставание?

Сидя в пустой комнате, окружённая пустыми серыми стенами Лиза накручивала себя, что больше никому не нужна, ведь, даже очень близкий для неё друг, которому она доверяла и открылась, оказался способен на игнорирование. В

какой-то момент ей показалось, что стены начали двигаться и сближаться, давя на и без того разбитого внутри человека, доведя его до истерики и слёз.

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый.

Так совершены небо и земля и все воинство их.

Я есть Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядёт, Вседержитель.

– Останься на час и как следует, осмотришь, если возникнет желание, но я бы этого делать не стал, во всяком случае, в первый раз, потому что потрясение будет слишком велико... – стоящий у доски ученик пытался пересказать заданную на дом книгу, которую он, естественно, до конца не прочитал, лишь пытаясь нелепо выкрутиться на самую маленькую тройку и поскорее вернуться к своим друзьям на задние ряды, продолжив беззаботные, не касающиеся школы, разговоры.

– Кап, кап... – тихо шептала Лиза на последней парте, пытаясь отстраниться от скучного урока и скоротать время до звонка. Хотя, уроки всё равно продолжатся после минутной радости.

За старыми и пыльными шторами можно было разглядеть морозящий дождик, привлёкший всё внимание скучающей девушки.

Звонок. Перемена. Лиза медленно плелась позади друзей, и что-то говорила себе под нос, не подавая виду, что ей одиноко, как думала она. Парень бурно обсуждал с новой подружкой недавнюю прогулку, припоминая ей те неловкие моменты, в которых они побывали, будто совсем не замечая медленно шагающую позади них Лизу.

Чувства, что испытывала одинокая девушка, были схожи со сброшенными на пол банками с краской: каждую секунду она менялась в лице, придумывая оправдания такому недоумению. Что такая ситуация ничего не стоит, оглядываясь на прошлое. Что пройдёт пара минут, и они заговорят, и всё будет как всегда.

– Ну ладно, что ж. Прощаемся! – молодой человек остановился у лестницы и, подтянув вторую лямку портфеля на плечо, раскинул руки в сторону, готовясь к объятиям.

– Да, давай! – объятия друзей Лизы были, как ей казалось, мучительно долгими и крепкими.

– Пока! – холодно, будто уже ни на что, не надеясь, Лиза протянула руку парню для обычного рукопожатия, будто намекая ему, что ни всё в порядке, – увидимся! – это было, на-

верное, самое неловкое рукопожатие которое помнили оба подростка.

Обменявшись ещё парочкой прощальных слов, парень вскоре убежал на нижний этаж, когда девушки же остались стоять у лестницы, боясь друг с другом заговорить. Тот самый третий друг, который связывает разных друзей, ушёл, а значит, всё то время пока подруги будут отвечать на каждый простой вопрос простым ответом, обеим будет очень стыдно за себя. И только лишь до того момента, пока одной не хватит смелости придумать очень глупую отговорку, чтобы уйти наконец домой.

Если находясь с друзьями, девушка забывала, что происходит вневременного промежутка их прогулок, то вот гуляя в одиночестве все мысли полностью сосредоточены на оценке своих действий, а также на прокручивании некоторых эпизодов недели, пытаюсь придумать для них альтернативные исходы. И будучи погружённой в это состояние, Лиза совсем не заметила, что под её ногами валялось бездыханное тело ворона, перья которого были почти полностью сгоревшими.

– Ну как же ты так... – девушка медленно перевернула птицу на спину, и, рассмотрев её полностью, решала сфотографировать.

А дома найти связь между двумя такими инцидентами.

– Что такое, пап? – громко, но случайно хлопнув дверью, девушка наклонилась развязывать шнурки, вдруг, заметила явно чем-то недовольного отца перед телевизором, – что-то не так?

– Ящик барахлит, невозможно нормально что-либо посмотреть. С самого утра такое, ничего не могу сделать!

– А нельзя позвонить кому-то, может быть, починят? – закинув портфель с порога в свою комнату, девушка последовала за ним, уткнувшись в телефон, даже не смотря вперёд.

– Да если бы все было так просто. У кого не спрошу – всё также. А мастер голову чешет и только обещает. Чтоб его. Сам всё сделаю.

– А, ну ладно, – крикнула Лиза, закончив диалог и прикрыв дверь.

Снова бессонная ночь. Но на этот раз на небе можно разглядеть яркий полумесяц в окружении маленьких звёзд. Это немного разбавляло серые и похожие друг на друга дни, заставляя удивляться даже таким, казалось бы, мелочам.

Из-за парочки событий в жизни Лизы, отсутствие общения хорошенько так пугало её: общаясь с малым количеством людей и не столь продолжительно, ей порой кажется, что вот-вот и она забудет, как разговаривать. Пусть это и,

наверное, невозможно, но такое ощущение никогда не покидает её хорошее воображение.

Отложив телефон в сторону, и накинув на себя одеяло, Лиза отвернулась к стене, и, представляя завтрашний день медленно засыпала.

Четыре часа утра. Неприятный лёгкий ветерок пробежал по не укрытой одеялом ноге Лизы и чуть сбил её с мысли. Её холодная левая рука опустилась вниз, а сама она, надкусив нижнюю губу, закатила глаза вверх, продолжая трогать себя под скомканным одеялом. Луны на небе больше не было, как и звёзд, которые спрятались за пришедшими на их место тучами, но, пока не собираясь излить дождь на только-только высохший асфальт и землю. Но не всё было так спокойно: на крыше вот уже несколько минут происходили какие-то странные вещи. Похожи эти звуки были на растерянного и громко шагающего человека, который постоянно за что-то хватался. Именно это и снилось Лизе до тех пор, пока она не проснулась.

Открыв глаза она сразу же поднялась, и сама того не заметив, таранилась в одну точку на окне, будто что-то увидев, или пытаясь увидеть. Когда мозг проснулся, а глаза привыкли к темноте, девушка осмотрелась по сторонам, не забывая про странный шум чуть выше её квартиры, который постепенно нагнетал страху. Никакие ассоциации не приходили в голову, а поэтому приходилось лишь надеется и ссылать всё

на разыгравшийся под утро ветер.

Шаг и небольшая пауза. Затем снова громкий шаг и следующее за ним затишье. Минуты две, может быть, продолжалось чьё-то бездействие, а затем ставшие всё лучше и лучше слышны два шага. Снова пауза. А за ней два топота. Одинокое падение, а после кто-то резко отскочил, причём произошло это будто три раза. Убедившись, что ничего не произошло и, выждав минуту, неизвестный сделал два осторожных шага в сторону следующей комнаты дома, и его уже не было так отчётливо слышно.

Отца будить девушка не стала, да и не нужно это было. Заблудшая душа решила прогуляться на крыше перед восходом и, возможно, даже встретить его на этой крыше. Не выгонять же её за это. Но что-что, а вот испугаться, почувствовать реальный страх, Лизе не удавалось вот уже очень долгое время. Не то, чтобы сегодняшней инцидент был каким-то достижением, но вот он точно будет одним из ярких воспоминаний следующих недель.

Через пару минут все посторонние шуму затихли, оставив девушку наедине со своим неугомонным сердцебиением, которое никак не сбавляло темп, хотя, пора бы уже. Нагоняло жути и беспокойно ведущая себя вода в стакане, которая то и дело подпрыгивала с небольшими паузами. Времени искать связь между колебаниями воды, и шумом на крыше не было, поэтому Лиза уставилась в окно, чувствуя, как всё внутри

неё сжимается. Руки задрожали, а по телу пробежал холод.

Думая, что всё закончилась, девушка вернулась в постель. Отвернувшись к стенке и закрыв глаза, она очнулась лежащей на траве, которая так и щекотала её пятки. Осмотревшись по сторонам, ничего кроме яблоневых деревьев вокруг неё не было. Всё было залито ярким жёлто-оранжевым светом, но, на удивление, не слепящим. Вспоминая недавние события, тело Лизы было расслаблено, а дыхание спокойным.

Но, всё бы хорошо, да вот только это было сном, а девушка спала и была в своей кровати.

После всего, вдруг, на кухне застучала посуда, а мебель в зале задрожала. Всё вело себя максимально не спокойно, и первое, что пришло на ум сонной девушке – землетрясение. Настолько сильное, кажется, она за всю свою жизнь и не знала, поэтому растерялась и замолкла, позабыв напрочь все часы, проведённые на уроках ОБЖ. Началась настоящая паника, что делать? Шокирующее происшествие затуманило разум Лизы, приковав её к полу и заставив глупо таращиться на дрожащие стены. Страх пожирал её. Он двигался медленно, наслаждался моментом и желал растянуть его с маленькой девочкой, не спеша, растекаясь по всему телу. Испытав неплохой такой ужас, кровь постепенно остывала, а мышцы сокращались, не давая покинуть одинокую комнату.

Но, кажется, всё успокоилось. Эти несколько секунд про-

шли как несколько часов, подарив для всех незабываемые впечатления ближе к рассвету.

– Лиза! – в комнату вбежал отец и ещё несколько секунд пытался разглядеть дочь в тёмной комнате

– Я здесь, пап. Всё в порядке... – девушка крепко обняла отца и ещё пару секунд не отпускала его, – ты помнишь, чтобы такое когда-нибудь было здесь? – такие объятия друг от друга они уже давно не получали, и если отец думал, что больше их не заслуживал, то Лиза боялась как-то показать свои эмоции. Поняв, что они снова близки, ещё долгое время не расходились.

Конечно же, ужасные и потрясающие всех события этой ночью никто не оставит без внимания: каждый разговор в школьном коридоре был только о прошедшем землетрясении и его внезапном появлении. Ничто другое более не волновало школьников как те эмоции, что они испытали при подземных толчках. Но среди этой всеми обсуждаемой темы Лиза расслышала заинтересовавший её разговор двух восьмиклассниц на лестничной площадке этажом выше:

– Он уже давно должен был быть дома, но его нет. Он никогда так долго не задерживался. Да даже если так, то обязательно сказал бы.

– Ты думаешь, что это он пропал из-за землетрясения?

– Дома его не было, а на телефон не отвечает. Я боюсь, что с ним что-то произошло той ночью...

– Иди сюда, – девочка обняла свою подругу и обе встали к перилам, глядя вниз, – слушай, даже старый ларёк за школой не упал от такой тряски, с твоим отцом всё в порядке. Наверняка по этому случаю у них на работе какие-нибудь беседы или инструктажи, а?

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

Сквозь тучи проглядывало садящееся за горизонт яркое оранжевое солнце, что было редкостью для таких серых дней. Ещё немного и подойдёт к концу последний на сегодня урок, после которого Лиза всё также одна пойдёт домой, всё той же дорогой, как и всегда.

Но между мыслями о звонке и горячем ужине после школы проскакивала знакомая мелодия, доносящаяся из музыкальной шкатулки, играющая где-то глубоко в подсознании. Музыка хоть и была знакомой, но точно вспомнить её первое прослушивание было весьма затруднительно.

Неожиданно для первых парт вечно шумные и басистые голоса парней в конце класса растаяли и унеслись в окно вместе со сквозняком. Что-что, а затишье последних парт

привлекло к себе всё внимание учителя и учеников.

В кабинет вошёл директор школы и сопровождающие его два человека в военной форме. Если директор быстрым шагом направился к столу испуганной молодой преподавательницы под шёпоты не менее напуганных школьников, то люди с автоматами наперевес встали у дверей по разные стороны класса. Переглядываясь между собой, создавалось впечатление, что они общаются между собой с помощью быстрых и едва заметных движений глазами.

Никому, даже самым любопытным и наглым ученикам с первых парт не удалось расслышать те впечатляющие слова сказанные директором. Но вскоре всех попросили покинуть кабинет.

– Что вы делаете? – казалось, что вот-вот Лиза закричит, – куда вы пошли? Нам же вниз сказали идти. – девушка схватила парня за рюкзак, где болтался тот самый нелепый брелок в виде жёлтого цветочка, и потянула к себе.

– Такое в мои планы не входило. – парень с трудом выдернул свою руку из крепких объятий подруги и отскочил назад, отбившись от колонны одноклассников. – сесть в автобус к вооружённым людям? Ещё чего. Мы отсидимся около школы некоторое время, а потом вернёмся домой, уроки всё равно уже закончились. Что нам будет?

Лиза остановилась и сквозь проходящий мимо неё по-

ток школьников наблюдала за оборвавшейся нитью верности, растоптав которую убегающие прочь друзья даже не заметили, или заметили, но уже давно не придающие этому значение.

– Пожалуйста, не останавливайтесь! – Лиза очнулась и направилась к лестнице в компании военного, который любезно решил проводить одинокую девушку к остальным.

Посадка окончена. Автобусы переполнены, а посадочных мест на всех учеников не хватает: им остаётся стоять на заднем дворе школы в окружении нескольких военных, приставленные к ним для контроля, чтобы некоторые индивидуумы не посчитали себя героями и не сбежали.

Лиза то и дело поглядывала за растерянными старшеклассниками по ту сторону окна, иногда переключаясь на стекающие по стеклу капли.

Казалось, что с каждой пройденной минутой всё затихало, теряло свой звук. Руки не переставали дрожать, и даже не от страха или холода, а от размытой судьбы нескольких школьников, которые стоя в одних рубашках держали куртки над своими одноклассницами, только чтобы они не промокли и не простыли.

– Ж-ж-ж-жарковато как-то, д-д-да парни? – крикнул один

из парней, потирая свой холодный нос.

– Не то слово, я уже вспотел, – дополнил дрожащий ученик, – взгляни на меня, рубашку хоть выжимай!

Среди них была и пара, укрывающаяся под одной тонкой курткой. Кажется, что их уже больше ничто не волнует, есть только они и их любовь. Сидели они чуть в стороне от остальных, на бордюре.

Но всё внимание переключилось на достаточно громкий хлопок в соседнем дворе, прозвучавший позже ещё несколько раз.

– Давай, в путь! – военный постучал по стеклу, и автобус тронулся с места, оставив позади оставшихся без мест ребят мокнуть под дождём.

В ту же секунду Лиза забыла о своей стеснительности и, решив, что со школьниками поступили не правильно, вскочила с места и закричала:

– Но там остались люди, как же они? – ответа не последовало. Этим она только приковала к себе внимание всех пассажиров, которым, кажется, не особо и была важна судьба старшеклассников.

– Так же нельзя... – прошептала девушка, – Они же там одни...

Всю дорогу Лиза, не отрываясь, смотрела в телефон, пытаясь, как и все найти сигнал и отправить родным хотя бы маленькое сообщение, что с ними всё в порядке.

За всё время поездки волосы уже успели высохнуть, а молчание надоест. Складывалось впечатление, что все боялись даже шептаться друг с другом находясь в этом автобусе, ну, оно и понятно: эвакуировали из школы, забрав с последнего урока, ничего толком не объясняют, а лишь подбрасывают дров в костёр тайн и загадок, везут куда-то. А нас точно не похитили? Такой вопрос проскакивал не раз.

Покою не давал странный шум, доносящийся с улицы, не давая думать о чём-то другом, крадя всё внимание.

В миг всё приобрело уже привычный тёмно-серый оттенок после прошедшего дождя. Даже через довольно-таки плотное окно можно было уловить маленький сквознячок, и почуять возвращающую к жизни свежесть мокрого асфальта.

Спустя какое-то время волнения в салоне утихли, а некоторые и вовсе почувствовали облегчение и задремали на плечах своих друзей под еле доносящийся шум мотора и расплёскивающихся во все стороны луж. И если внутри автобуса царил тишина, то вот за его пределами творилось чёрт-те что. Люди буквально возненавидели друг друга, устроив на улицах настоящие бойни и грабежи только из-за сообщения о катастрофе, о которой, долго умалчивали. Вскоре хаос проник внутрь машины вместе с ветром, затаившись у окон в ожидании подходящего момента, чтобы разбудить напуган-

ных детей. Прозвучал громкий хлопок, который поднял всех на уши, и, выдернув всех из сновидений, привлёк внимание на кричащую от боли улицу.

Люди бросали камни в витрины и стёкла автомобилей в надежде что-то забрать, почувяв безнаказанность и свободу. И даже дождь был не в силах погасить костры взбунтовавшихся, которые они зажгли почти на каждом углу. Противостояли им крохотные, уже не справляющиеся группы полицейских, отчаянно, но, не опуская рук, разгоняя людей. Стало быть, дела совсем плохи.

Следом за очередным хлопком последовала спустившая на землю тряска, схожая с ночным землетрясением. Глаза улавливали каждое движение рядом сидящих пассажиров и мерцающие огни вывесок за окном. Казалось, что за каждым поворотом становилось всё темнее и тише: солнца нет уже давно, его сменили грозовые тучи, а люди, судя по всему, собираются в группы и вместе уходят куда-то подальше от центра. Кому-то в салоне даже удавалось не открывать глаза посреди всей этой шумихи и продолжать беззаботно сопеть, будто ничего и не происходит вовсе. Их бесстрашию можно только позавидовать, как в тоже время Лиза специально трогала низ своей большой кофты или постоянно убирала уже высохшие волосы назад, просто потому что благодаря таким простым действиям она мысленно оставалась в этом автобусе и чувствовала себя в безопасности. Помогали этому и изредка переговаривающиеся между собой военные на

первых сидениях. Их речь крепко связала девушку, глуша все неприятные звуки хаоса.

Лиза повернулась назад и на спинку сидения положили противогазы.

– Зачем?

– Возьми этот, а остальные передай вперёд.

А потом, всё замолчало и исчезло.

И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются; тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою.

И тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков.

И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Пришел к своим, и свои Его не приняли.

Всем своим телом можно было прочувствовать дрожа-

щую от ветра траву, которая играясь, щекотала ноги и грудь. Она будто неугомонный ребёнок пыталась поднять с места неохотно поддающееся голое тело молодого человека. Посреди уже почерневшего поля как луна в пасмурную погоду лежал оголённый и принявший позу эмбриона парень, который, наверное, ещё сам не догадывался о потере одежды.

Наконец, сухая трава всё-таки смогла выдернуть его из сна и вернуть в настоящий мир, каким бы пугающим и страшным он не был.

Открыв глаза, парень не спешил кричать, потому что не до конца понимал происходящего вокруг, списывая это на ещё продолжающееся сновидение, от которого он не полностью отошёл. Мозг только-только запустил свои процессы, а поэтому думать, и оценивать ситуацию было пока сложно. Всё это было похоже на какой-то сюрреализм: тьма, колосья, голый парень, скрючившийся от холода. Будто все картины, которые когда-либо увиденные в жизни слились в одно большое полотно, где ни один из многих рисовавших так и не договорился об общем виденье. В голове, на удивление, не было ни нагоняющей страху темноты, ни объяснения отсутствию нижней одежды, а громкая, будто, играющая у самых ног старая и уже не пригодная к игре скрипка. Стальная ржавая дверь открывалась с точно таким же звуком, проскакивая между мыслями о наготы и громыхающими кастрюлями, создавая внутри черепной коробки раздражающие душу звуки, от которых даже после закрытия ушей ладонями у висков

пульсировали вены.

Терпеть это, больше нет сил. Парень поднялся с впитавшей жар тела земли, затянул ремни своего противогоза покрепче и не прикрываясь, осмотрелся, покрутив головой. Ничего... Странно, а что можно было ожидать? Куда не глянь, всюду тьма.

– А где озеро то? – если вы когда-нибудь кричали, находясь в полной глуши, то поймёте, как пара слов облетела, наверное, всё поле, если не больше. Улыбнувшись, парень отдал должное дыму: его руки начинали дрожать, и вовсе не из-за пробегающего по его телу холода. Страх таился в той же траве, где и стоял подросток. Вокруг ничего, кроме собственного присутствия и наличия обезвоженной и сухой земли высматривать было нечего. – Эй! – окликнуть кого-нибудь было единственной идеей. Хотя, найти свою одежду было в приоритете.

Несмотря на полное отсутствие горизонта, в голове благодаря воспоминаниям составлялась карта местности, пусть и не чёткая, совсем размытая, зато можно было примерно представить, где находится озеро. Найдёте озеро – найдутся и ответы.

– Как же хорошо, что оптимизм всегда при мне, что не

скажешь о штанах... – молодой человек провёл горячей рукой по холодной коже где находились рёбра и, подскочив от боли вспомнил о синяке, который кто-то оставил ему на прощание. Но даже после такого контакта память не спешила возвращаться. – всё как в тумане... Хотя, неудачная шутка, учитывая моё положение. Глупо как-то вышло...

– Может быть, я умер? Покинул всех навсегда и теперь нахожусь там, где нахожусь... Ладно, если это жизнь после смерти, то она очень скучная. – рот ему не заткнуть, даже будучи в столь необычной ситуации. Но делал он это уже через силу, не поддаваясь на манящий соблазн впасть в истерику и с криками стуча кулаками по земле, винить мир в его неоправданной жестокости.

С приходом уже царствующей темноты, спустя некоторое время в голову закрадывается назойливая мысль, подмечающая исчезновение самых привычных звуков, ежедневно доносящихся отовсюду.

Находясь в окружении больших железных гаражей, ничего кроме стучащей по их крышам воды и хлюпающей грязи под ногами слышно не было. Это всё, что удалось подметить молодому парню в военной форме. Он стоял неподвижно и, облокотившись на капот автомобиля, стал невольным наблюдателем неравного поединка между двумя вечно сражающимися сторонами. Свет от фар стремился куда-то

в непроглядную глубь материи, но, к большому сожалению, не был способен поймать даже самого крохотного контура предмета перед автомобилем.

– Кажется, нашли одного. В гараже копается, – из дыма к автомобилю вышел мужчина средних лет, но уже с явной проглядывающей сединой и в той же военной форме. – пойдём!

Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

Но Он не был свет.

Ржавая дверь гаража со скрипом покачивалась от ветра, перебивая медленные, но стремительно приближающиеся шаги военных.

Над верстаком стоял мужчина. Вид у него был, мягко говоря, не очень. Пальто, кажется, было совсем другого цвета, нежели сейчас. Лишь на одном рукаве можно было разглядеть дырки размером с ладонь, а пуговицы, как и карманы, были хладнокровно вырваны.

Шум дождя, льющаяся вода в салон автобуса, и звук включённого поворотника, всё, что слышала девушка, открыв глаза. Протерев стекло противогоза, еле видимое разбитое окно наверху, которое увидела Лиза, создавало немало во-

просов. После каждого движения следовало оглушающее эхо трескающегося стекла и металла, вбивающее гвозди в и без того потерянное и дезориентированное состояние после аварии. Что-либо произнести вслух было невозможно из-за неприятного привкуса крови во рту и десятка окружающих маленькую девочку трупов, половина из которых находилась вне автобуса, где-то на дороге, наверное. Осознание ужасной аварии запаздывало и приходило частями. Не было ни криков, ни слёз, лишь стоящая в луже из крови, воды и грязи девушка, осматривающая заваленный мертвецами перевёрнутый автобус, который, казалось, вот-вот затопит. А в голове лишь одна мысль: почему я?

– А почему бы и не я? – Лиза присела, чтобы взглянуть на лобовое стекло, испытывая надежду выбраться через него наружу.

Вместе с ней в автобусе сидели люди, имеющие за собой мечты и желания, истории, которые они пережили и могли пережить, но сейчас девушка пробирается к выходу через их бездыханные и окровавленные тела, пытаясь не впасть в истерику.

На несколько секунд кое-что по ту сторону автобуса возмутило Лизу, заставив прекратить движение и замереть на месте. Это была тьма. Непроглядная чернота за окном немного пугала. Неужели уже ночь?

Она выползла на улицу и увидела перед собой... Ничего. Всё будто исчезло, не оставив и следа после себя. Вода с кровью стекала по лицу, огибала ремни противогаза и капала в лужу, постепенно приобретающая красный цвет. С каждым выдохом вне заваленного труппами автобуса становилось немного лучше. Набравшись сил, и уже более-менее трезво оценивая ситуацию, в голову вернулась мысль о людях в автобусе, и что, возможно, кому-то нужна её помощь. Не торопясь, медленно и чуть хромая она пошла в сторону перевернутого транспортного средства.

– Боже, нет... – чуть обойдя автобус, можно было увидеть большую красную лужу крови, вытекающую из салона автомобиля, протаранившего автобус. Хотя, это было сложно назвать транспортным средством, ведь теперь это плотно сжатые искорёженные куски металла, а посему водителя искать не было смысла.

Хлюпающие кеды и промокшая одежда не столько волновали девушку, как поиски живых людей. Хотя бы кого-нибудь. Вместе с каплями, с неба падал чёрный пепел. Большие хлопья моментально впитывались вместе с водой в куртку и рубашку, превратив одежду не понято во что. Этому было лишь одно пришедшее в голову объяснение – где-то серьёзный пожар.

В купе с темнотой дождь создавал практически нулевую видимость, да и стекло в противогозде постоянно запотеваает, что очень мешало.

– Надеюсь, эта штука работает. – поправив ремни маски, Лиза решила немного пройтись и попытаться составить полную картину случившемуся.

Ощущения были похожи на то, что она стоит посреди бесконечной дороги, где-то вдали от цивилизации, казавшейся такой из-за тумана и абсолютной тишины. Вокруг не было буквально ничего, она была одна в этой темноте, а в голове лишь еле доносящийся и не утихающий колокол.

И поместили там человека, на востоке, которого создали.

Больше всего, наверное, было страшно наматывать круги вокруг поля, вместо того, чтобы продвигаться в поисках живых людей, или хотя бы штанов.

Парень не спеша подкрался к машине, стараясь лучше осмотреть её со всех сторон. Чёрный джип увяз в грязи задними колёсами и, судя по всему, поэтому его здесь и бросили, оставив двери нараспашку.

Где-то высоко в небе, которого не видно, набирал силу гром, готовясь обрушиться на землю вместе с ледяным дождём. Недолго думая, парень запрыгнул в машину, запер

двери и откинулся назад, чувствуя прохладу сидений всем своим голым и незащищённым телом. В тот же момент на глаза попались свисающие с заднего сидения бежевые брюки, которые маячили в стекле заднего вида, так и крича о своём присутствии.

– Да ладно, ахринеть! – молодой человек жадно набросился на них и за долю секунды натянул на свои ноги, медленно глядя штанины от приятных ощущений.

Эйфория была прервана неприятным скрежетом металла где-то неподалёку, шум которого закрадывался всё глубже и глубже в подсознание, приказывая найти источник звука. К бамперу автомобиля был прикреплен буксировочный трос, тянувшийся куда-то вглубь непроглядной тьмы, и, судя по сильному натяжению, впереди что-то было. После открытия двери, среди стучащих капель, в той же стороне, что и натянутый трос, можно было отчётливо слышать расплёскивающуюся воду и удары волн о маленький берег. Что-то или кто-то находилось в воде совсем рядом, всего в нескольких шагах от безопасного и комфортного автомобиля.

Молодой человек не спеша подошёл к тросу и взял его в руку, чтобы следовать за ним вперёд, создавая этим удерживающую его иллюзию комфорта и спокойствия, представляя, что всё-таки не всё в этом мире исчезло бесследно.

Через пару шагов машина скрылась в тумане, и парень остался наедине с пожирающим его страхом, найдя под своими ногами крутой враг, куда чуть не свалился. Аккуратно спустившись вниз и ступив босыми ногами на холодный песок по телу, не смотря на дождь, пробежали мурашки, напоминая об отсутствии верхней одежды и обуви. Двигаясь вперёд, на глаза попала длинная белая ленточка, уходящая куда-то вглубь песка. Будто маяк в самый сильный шторм она взывала к себе путников, рассеивая тьму вокруг себя.

Дёрнув за трос, в руках почувствовалась лёгкость, а к берегу сбегались все волны. Дёрнув ещё раз, но уже с большой силой, из тумана показалось большое и старое бревно, к которому и был привязан трос.

Не успел парень толком разглядеть одиноко плавающий предмет, как на глаза попала девушка, лежащая на том бревне, руки которой были по локоть погружены в воду. Перекинув взгляд с ног на тело, пришлось немного прищуриться от ослепительно белого платья на ней, не потерявшее свой блеск даже из-за продолжительного дождя и прицепившихся к нему водорослей. Сердце в туже секунду замерло, наверное, не столько из-за красоты, сколько от человека находящегося рядом.

Но если для парня это было фигурально, то вот у девушки, судя по всему, сердце и вправду остановилось. Не смотря на все крики и рывки со стороны берега, она не хотела под-

ниматься или издавать каких-либо звуков.

Аккуратно уложив её на спину, молодой человек склонился над её грудью, пытаясь услышать даже самый маленький хрип или кашель.

– Ну, ну, ну, давай! – слёзы смешивались с дождём и падали на уже почерневшее от песка и грязи платье, но даже после искусственного дыхания девушка не открыла глаза.

После ещё нескольких попыток, страх полностью взял вверх над подростком, оттолкнув его назад к оврагу, сковав руки и ноги. Тьма приказывала, а он подчинялся ей беспрекословно, не смотря на дрожь и сбившееся дыхание. Вода же пыталась ухватиться за ноги и утопить парня в озере, после выбросив его бездыханное тело на берег к девушке, где бы они мило лежали рядом друг с другом смотря туда, где когда-то раньше находилось небо.

Всё закончилось, когда подросток вернулся к машине, забыв обо всём, что случилось с ним несколько минут назад. Прислонившись спиной к номерному знаку с цифрами ноль семьдесят восемь, он пытался восстановить дыхание и заглушить скрежет металла в его голове, доносящийся со всех сторон. Медленно пожирая часть его души и держа в постоянном напряжении, звук создавал невероятный дискомфорт, усиливающийся с каждым выдохом.

Шум, кажется, прошёл, но эхом проносился в голове каждые несколько минут, напоминая о себе и прошлом. Вытянув руку вперёд, её касалась яркая белая нить. Обхватив всё запястье, она тянула всё тело вперёд, но не приказывала этого делать. Под ногами была грязная зелёная вода и играющие с волнами водоросли.

Совершенно внезапно и не торопясь из воды поднялись человеческие руки, тянущиеся пальцами вверх так, будто вот-вот оторвутся. Их становилось всё больше и больше с каждой секундой. Несколько даже ударились об ноги неподвижно стоящего парня, но, не придавая этому значению, просто подвинулись, выпрямившись чуть дальше от него.

В миг, всё пропало. Глаза открылись только после громкого вороньего крика неподалёку. Обернувшись на звук можно было увидеть, как птица жадно поела внутренности девушки лежащей на мокрых камнях, игриво взмахивая крыльями.

Парень открыл глаза, а перед ним был салон автомобиля, где он заснул под шум дождя, сам того не заметив.

– Разрешите? – спросил старший военный, постучав по металлической двери гаража.

– Здравствуйте... – вмиг, мужчина у верстака замолк, – вы проходите, пожалуйста!

Доски закрипели, банки и бутылки застучали, а люди в форме уселись на хлипкие деревянные стулья, краска с которых сыпалась от малейшего покачивания. Везде царил бардак и раскардаш.

– Чем я обязан... Таким визитом?

– Киря, стой у двери, пожалуйста. – Кирилл, младший по званию, после приказа напоследок осмотрел ржавый гараж и покинул его, что-то бубня себя под нос. – ну-с, отец, как поживаешь?

– Как поживаю... Сам видишь, бесы на нашу голову небеса уронили, люди пропадают. А вы, собственно, зачем к старику явились? – дрожащими руками мужчина глотнул воды, половина которой утекла на пол и одежду, стекая по седой бороде.

– А тут что делаешь, мастеришь чего?

– Да я ж это, ну, ружьё своё охотничье чищу, сами понимаете... – каждое слово старика сопровождалось почёсыванием руки, скрытой за большим рукавом, от чего тот нервничал.

– А чего вы ко мне...

– Хорошо тут у тебя, – военный подвинул скрипучий стул ближе к верстаку, не спуская глаз с собеседника, – огурцы, батон, водка, плед и патроны. Запасы делаешь?

Старик замолчал, не зная, что и сказать, лишь почёсы-

вая голову и посматривая на заряженное ружьё в нескольких метрах от него.

– А чего вы... – все пожелтевшие от солнца плакаты и банки за спиной в мгновение оказались забрызганы кровью, как в прочем, и пальто пожилого мужчины, с грохотом свалившись со стула на прогнившие доски, пытаюсь прокряхтеть напоследок заученную молитву.

– Какого хрена? – под звуки бьющихся банок внутрь забежал Кирилл, держа перед собой автомат.

– Сукин сын ружьё на меня направил, чуть не выстрелил. Я в порядке.

– А он?

– Сидит в открытом гараже без противогаза хрен знает сколько. Всё время руку свою чесал, пока мы говорили, а значит, уже подхватил эту заразу.

Кирилл не стал задерживаться и после разговора один вернулся в машину. Ёрзая на сидении он не находил себе места, пытаюсь разглядеть в дыму человеческую фигуру. В голове произошла уже сотня сценариев, и каждый из них может оказаться реальным.

Но страх развеялся, когда старший военный показался из тумана, держа в руках зажигалку и постоянно оглядываясь назад.

Костры потухли, улицы затихли, а люди исчезли. Глядя по сторонам, создавалось впечатление, что всё вокруг умерло, превратившись в кладбище некогда существовавшей здесь цивилизации и навсегда забытых вещей. Брошенные тележки с продуктами, автомобили с выбитыми стёклами: всё собой напоминало о бурной жизни, некогда кипевшей здесь до дыма. Лишь непрекращающийся дождь и вечно шепчущий на ухо ветер никогда не покинут эти места, оставаясь невидимыми призраками, обживающие заброшенные дома.

Тяжёлое женское дыхание пролетело несколько улиц, и цепляясь за каждый фонарный столб упёрлось в импровизированный пропускной пункт из нескольких мятых и дырявых автомобилей, утопившись впоследствии в луже. Островком надежды стал самый обыкновенный бетонный козырёк у подъезда, укрывающий от уже раздражающего дождя. Лиза наблюдала за уплывающей куда-то вглубь тьмы старой газетой, появившиеся, будто из неоткуда, она также незаметно и исчезла, растворившись в окутанном тумане дворе. Мысли полностью подчинили себе бедную растерявшуюся девушку, подвергнув мукам её хрупкое сознание, которое находится сейчас в очень стрессовой ситуации, не находя объяснений всему происходящему. Сотни тысяч маленьких осколков вонзались в идеальный мир маленькой девочки, разрушая всё то, что она любила, превратив всё буквально в пустоту, заставляя жить на руинах своего города, с захороненными под ним же людьми.

Вдобавок ко всем проблемам, об ещё одной напомнил недовольно пробурчавший желудок, требуя еды, даже после всего пережитого. Спорить смысла не было, да и сидеть на ледяном бетоне поглядывая на воду, было не самым приятным занятием, так что, отвлечься от всех проблем можно было с помощью хорошего перекуса.

Встав с плиты, Лиза по привычке отряхнулась, не сразу вспомнив про окровавленную и порванную после аварии рубашку. Это простое событие подарило, как ей казалось, навсегда утерянную улыбку, после чего она сама будто засеяла, прогоняя своим светом тьму.

Под ногами захрустели стекло и опустошённые пластиковые пакеты. Абсолютно все окна магазина были разбиты, но внутрь девушка попала всё равно через дверь, сочтя это уважением к издающему последние вздохи зданию. Может быть, это было и глупо, но, она была честна перед собой, кто оспорит её решение?

Впереди мучительные минуты, а то и часы, раздумий о необходимости взять те или иные продукты, вспоминая о сроках годности. Выбор был между: пересилить себя и взять консервы, либо же мучать себя голодом, питаясь газированными напитками и булочками. Взять всё невозможно, думала Лиза, но и жить в холоде, хоть и полном еды магазине тоже не вариант. Рано или поздно она испортится, да и бро-

сать поиски людей тоже нельзя, как и бродить в потёмках.

На несколько секунд самый обычный огонь из зажигалки унёс девушку далеко в прошлое, после чего в нос ударил запах плавящейся свечи с праздничного торта. Это было так недавно, но, казалось, ненастоящим, выдуманым воспоминанием из-за свалившегося на голову тумана. Но огонь осветил не только мысли, но и магазин, заставив его сердце вновь стучать, вернув цвета на свои привычные места.

С испугу она даже уронила зажигалку на пол, чуть не раздавив, после чьего-то кашля. Спрятавшись под кассу, Лиза пыталась не моргать, следя за тёмной фигурой в самом дальнем углу отдела. Постепенно, глаза привыкали к темноте, показывая лежащего на полу человека, дыхание которого было отчётливо слышно даже под кассой. Не такую встречу с выжившими она себе представляла, выглядывая из-за кассы.

– Ну, подойди, подойди! Сам-то я, уже не смогу... Не бойся. – добавил он в конце, чуть не закашляв. По голосу пожилой мужчина.

– Кто вы?

– Мертвец, судя по всему...

– Вы знаете, что произошло с нашим городом? Откуда взялась эта тьма?

– Как же, ты не слышала про аварию за городом? Утечка на станции.

– Боже мой, что с вами? – Лиза встала в лужу крови, смот-

ря на пулевые отверстия в теле старика.

– Не понравился я кому-то видимо, вот и словил пулевое... – но подняв голову, глаза его заблестели, – а знаешь что? Подойди ближе, пожалуйста. – вот, взгляни! – мужчина вытащил из кармана мятую фотографию и трясущимися руками протянул девушке, – ты очень похожа на мою внучку. Вот она, справа стоит. Ну вылитая ты: губы, нос, глаза, всё её! – сам старик посмотреть был не в силах, не зная, что не так давно сделанная фотография была вся вымазана в крови, о чём Лиза сказать не могла.

– Красивая. И вправду похожа...

– Возьми её.

– Что? Подождите, может, я найду аптеку и...

– Посмотри на меня, я уже мёртв! – крикнул мужчина, ударяя кулаком по груди, – а так, может быть, ты передашь ей фотографию и сделаешь её счастливой...

Магазин покинул последний хриплый вздох, оставив Лизу, держа в руках кровавую фотографию, смотреть на мёртвого старика, захлебнувшегося в собственной крови. После нескольких минут раздумий, девушка сложила фотографию и спрятала во внутренний карман, пообещав найти девочку.

Мысль о потере своих родных не давала покоя, а поэтому, зацепившись за эту просьбу, Лиза пыталась найти в этом умиротворение и попытаться отпустить прошлое, ставшее единым целым с тёмным туманом. Наконец-то в этом бес-

смысленном хождении меж могил чьих-то мечт нашлась искра, готовящаяся пробудить в одиноком подростке жизнь и появившуюся в ней цель.

Смириться с пропажей, а, может быть, даже и смертью близких было очень трудно. Такие сюжеты покидали голову моментально, не успев закрепиться в сознании и морально задавить девушку, на что она отвечала отрицанием пропажи любых людей, активировав защитный механизм.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

Дождь стучал по лежащим на холодном асфальте осколкам окон, образуя блестящие лужи под ногами и создавая преданную забвению мелодию, дополняющуюся звоном металлических навесов.

Выйдя из магазина, Лиза старалась всегда держать руку около кармана, боясь случайно выронить фотографию. Собрав полный рюкзак вещей первой необходимости в планах было отправиться вглубь города на поиски живых людей. Хруст стекла под кедами пронёсся громким эхом по всей улице, оставив оглушительное воспоминание о недавней аварии, напомнив обо всех пережитых в тот момент эмоциях. Шмыгнув носом и поправив лямки рюкзака, промокшая до нитки девушка пошла в сторону проезжей части.

Недавний эпизод с умершим прямо на глазах стариком

не стал чем-то облегчающим, наоборот, разделив мысли надвое, он породил собой проскакивающую на секунду улыбку, сменяющую собой печаль и ужас перед неизвестностью. Вопросов становилось всё больше и больше, а ответы были размыты или вовсе не найдены. Размытым казался и изменившийся взгляд девушки на окружающий её новый мир и на вещи, что в нём теперь являются нормой.

В таком же расфокусе предстала фигура загадочного человека в конце улицы, чей силуэт, сливаясь с дождём, становился с ним почти единым целым. При попытке рассмотреть неизвестного, в голове возникали разные ассоциации, и первая из них, доминирующая, являлась шумом старого неработающего телевизора, преподнося выжившего как нечто загадочное и даже мистическое.

Лиза здесь не одна, и она это понимала. Где-то неподалёку есть как минимум один человек, имеющий при себе огнестрельное оружие, застреливший без какой-либо жалости беззащитного пожилого мужчину в магазине. Стоит ли после этого следовать за неизвестным?

Глава

II

Я здесь

– Эй! – помахав рукой, неизвестный сделал несколько маленьких шагов вперёд, дав о себе знать.

Перед Лизой стоял такой же подросток, как и она, скорее всего, ровесник. Одет он был... В одни лишь брюки, что очень обескуражило, при такой-то погоде. Он сплёвывал воду, стекающую с его волос на губы, и также молча рассматривал девушку, подмечая детали. Оружия он при себе не имел, по крайней мере, его видно не было.

После нескольких минут безмолвной оценки, молчание нарушила девушка, собираясь медленно направиться в сторону парня.

– Привет... – в ту же секунду Лиза почувствовала подступающий жар, охвативший вскоре всё тело.

– Выжившая, по всей видимости. – в его голосе был оттенок едва скрываемого нетерпения.

– Ну, и ты, похоже, тоже не плод моего воображения, как могло показаться. – улыбнулась она.

– Рад познакомиться, – он улыбнулся в ответ, – дрожишь. Напугана. Совершенно не понимаешь в чём тут дело.

– Почти также напугана, как и ты. Встретил беззащитную девушку. Одну. Надо же, как повезло, да?

– Я предпочитаю одиночество.

– Сейчас это проще некуда, – с улыбкой ответила Лиза, – а я ещё переживала, что первый выживший человек, которого я встречу, окажется трусом.

– Что? – протянул он руку, – ну же!

– Нелегко довериться случайно встретившемуся парню, который, к тому же, гуляет по пустому городу в дождь в одних брюках.

– Если ты готова отказаться от своей лесты хоть на секунду, то я бы хотел предложить свою помощь.

– Хорошо, продолжай. – девушка продолжала злорадно ухмыляться глядя ему в глаза.

– Если честно, то и мне бы не помешал помощник... – запинаясь, произнёс он.

– Ты обо мне, если я не ошибаюсь?

– Что скажешь? Вдвоём куда проще выжить в этом кошмаре, – вполголоса пробормотал он, продолжая тянуть руку.

– Как мило. Но, боюсь, будет трудновато.

– Если не хочешь, то скажи, какая у тебя цель? Судя по всему, школы твоей больше нет, как и всего остального. Ты же не в свою уютную и тёплую квартирку хочешь вернуться? Спешу огорчить...

– Для тебя это неважно! Не думаю, что я нуждаюсь в помощи полуголого парня!

– А в помощи друга? Ещё увидишь, я в силах постоять за себя. Думаю, это делает меня ценным, в такое-то время... – но не успел он договорить последнее слово, как моментально почувствовал всем своим оголённым торсом стонущий холод асфальта.

– Продолжишь преследовать? – девушка схватила парня за руку и уронила на землю, пытаясь образумить.

– Мне нравилась та беззащитная девочка... – всхлипывая, ответил он с пола.

– Продолжить?

– Если честно, ты первая, кто мне это говорит. Я к тебе со всем уважением, а ты...

Довольно. Лиза поднялась на ноги, отряхнулась, и протянула запачканную грязью руку парню:

– В силах постоять за себя?

Оказавшись лицом к лицу, оба предпочли ещё некоторое время молча смотреть друг на друга.

– Вот, накинь её на себя. – Лиза дрожащими руками протянула парню свою мокрую куртку, и мило хлопая глазами, медленно протёрла стекло его противогаза.

– Спасибо.

После встречи, неведомая сила клонила обоих в сон, желая поместить хрупкое сознание подростков в иллюзию прежнего мира, на мгновение отделить их от высасывающего человечность тумана и зарядить тело энергией для будущих походов. Остановились они на ночлег в большом белом джипе, оставленный неподалёку от них посреди проезжей части.

Дым, мертвецы, новый друг... День был перенасыщен событиями сильно утомившие бедную Лизу, позволив ей вздремнуть как прежде – совершенно спокойно. Парень сидел на переднем сидении, и, наматывая на руку, найденную на озере белую ленточку, часто поглядывал на лежащую сзади девушку, захватившую всё его внимание. Он просто смотрел на неё, наслаждаясь моментом где, наконец-то, находится не в полном одиночестве. Этого было вполне достаточно.

– Я ведь даже не спросила твоего имени. – пробурчала девушка, не оборачиваясь и не открывая глаз, – как тебя зовут?

– Филипп.

– Лиза. – Ответила она.

– Лиза?

– Да?

– Возьми! – парень снял со своего тела куртку и протянул назад, – ты дрожишь, а я уже согрелся. – казалось, что между такими простыми словами и движениями проходили часы, где каждый чувствовал себя немного неловко, не представляя как вести диалог, будучи окружённым кошмарной чёрной мглой, отголоски которой находились в самих людях.

Тьма поглощала всё находившееся на открытом воздухе, каждый угол дома, даже разум людей, но только не закрытые пространства вроде машин и помещений.

Как стекающие капли воды по запотевшему стеклу также

беззвучно в автомобиле сидели подростки, боясь случайно сказать какую-нибудь глупость, за которую будет стыдно всё то время, сколько они будут сидеть внутри.

– А что за ленточка у тебя в руках? – Лиза высунулась вперёд и, указав пальцем на выглядывающую из кармана брюк парня белую ленту, подняла голову на него.

Слова девушки лишь эхом доносились до Филиппа, не замечающего своего медленного и мучительного исчезновения. Его будто стирали из реальности, как ошибку, где он видел и помнил голубые, словно хрустальные, глаза своей необычной подруги.

Перед собой он видел лишь буксировочный трос, уходящий куда-то вглубь непроглядного тумана, и стоящую на ногах, будто живую, молодую девочку в белом платье, но без лица, которого он не видел, и представить не мог. Она зывала к себе, махая блендой рукой со свисающими с неё водорослями.

Стоило Филиппу закрыть глаза, как тут же все образы перед ним исчезли, оставив его наедине с таким же одиноким и потерянным перекрёстком. Это были, вспоминая о пути к той точке в пространстве и времени, где он находился в данный момент.

Филипп добрался до города, растеряв по пути всякую надежду на сохранение рассудка, представ перед уходящими вверх зданиями-гигантами, представляя, как их крыши бесконечно вытягиваются к небу, которое он уже успел забыть. Они полностью окружили маленького мальчика, проложив ему единственную правильную, по их мнению, дорогу вперёд. Наверняка таившая в себе немало опасностей, специально уготованные для таких наивных людей как он, обрекая на самую мучительную смерть.

Терять было уже нечего, а поэтому Филипп доверился вечно молчащим, но скрывающим в себе сотни историй разных людей великанам и под их взором направился вглубь тёмной бездны, моля о милосердии с их стороны.

Смотря по сторонам, парень обратил внимание на обращающуюся к нему дорогу, внезапно заговорившая с ним. Под ногами белой краской было написано слово "конец".

Только-только успев прочесть послание, оставленное здесь кем-то не так давно, упавшая с неба капля перенесла тело и сознание молодого человека внутрь одного из домов, перекрыв дорогу назад.

Блестящие белые блики переполненной пепельницы на подоконнике чуть ли не хватали за руки, приманивая к себе табачным запахом. Находилось это сохранившееся в целости хрустальное сокровище в обшарпанном храме с сотнями дверей, ведущие в навсегда захороненные осколки про-

шлого. Железные перила, осыпающаяся от малейшего прикосновения краска со стен и потолков, прожжённое пыльное кресло у окна, всё было знакомым, но достаточно далёким, чтобы усомниться в их существовании ранее.

Позже Филипп сбежал оттуда на не закрытый чердак, прикасаясь к каждой деревянной опоре, чтобы прочувствовать в ней невероятную силу, которой они обладают для поддержания крыши. Уже тогда он начал подмечать проносившийся позади него женский шёпот, скрывающийся за влажными деревянными столбами. Приятный, но сводящий с ума шум усиливался по мере приближения к выходу на крышу, будто предостерегая от опасности. Если внутренний голос приказывал закончить эти страдания, то галлюцинация пыталась отговорить растерянного и отчаявшегося парня от прыжка, держа его за руку белой ленточкой.

– Филипп! – крики Лизы смогли выдернуть молодого человека из воспоминаний, вернув в настоящее. – что-то случилось?

– Нет, нет, всё в порядке. Извини, задумался...

– Ты не знаешь, что случилось на станции? – заметив бегущие глаза парня и отдышку, Лиза решила забыть о ленточке и спросить, о чём-то другом.

– Не понимаю, ты о чём?

– Ну, мне сказали, что дым появился из-за аварии за го-

родом.

– Не знаю, маловероятно. Не представляю, что такого можно было натворить, чтобы накрыть наш город тёмным куполом. Я скорее думаю, что это провалившееся испытание химического оружия. Или, может быть, вовсе и не провалившееся.

Перед глазами всплывали лесные пейзажи, хвойные деревья, сырость. Подростки, разрушая невидимый барьер неловкости, продолжали смотреть друг на друга, не представляя, что затерявшись в этом тёмном лабиринте, они смогли найти друг друга, несмотря на давление ужасной катастрофы и страхи, с которыми пришлось столкнуться ранее, понимая, что они не одни в темноте.

Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время войне, и время миру.

Звук трескающихся досок доносился отовсюду, а бетонные стены с грохотом обваливались друг на друга, словно случайно задетый кем-то карточный домик. Огромные и яркие языки пламени, хватаясь за обгоревшие окна, выходили наружу, пожирая последние нетронутые углы умирающего здания. Также ярко огонь горел и в глазах наблюдавшего за этим зверским убийством Кирилла, пытавшийся убрать дрожащие руки со своей головы, схватившись за неё от страха.

Слёзы его рождались в оранжево-жёлтых бликах теряющего свою силу огня и скатываясь по горячим щёкам падали на зелёную траву, напоминая холодную и блестящую утреннюю росу.

– Просьба выжившим откликнуться! – из рации донёлся мужской голос. – кто-нибудь, ответьте. – а потом и ещё несколько слов, окончательно выдернувшие Кирилла из сновидений.

Открыв глаза, перед парнем предстала развевающаяся и порванная в некоторых местах белая простыня, закрывающая собой импровизированное спальное место.

Оторвав свою голову от грязной и твёрдой подушки, улетучились последние воспоминания о кошмарном сне с пожаром, навсегда затерявшиеся среди бегущих мыслей. Может это и к лучшему, подумал он.

По ту сторону ночлега горел маленький, еле-еле живой костёр, оставаясь таким только благодаря самодельному навесу, спасающий от льющейся из каждой щели и трещины воды. Спиной к нему стоял капитан. Именно он своими сообщениями к выжившим пробудил Кирилла и, подняв на ноги, вернул в печальную реальность.

Мир этот и земля страдала, но, не показывая агонии, лишь тихо проливали нескончаемые слёзы, испытывая невыносимую боль, которую терпела. Ревнуя ко всему, оплаки-

вая неспособное более вздохнуть голубое небо, окружающее всякую душу кричало, пока голос не стал беззвучным.

– Проснулся? – даже не повернувшись, спросил капитан, – каша на огне, угощайся. – ничего не ответив, Кирилл быстро занял место у костра и жадно поглощая пищу, изредка подглядывал куда-то в сторону.

– Ешь, ешь. Когда ещё удастся так сытно поесть...

– Ой, извините, я что-то даже и не... Ну, угощайтесь! – зачерпнув последнюю ложку каши и положив к себе в рот, рядовой протянул банку с остатками вперёд, – тут ещё осталось, держите.

– Спасибо, Киря, я сыт.

– Эй, приём, меня кто-нибудь слышит? – из рации донёсся хриплый и беспокойный мужской голос, – пожалуйста, помогите!

– Говорит капитан Трофим Андреевич, что случилось?

– Меня завалило бетонными плитами, не могу выбраться, пожалуйста, вытащите меня! – мужчина стучал по расколотой плитке кулаком и чуть ли не рыдая умолял выволить его из беды, услышав сообщение по рации от военных.

– Сынок, где ты находишься? Что за здание?

– Двадцать восьмое общежитие... – прокашлял пострадавший, – прошу, помогите...

– Скоро будем, не волнуйтесь. – сказав это совершенно

наиграю, Трофим Андреевич с улыбкой взглянул на Кирилла, – а вот и ещё один, сам к нам в руки прыгнул, и искать не пришлось. Уберём бедолагу, а потом вернёмся. Собирайся!

Время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий...

Военные быстро прибыли к месту происшествия, начиная осматривать видимую часть полуразрушенного общежития. Капитан тяжело вздохнул после примерной оценки серьёзности завала, представляя самые долгие поиски человека, в которых он участвовал. Оставлять выжившего одного и надеяться, что тот умрёт под завалами нельзя, ведь если судьба окажется к нему благосклонна, то даже будучи покалеченным, он по-прежнему будет представлять опасность для всех, разгуливая по городу. Целью было убить его, захоронив под этими же бетонными плитами, предотвращая распространение вируса, скрывающийся в тумане.

– Хорошо, главный вход, вроде, цел, зайдём через него. Смотри по сторонам и не зевай.

– Да, да... – закатив глаза, Кирилл затянул ремни противогаза и последовал за капитаном.

Из-за обвала в воздух поднялась пыль, создавая абсолютно нулевую видимость в узком тёмном коридоре. Выступа-

ющие из стен арматуры пыталась ухватиться за рукава военных, чтобы навечно сделать частью этого здания, а подстерегающие дыры в прогнившем деревянном полу уготовили для зевак особые мучения в виде затопленного подвала и торчащих под водой железных прутьев, жаждавшие проткнуть всякого провалившегося вниз.

– Приём, это Трофим Андреевич, мы в здании, но вас не видим. Где вы? – проговорив это несколько раз, ответа не последовало. С той стороны тишина.

Кирилл остановился, чтобы провести рукой по залитой кровью стене, не представляя, сколько людей здесь погибло.

– Повторяю, это капитан Трофим Андреевич, подайте сигнал, и мы вас найдём, – но быстро от радики капитана отвлёк отставший от него рядовой, глупо тарачившийся на стену, – твою мать, Кирилл, это тебе не картинная галерея, не отставай!

Куски бетонных плит, арматура, мятые двери, всё вот-вот будет навсегда предано забвению, уйдя под землю. Здесь были собраны все страдания, впитывавшиеся в каждый сантиметр молящего о спасении здания. Среди всего этого хаоса и груды обломков Кириллом было замечено нетронутое, сохранившееся целым окно с выходом на улицу. Оно пережи-

ло конец света и, казалось бы, не щадящий обвал, даже не треснув.

– Сволочь! – и если не стекло, то душа парня точно треснула от крика Трофима Андреевича, после которого он исчез. Кто-то утащил его в одну из квартир, закрыв дверь на все обороты.

– Трофим... – вскоре и сам Кирилл смог прочувствовать тугую верёвку на своей шее, которую накинул подкравшийся сзади человек.

Лёгкость и простота дела затуманила разум военных, и ослеплённые своей самоуверенностью посчитали, что им не составит труда добраться до точки и просто застрелить человека, самостоятельно подписавший себе смертный приговор.

Кирилл кряхтел уже несколько от нехватки кислорода, сколько от перетирающей шею верёвки, откуда понемногу сочилась кровь. Несмотря на все тихие мольбы, которые напуганный рядовой издавал сквозь кашель, неизвестный продолжал рывками тащить свою жертву всё дальше и дальше от входа, куда-то вглубь здания. Даже сквозь запотевшее стекло противогаса, пыль, и медленно слепящую тьму, вертя головой, можно было разглядеть стремительно приближающийся белый, едва различимый луч света, исходящий, будто, откуда-то снизу. Спустя несколько невероятно мучительных метров позади отчётливо виднелась открытая шахта лифта, от-

куда и пытался выбраться свет.

– Погоди... – неизвестный остановился, и, не выпуская из рук верёвку, несколько раз точно ударил Кирилла по ногам, предотвратив вероятную попытку сбежать, – не надо... – всё, что мог сказать отчаявшийся парень, уже представляя неизбежные несколько секунд свободного падения и последующие за ними страдания.

Несколько оглушающий хлопок пронеслись по коридору и отразившись от стены повторно ударили по ушам, заставив абсолютно всё замереть. Даже освободившись от верёвки, Кирилл был не в силах бежать, молча смотря вглубь бездны.

– Кирилл! – из-за угла, совершенно спокойно, вышел Трофим Андреевич, держа в руках залитый кровью, ещё горячий, автомат. Взлохмаченный мужчина медленно приближался к лифту, а его безумный и животный взгляд можно было разглядеть даже через противогаз.

Испугавшись безбожного гнева капитана, человек оттолкнул от себя приходившего в себя Кирилла, бросил верёвку и моментально растворился с темнотой, скрывшись за углом. Трофим Андреевич оставлять в живых его не желал, а посема закинул автомат на плечо и также не спеша направился

вперёд.

– Ты как, сынок? – капитан поднял Кирилла с пола и дружески похлопал по плечу, – ты иди назад, а я вслед за ним. Окружаем его, не дадим этой сволочи уйти!

Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга.

Кашлять приходилось в руку, чтобы не выдать себя, но получалось это с каждым разом всё громче и громче, как бы этого не хотелось.

Из угла медленно высунулся дрожащий и преданный первобытному страху человек, сразу же заметивший стоящего на его пути рядового.

– Беги отсюда! – прошептал Кирилл, указав на выход, – быстрее, я повторять не буду!

– Что?

– Сука, на выход!

Только-только высунув ногу на улицу, покинув дверной проём, её моментально продырявил точным выстрелом капитан, вышедший из-за машины. За криками и льющейся кровью последовали ещё несколько пуль, попавшие точно в грудь и похвалившие человека на плитку, заставляя его хао-

тично дёргаться и испытывать настоящий ужас.

В здание вновь вошёл Трофим Андреевич. Он не опуская оружия шёл по кровавому следу, наслаждаясь удачной охотой. Вскоре он увидел зажавшегося в углу продырявленного мужчину, выставившего от безысходности руки вперёд, что-то бубнящего себе под нос.

– Давно я так не развлекался. Твой дружок заставил хорошенько меня попотеть... – только-только направив оружие на мужчину, перед ним встал Кирилл, разведя руками в стороны.

– Стой, не надо!

– Нашему миру конец, Кирилл, оглянись вокруг! – закричал капитан, – никакой больше армии и командировок, мы предоставлены отныне сами себе, и защищать себя сами должны. Ни денег, ни правил, ничего нет. Лишь у кого сила, тому и быть законом в новом мире, понимаешь?

– Да пошёл ты к чёрту. Нельзя же расстреливать людей налево и направо, когда захочется. Чем же тогда ты от них отличаешься, а?

– Я солдат и выполняю приказ! – направив автомат на уже успокоившегося истекающего кровью человека, Трофим Андреевич, даже не обернувшись, застрелил его, злобно ухмыльнувшись в глаза разгневанному Кириллу, – позорище...

Но не всегда будет мрак там, где теперь он огустил.

От пустой, потрескавшейся и мокрой дороги приятно пахло свежестью после недавно окончившегося дождя, а белая, никем не тронутая разметка, сияя, игралась с неугомонными бликами ярко синих фонарей, изредка переливаясь оранжево-жёлтым светом, исходящим из кем-то подождённого белого автомобиля.

Пламя, вырываясь из салона, крепко обхватило машину со всех сторон, пытаясь слиться с небом и стать с ним единым целым. Казалось, что дым от полыхающих покрышек был чернее поглотивший весь мир мглы, отчего становилось немного не по себе.

Крутя в своих руках мокрые волосы, Лиза совершенно без эмоционально наблюдала за постепенно затухающим пламенем и грудой металла, где сгорать больше нечему. Стёкла уже давно полопались и осколками лежали у мокрых кед подростка, отражая своего поджигателя. Девушка недвижимо стояла на проезжей части, пока не почувствовала чьё-то присутствие неподалёку, ощущая, что посторонний также молча смотрел ей в спину, нагоняя ужаса. Поворачиваться было страшно, а поэтому она продолжала смотреть на автомобиль, пока вырвавшийся из головы холод, медленно бегал по её телу, заставляя с каждой мыслью о неизвестном человеке чувствовать себя дискомфортно.

Моргнув насколько раз, Лиза заметила ярко белую фигуру, стоящую так близко, что казалось вот-вот возьмёт за руку. Было не ясно, откуда и кто она, как так незаметно и тихо подобралась к девушке, и не её ли взгляд заставил хорошенько понервничать?

Повернув голову в сторону, перед глазами предстала большая статуя женщины в очень свободной одежде и расправленными крыльями за спиной. При виде неё страх моментально улетучился, и, растворившись где-то наверху, предоставил место абсолютному непониманию. Каменная статуя материализовалась на той же дороге в считанные секунды, будто наблюдая за итогом маленькой шалости Лизы, обдумывая для неё самое жестокое наказание. Но в застывших каменных глазах виднелись все преследующие её страдания и пройденные пытки, обнаружив себя запертой в клетке в бескрайней чёрной бездне. Казалось, что она вот-вот заплачет, присоединившись ко всем одиноким страдальцам в этом новом мире, прочувствовав все их мучения на себе.

Но Лиза покинула так манящий мир сновидений, открыв наполненные слезами глаза на реальность, в которой была. Пробудил её, наверное, шумный включённый телевизор, застывший на белом экране. Маленькая комната была залита мягким, но забравшимся в каждый угол, светом. Окончательно разбудил колючий, но тёплый ковёр на стене, до ко-

того девушка коснулась, поднимаясь с дивана, сбросив с себя одеяло на пол. На всё том же полу уже лежали подушка и плед, что являлось собой спальным местом Филиппа, которое он добровольно организовал сам для себя. Но самого Филиппа рядом не было.

Осмотрев комнату и привыкнув в темноте, уставшая и сонная Лиза обратила внимание на вылезавший из-под закрытой хлипкой двери красный свет, который быстро сменился на зелёный. Заинтересовавшись этой загадкой, девушка не спешила дёргать ручку и открывать дверь, а наоборот, пыталась растянуть момент, насколько это было возможным, представляя, что может скрываться по ту сторону комнаты.

Открыв дверь, она увидела приклеенную к стене рваным скотчем старую новогоднюю гирлянду, излучающую этот разноцветный свет. Выше неё, приклеенный всё на ту же ленту, висел вырванный из школьной тетради листок с хорошо читаемыми словами: "следуй за светом", написанные чёрным фломастером. Лиза решила не останавливаться здесь надолго, и хорошенько запомнив всё то, что видела перед собой, коснулась пальцами гирлянды, следуя за ней вперёд по коридору, создавая этим удерживающую её иллюзию комфорта и спокойствия.

Цветные огни выходили из квартиры, и через приоткрытую входную дверь направляли в подъезд, где мягкое и медленное переливание из красного в зелёный сменилось на

быстро моргающие синий и жёлтый, заставив на несколько секунд остановиться и дать времени, чтобы привыкнуть. Только-только выйдя на лестничную площадку, из-за скрипа двери, внизу, несколькими этажами ниже, кто-то забеспокоился, начав метаться из одного угла в другой. Не желая разрушать атмосферу и по-своему прекрасную иллюзию, Лиза продолжила играть роль ничего не понимающей девушки, следуя только за гирляндой.

Гирлянда обрывалась чуть-чуть не дотянув до открытой двери на первом этаже, ведущая в другую квартиру, откуда доносились чьи-то шаги. Скрип старых досок под ногами выдал вошедшую внутрь девушку, после чего внутри кто-то очень заволновался.

– Привет... – прошептав это, Лиза вышла в зал, касаясь руками дверного проёма.

– Ой, привет... Не думал, что ты проснёшься настолько рано, а я не успел закончить вот это вот всё. Прости... – казалось, что белый новогодний шарик вот-вот лопнет в трясущихся руках Филиппа, который он схватил от волнения.

– Нет! Не извиняйся, это всё очень мило и круто, даже в таком виде. – оба начали делать шаги на встречу друг другу, даже не замечая этого.

– Чёрт, я, надеюсь, мне не придётся стыдиться этого каждый раз, когда буду пытаться уснуть...

– Я такого никогда не видела, ты молодец.

Растрогавшись этим, недолго думая, Лиза бросилась к парню, крепко его обняв.

– Хочешь эм-энд-эмс?

Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

– Я нашёл её у озера, в песке, когда проснулся в тумане. А ещё там была... Девушка... Она была уже мёртвой, приплыла к берегу лёжа на бревне, и, кажется, это ленточка была частью белого платья, в которое была одета. Я решил сохранить её, чтобы каждый раз доставая ленточку из карманов брюк оставаться в своём мире, не смотря на творящийся ужас вокруг. Почти как талисман.

– Эту фотографию дал умирающий на моих руках старик, которого я, случайно, встретила в магазине. Он попросил найти его внучку и сказать, что с её дедушкой всё в порядке. Она стала моей личной и единственной целью в жизни, которой, наверное, до этого дыма и не было вовсе. Я пообещала выполнить его просьбу...

Филипп и Лиза лежали на ступеньках под сияющие огни гирлянд, и, держась за руки, наконец, начали друг другу доверять.

Выставленная вперёд рука молодого человека не могла полностью спрятать яркий, направленный точно в его сторону, свет. Будучи обнажённым, подросток стоял под открытым небом, чувствуя каждую скатывающуюся с его рук и лица ледяную каплю, упавшую с закрытого тучами неба. Перед ним была та самая заглохшая посреди опустевшей парковки машина, в которой он совсем недавно ночевал со своей подругой, спасаясь от дождя. Но зная про неспособность машины завестись и видя перед собой её включённые фары, парня это нисколько не смутило, наоборот, поймав ложное воспоминание о том, что всё так было и есть в настоящем, он лишь шёл к ней навстречу, будто забыв, зачем выходил наружу.

Дрожь по телу пробежала после соприкосновения трясущегося холодного пальца Филиппа и такого же холодного капота, с которого ручьём на асфальт стекала вода. Закрыв собой свет и прищурившись, в салоне авто подросток отчётливо видел спящую на заднем сидении Лизу. Но всё бы ничего, если за рулём не сидел он...

Может быть из-за холода, как думает сам Филипп, его чувства и реакция притупились, а поэтому при виде самого себя внутри автомобиля и одновременно находясь при этом на улице, он не сразу отскочил назад, пытаясь всё осмыслить, нет. Им движет интерес, именно он взял его за руку и потащил к водительскому месту, указывая на дверную ручку, нашептывая слово: "открывай". Но прежде чем сделать это,

молодой человек остановился, наклонился к окну и внимательно разглядывал себя, двигаясь от ног к голове. Хватит, сказал он и ударил кулаком по стеклу, после чего вздрогнул и открыл глаза.

Перед ним было старое деревянное окно, подоконник, пустой цветочный горшок и грязь от перевернутой пепельницы. Лишь дождавшись второго стука, до Филиппа дошло, что они доносятся вовсе не из его воспоминаний, а за входной дверью в реальности. После ещё нескольких, довольно таки сильных, ударов на кухню вбежала Лиза, держа перед собой одеяло.

– Что происходит? Кто это? – шептала она, боясь, что некто за той дверью услышит их.

– Я никого не жду, а ты?

– Открывайте, я знаю, что вы внутри! – мужской крик эхом пронёсся по подъезду, добравшись до испуганных душ подростков, – это моя квартира. Считаю до трёх, либо вы открываете, либо я вынесу эту дверь к чёртовой матери!

– Твою мать, что делать то...

– Здесь мои вещи, еда. Твари, я же подохну тут под дверью...

– Может, откроем? – Лиза встала перед другом и наклонила его голову к себе, – вдруг, это и вправду его квартира?

– Ты что, с ума сошла? Дверь была открыта, когда я нашёл

её...

– Я дверь не стал закрывать, думал, всё равно больше некому зайти... Но, видать нашлось кому... – старик упал на пол, задев дверную ручку.

– Видишь! – девушка бросила одеяло на пол и подбежала к дверному проёму, чуть выйдя из кухни, – вдруг, ему нужна помощь.

– Стой, не надо!

Лиза подбежала к двери и впустила внутрь мужчину, обдумав уже все извинения.

– Простите, мы не знали, что здесь ещё кто-то живёт...

– Не знали они, кто такие? – напугавший всех старик закрыл за собой дверь и уселся в кресло, протирая лоб платком.

– Мы, потерялись здесь... Думали, что все погибли.

– Все да не все.

– Слышь, мужик, – крикнул Филипп, войдя в зал, – ты не дерзи нам, а то выставим тебя обратно в подъезд!

– Щенок...

– Филипп!

Спустя какое-то время все привыкли друг к другу, немного расслабившись.

Старик всегда держал под рукой карту, а большую сумку

с вещами оставил у двери.

– Я держу путь к лагерю выживших, он не так уж и далеко от города, на востоке.

– Лагерь выживших? Это туда все люди ушли? – заинтересованная девушка села напротив старика, внимательно слушая его.

Филипп аккуратно поставил стакан с водой на стол и подкрался к двери, услышав последние слова своей подруги.

– Возможно, но большинство погибло, когда сюда дым дошёл, а других убили уже после. Повезло вам... Подай яблочко, пожалуйста!

– Вы сказали о лагере, – протянув вперёд яркий красный фрукт, Лиза была очень вдохновлена последними новостями, – где он? Вы поможете нам добраться туда? – но стоило ей потянуться за вторым, как в голове что-то зашумело, и шум этот отдёргнул руку назад.

– Ты, правда, не знаешь? А я-то думал, что вы оба туда и бежите... Филипп тоже ничего про лагерь не слышал?

– Он ничего мне не говорил... – прошептала Лиза, опустив глаза.

Взволнованный Филипп, держась за дверной проём и слыша каждое слово, становящееся каплей в почти переполнен-

ной чаше ярости, готовился вот-вот вбежать в комнату и всё объяснить. Но... Не мог решиться. Боялся. А поэтому, приняв себя как труса и лжеца, ушёл на кухню, где хорошенько замахнувшись, пару раз ударил себя в грудь кулаком, думая, что доверию конец.

Старик убедился, что рядом никого нет, и наклонился вперёд к девушке.

– Вот, что я тебе скажу, дым меняет людей, так что, будь осторожна со своим парнем...

– Мы не... Мы просто друзья.

– Кем бы он ни был, всё равно, я видел, как люди превращаются в монстров и убивают друг друга за кусок хлеба. А он у тебя, судя по всему, немного, вспыльчивый. Аккуратнее с ним.

– Хорошо... – прошептала Лиза, – ну, так что, вы знаете, где лагерь, может быть, проводите нас туда?

– Так уж и быть, не бросить же вас здесь одних, правда? – улыбнувшись, старик, взяв с подоконника яблоко, протянул его девушке.

Оранжевые блики плясали на белоснежной плитке в ванной комнате, и вырываясь из десятка свечей на подоконнике, создавали мягкий и успокаивающий свет, предоставляя возможность расслабиться лёжа в горячей воде, как и посту-

пила Лиза.

Девушка откинула голову назад, положила руки на края ванны и закрыв глаза, представляла себя в своей квартире, прежний мир и кричащего ворона на ветке дерева, которого она когда-то видела за окном.

– Что ты делаешь? – крикнула недовольная Лиза, схватившись за шторку.

– А ты что делаешь? Я просто хотел узнать, как долго ты ещё здесь будешь. – парень продолжал неловко стоять в ванной комнате.

– Убирайся и закрой дверь!

– Я боюсь, что это, возможно, последний мой шанс спокойно принять тёплую ванну, сама понимаешь.

– Да выйди ты уже отсюда! – девушка схватила первый попавшийся флакон шампуня и бросила в любопытного парня.

– Слушай, мы, правда, будем это продолжать? Опять? – Филипп вышел из ванной комнаты и, усевшись под дверью, перебирал в руках остатки пены с шампуня.

– Есть другие предложения?

– Ну, не знаю, может быть хотя бы капельку примирения. Послушай, мы оба не сможем выжить без взаимопонимания, если не научимся доверять друг другу.

– Ты что там, подглядываешь за мной?

– Ты льстишь себе.

– Идиот!

– Чудесно. Ладно. Согласен, сейчас я посмотрел специально. Но, извини. Ручки у этой двери нет, как и замка. Мы можем и дальше отдаляться друг от друга, закрывать двери, но...

– Подойди. – она аккуратно встала на ноги под звуки льющейся воды и протянула руку. Маленькая жаркая ладонь прикоснулась к лицу Филиппа, и Лиза прикрыла ему глаза, – обувь сними, если хочешь в воду.

– Хорошо.

Лиза осторожно касалась его шеи, чувствовала неровное и слегка обрывистое дыхание. Порой, он даже вздрагивал, то ли от щекотки, то ли от волнения.

– Это считается за доверие?

– Более чем... – прошептал он, моментально замолкнув.

Когда штаны полностью промокли, перед собой подросток увидел грязное и зелёное болото, в котором по пояс стояла девушка в белоснежном платье, чьё лицо было размыто и не читаемо. А обернувшись, увидел под своими ногами усыпанное женскими телами поле, руки которых были связаны белой ленточкой.

– Фил? – пронеслось за спиной.

– Да. – и вновь ванная комната, голая подруга и яркий свет

постепенно затухающих свечей, – что?

– Ложись...

Парень зачесал волосы назад, повернулся, и лёг на грудь Лизы, ощущая всё тепло её мокрого тела.

Парень с девушкой вышли в коридор, и если Лиза вытерлась полотенцем, то вот для Филиппа снять мокрые и прилипающие к ногам брюки было, немного, проблематично.

– Эй, паренёк, чего воду стоишь льёшь? Возьми себе в шкафю одежду, для тебя точно что-нибудь найдётся. – крикнул старик.

– Что?

– Что, что, с голым торсом гуляешь, простынешь ещё! В шкафю есть свитер, джинсы, рубашки. В общем, бери, что угодно.

Филипп посмотрел на улыбающуюся подругу и побежал в спальню.

– Спасибо вам!

Разве, упав, не встают и, сокрутившись с дороги, не возвращаются?

Лиза сидела вместе с мужчиной на кухне, перевязывая ему руку, пока тот смотрел в окно, представляя, что снаружи есть что-то кроме дыма.

В комнату вошёл парень, и, разведя руками, предстал перед всеми в новом образе: тёмно-синие джинсы, старые, потёртые и порванные в некоторых местах кеды, и белый свитер, идеально севший на него.

– Ну, посмотри на парня своего, совсем другой человек теперь!

– Красиво, – девушка отвела взгляд в сторону, немного засмутившись, – мне нравится...

Внезапно соскочивший с табуретки мужчина выдернул из рук Лизы бинты и упёрся спиной к настенной плитке, страх на лице, которого был виден очень явно. Он коснулся рук девушки, извинившись за неудобство, и побежал в свою спальню, так, как, кажется, пожилые люди не бегают.

– Вы из-за свитера? Ладно, возьмите его обратно, раз уж на то пошло... Сами сказали, бери, что захочешь, ну, я и взял.

– Стой на месте, не двигайся! – крикнул вышедший из-за угла старик, держа в своих дрожащих руках пыльный пистолет, – не делай глупостей сынок, иди спиной в зал и подружку свою напуганную забери!

– Что происходит? – Лиза крепко сжала руку своего парня и спрятавшись за его спиной, тихо всхлипывала.

– Времени совсем нет, берите свои вещи и выметайтесь из моего дома...

– Хорошо, хорошо, мы только...

– Через окно! – продолжил обезумевший старик, – не через дверь, прыгайте в окно. Всё равно первый этаж, – всё то время, сколько дети шли в комнату, сошедший с ума человек держал оружие наготове, будто играясь с их жизнями, – быстрее!

Скрипучее окно распахнулось, и подростки встали у стены, пока за них вещи вниз выкидывал мужчина, обескуражив этим действием, наверное, всех, и себя в том числе.

– Ну, вот и всё. Готово! А теперь прыгайте, не бойтесь. – самым страшным для Лизы казалось вовсе не само ружьё, а факт его наличия в руках безумного человека, размахивающий им во все стороны. Казалось, что вот-вот его палец соскользнёт при очередном взмахе и случайно вылетевшая пуля продырявит кого-то из троих находящихся в этой маленькой сырой комнатке.

В дверь постучали, но, не дождавшись хозяина, гость сам вошёл в квартиру, не спеша, осматривая каждый угол.

– Вашу ж мать, прячьтесь в шкаф и не звука! – мужчина затолкал детей в шкаф и закрыл дверь.

Из коридора донёлся голос.

– Здравствуйте уважаемый, не ждали? – спросил вошедший на кухню старший военный.

– Кто вы?

– Трофим Андреевич, капитан поискового отряда, а остальное вам, увы, знать не обязательно, – мужчина убрал ружьё за спину и указал пальцем на табуретку рядом со столом, – разрешите?

– Да ради Бога!

– Ради него, что угодно. Присаживайтесь, присаживайтесь, почувствуйте себя как обычно и расслабьтесь.

Филипп и Лиза смотрели друг на друга совершенно потерянными глазами, не понимая, что происходит в соседней комнате.

– А зачем вы, капитан, ко мне явились?

– Налъёте ка для меня, отец, стаканчик молока, м? В пути всё горло пересохло, не представляете.

Старик нехотя поставил на стол бутылку водки и пакет с молоком, разлил напитки по двум рюмкам и протянул одну

из них военному.

– Благодарю вас. Знали бы вы, как сейчас сложно найти обычный пакет с молоком, да и к тому же с не истёкшим сроком годности. Что за время... Ах да, позвольте похвалить вас за необычное световое шоу вчера, знаете ли, я был слегка удивлён.

– Не... Не понимаю о чём вы...

– Мокрая резинка для волос в ванне. Судя по вам, вы не то что волосы не заплетаете, вы и не мылись достаточно долгое время, я не прав? Вы держите у себя в доме девочку? Здесь есть ещё кто-то кроме нас?

– Капитан, позвольте... – мужчина свалился со стула после оглушающего выстрела, выронив из рук рюмку.

Испугавшись, Филипп осторожно вытолкнул окно и, схватив девушку за руку, выпрыгнул вместе с ней на улицу, забыв про лежащие на земле вещи, убегая под разъярённые крики военного.

– Стойте, дети! – закричал стоящий на углу Кирилл, – остановитесь! – но только-только закинув автомат на плечо, и собираясь бежать, от подростков уже и след простыл.

– Упустили... Ну, ничего, мир, как говорится, тесен. – Трофим Андреевич осмотрел брошенные вещи и, похлопав рядового по плечу, направился в сторону автомобиля.

Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо.

Небо сегодня было чуть светлее обычного, что не могло не дарить даже секундную надежду на возвращение к старому миру и его законам. Дождь сменили стремительно падающие с неба крупные и белоснежные хлопья снега, но точно также, по-прежнему, впитывающиеся в одежду, доводя до дрожи благодаря холоду. Что-то изменилось, или, наоборот, всё возвращается на свои места.

Всю ту дорогу, что подростки шли от дома к переполненной автомобилями парковке, иногда, они вытягивали руки вверх, и кончиками пальцев дотрагивались до холодных белых кристалликов, моментально растворяющиеся у них на глазах. Тяжко было идти не только из-за постепенно замерзающих ног и рук, а также из-за увязавшегося за мыслями, духом и телом страха перед неизвестностью. Лиза прислонилась к ещё тёплому плечу своего парня и, думая о своей не случившейся смерти, представляла, что задержишься они в той квартире хоть на секунду дольше, точно бы составили компанию приютившему и уже мёртвому мужчине.

– Он ведь, пытался нас спасти... Ну, выгоняя из квартиры через окно. Наверное, увидел, как к дому кто-то подходит, поэтому через дверь уйти было нельзя...

– Слышала, один из них представился капитаном. Военный, судя по всему, – пар, вырывающийся изо рта, после каждого слова немного сбивал ход мыслей с непривычки, – Зачем они...

– Они пришли на свет гирлянд, которые ты включил вчера...

– Прошу, только не делай из меня виноватого, ладно? – Филипп чуть забеспокоился, глядя на подругу, – откуда мне было знать, что среди этой чёрной материи парочка военных разглядит тухлый свет гирлянд?

– Нужно вернуться, – Лиза с трудом выдернула свою руку из крепких объятий парня и отскочила назад, сделав пару шагов назад, – там осталась карта с отмеченным на ней лагерем выживших, надо забрать её. Это наш шанс наконец-то что-то изменить!

– Что... Что за лагерь? Это он тебе о нём рассказал?

– Да.

– Брось ты, наверняка, он придумал его, а тебе солгал.

– А ты не лжёшь?

– Лиза, ты о чём? – молодой человек сделал несколько шагов навстречу девушке, пытаясь взять её за руки, чувствуя всё стремительно накаляющееся напряжение между ними, боясь последствий, – что ты говоришь?

– Ты знаешь о нём и всегда знал, но почему-то, по какой-то причине не говоришь мне. Это правда?

– Лиза, я...

– Это правда? – переспросила она, – да или нет?

В голове Филиппа всё смешалось: чёрное более неотличимо от белого, и, кажется, так было всегда. Начатый разговор уже не откатить назад, чтобы изменить вариант своего ответа, пытаясь оставаться в хороших отношениях с Лизой. Он просто боялся, что даже в мире, где, казалось бы, людей осталось не так много и всем нужно быть сплочёнными, даже она покинет его. Но, как бы то ни было, отвечать нужно сейчас.

– Да, но погоди, выслушай меня! – кажется, если бы не последние два слова, девушка бы точно развернулась и ушла навсегда, – позволь объяснить свою ложь, умоляю!

– Хорошо...

– Дым несёт в себе страшную опасность, поэтому сейчас на тебе противогаз, вот зачем тебе его выдали, понимаешь? Но надолго его не хватит, а носишь ты его уже длительное время. У нас с тобой осталось двенадцать часов, чтобы как можно дальше уйти из этой карантинной зоны. Через несколько часов фильтр уже попросту будет не способен очищать воздух, а новый, как ты видишь, мы ещё не встречали. Я люблю тебя, и не хочу потерять...

– Двенадцать часов? – переспросила девушка, уже не скрывая свои всхлипывания.

– Это в лучшем случае, точно сказать не могу, но знаю,

что не больше...

Лиза схватилась за голову и облокотилась на заваленную снегом машину, роняя одну слезу за другой.

– Но, а как же другие люди, мы же можем... Не знаю, успеть дойти до лагеря, вдруг, у них есть всё необходимое?

– Лиза, ты меня вообще слышишь? Только чтобы вернуться в тот дом, где всё ещё могут быть военные, ты уже потратишь час. А сколько уйдёт на дорогу? Слишком рискованно, а мы и так имеем меньше половины времени работы фильмов.

– А уверен ли ты, что за городом чистый воздух, а? – чуть успокоившись, девушка решила стоять на своём, – что-то никто не спешит вытаскивать нас отсюда. Где помощь всей страны?

– В центре дым был гуще, это видно невооружённым взглядом. Сейчас я могу увидеть контур машины чуть дальше от меня, а там не мог. Рано или поздно где-то есть граница, где этого тумана нет, и если примерно представить расстояние от центра до этой парковки, то мы близки к спасению.

– Я не знаю... Филипп, мне страшно...

– Лиза, взгляни на меня, прошу! Я рассказал тебе правду, даже факты привёл, а у тебя кроме карты и слов незнакомого человека ничего нет. Пожалуйста, доверься мне... – парень

крепко прижал к себе подругу и опустил свою голову ей на плечо, – пойдём, надо найти тебе курточку, а то замёрзнешь!

– Да, пойдём! – Это был смех сквозь слёзы, чему Филипп был очень рад.

Выбивать стёкла автомобилям было нечем, даже камня под рукой не нашлось, чтобы залезть в салон и найти там тёплую одежды. Погуляв на холоде, несколько минут, Филипп подбежал к своей девушке.

– Оставайся здесь, я кое-что придумал.

– Куда ты... – возмущённая таким действием, Лиза уже собиралась схватить руку своего парня и, не отпуская следовать за ним, – что ты придумал?

– Я знаю, как согреть тебя, прошу, лучше останься у этой машины и не отходи от неё.

– И надолго ты?

– На пару секунд, не больше!

– Только не бросай меня! – Лиза напоследок крепко обняла парня, растягивая момент как можно дольше.

Через эти самые несколько секунд Филипп лишь растворился в темноте, оставляя девушку наедине со своими мыслями. С самого побега из дома её разум был во власти сильного страдания, а смотрела она на это большими смертными глазами, боясь полностью открыться и рассказать всё как

есть.

В это время Филипп сломя голову бежал прочь от парковки, крутя головой в попытке что-то отыскать. И это что-то находилось посреди проезжей части, в нескольких метрах от въезда на территорию торгового центра.

– Главное согреться, а остальное не важно... – с такими мыслями Филипп сдёрнул белую простыню с уже не живого лежащего на дороге человека и, скрутив её, взял под руку. Одной было достаточно, несмотря на гору трупов, которыми был усыпан весь тротуар и проезжая часть. Завёрнутые в белые одеяла и пакеты, люди были брошены на улице как мусор, гниющие под открытым небом и никому не нужные.

Закончив со сбором простыни, парень уже собирался бежать обратно, заранее придумывая извинения за задержку, но машинально обернувшись на дорогу, увидел одиноко стоящий неподалёку автомобиль с открытыми дверями, зазывающие залезть внутрь.

– Вдруг, что полезное найдётся, Филипп закинул простыню на крышу авто, а сам полез в салон.

Дотронувшись до руля, по его телу тут же пробежали мурашки, после того как своей ладонью он почувствовал тепло. Коснувшись руля, он ожидал ощутить прохладу, но, ка-

жется, кто-то совсем недавно покинул автомобиль, оставив двери нараспашку.

– Лиза... – Филипп бросил простыню в лужу и понёсся обратно к девушке, стараясь не думать о самом ужасном сценарии.

И небеса неумолимые, И глухая тирания Судьбы, Правящий принцип Ненависти, Которая для своего удовольствия творит.

Пытаясь согреться, Лиза упала на асфальт и, опустив голову, закрыла её руками. Лишь еле-еле доносящиеся отовсюду шаги не давали заснуть ей от холода, постоянно приводя в чувства и пробуждая. После каждого такого шороха она представляла, что буквально через секунду из непроглядной мглы выйдет её Филипп и согреет теплом своего тела, крепко обняв девушку. Но, увы, этого не происходило. Между раздумьями о бегстве и смерти в одиночестве, проскакивала мысль о попавшем в беду парне, нуждающийся в помощи постепенно замерзающей Лизы. Несмотря на все мольбы, снег лишь усиливался, укутывая скрючившуюся маленькую девочку белым одеялом, от которого она, кажется, даже и не отказывается.

Но лишь один единственный звук смог взбодрить её и моментально поставить на ноги – перезарядка ружья. Некто,

находясь неподалёку, сунул патроны внутрь винтовки, вероятнее всего, направив его на напуганную девушку, не понимающую, откуда конкретно донёсся звук. Встав на ноги, ничего не остаётся, как в панике крутить головой и, прижавшись к машине пытаться разглядеть охотника.

– Филипп, это ты? – за этим словами последовал предупредительный выстрел в колесо автомобиля, вышедший откуда-то издалека, – Филипп!

Зайдя на территорию парковки, крики о помощи вели парня к девушке, представ перед ним в виде сияющей белой линии, огибающей каждый автомобиль и дорожный конус, один конец которой был, непосредственно, у самой девушки, а другой заходил прямо в руку к Филиппу, освещая каждую его вену. Вся ладонь его светилась бело-голубым светом, чему он, не придавал большого значения, полностью сосредоточившись на поисках.

Ещё один выстрел, ещё, ещё и ещё, с каждым разом становилось всё страшнее, ведь однажды неизвестный прекратит свои игры и ему будет достаточно одного нажатия на спусковой крючок, чтобы довести своё дело до конца, встав перед своей загнанной в угол жертвой.

– Лиза!

– Филипп, где ты?

Молодой человек упал на асфальт и, прижавшись к автомобилю, пытался прислушаться к звукам неподалёку и выяснить местонахождение стрелка, не забывая поглядывать назад.

– Филипп! – Лиза продолжала кричать несмотря ни на что, зная, что от спасения её отделяют несколько машин.

А ведь и ответить ничего нельзя, ведь одно единственное слово моментально выдаст укрытие и окажет охотнику услугу, а этого допускать нельзя. Нужно что-то придумать: добраться до девушки и сбежать с ней, но лучше, конечно, навсегда усмирить психа с ружьём, не вспоминая о нём каждый раз выходя на улицу.

В попытке встать на ноги, Филипп опёрся рукой на стоящую рядом продуктовую тележку, моментально родившая в его голове хоть и безумный, но единственный вариант спастись.

Лиза крутила головой по сторонам, где ей постоянно мерещилась тёмная фигура. Надежда на спасение есть, и он сидит в нескольких метрах от неё, но подобраться, даже подползти, невозможно. За одним неверным движением, нарушающим правила игры, последует стопроцентный и точный выстрел, кровь, крики и смерть, глядя на окрашивающийся

в алый цвет снег.

За хлопком и звенящей гильзой, упавшей на асфальт, последовал звон стучащих маленьких колёс и вибрирующих металлических прутьев тележки, пока неуклюже выскочивший Филипп, сломя голову, бежал на помощь к подруге.

– Филипп! – Лиза схватила обеими руками поскользнувшегося и упавшего к своим ногам парня, пытаясь повернуть к себе лицом.

– Надо убираться отсюда, вставай! – но надолго тележкой стрелка было не отвлечь, он быстро раскусил план и перешёл в активное наступление, пытаясь прижать двух подростков к машине, не давая им уйти и на метр от продырявленного автомобиля. – Лиза, пожалуйста, нужно бежать, слышишь?

– Кровь... У тебя кровь... – ладонь парня была рассечена и после каждого прикосновения к снегу оставляла на нём яркий кровавый отпечаток с парой алых капель.

– Наверное, когда тележку схватил, поранился... Неважно, подымайся! – Филипп поднял с асфальта подругу, отряхнул от снега и осмотрелся по сторонам, придумывая план побега под уже раздражающие выстрелы, пытаясь сконцентрироваться на отступлении и жизни, – прямо перед нами должен быть вход в торговый центр, но двери могут быть закрыты... Дождёмся, пока он будет перезаряжаться, так сможем выиграть немного времени...

Выстрелы прекратились, и где-то внутри тумана послышалась растягивающаяся молния рюкзака и нервное копошение в его содержимом.

– Бежим! – Лиза соскочила с места и, не оглядываясь назад, помчалась вглубь тёмной бездны, почти, что в слепую, надеясь, что через пару метров будут распахнутые двери торгового центра.

Всего несколько секунд потребовалось ей, чтобы бесследно исчезнуть, чему Филипп был очень рад, оставаясь сидеть у автомобиля. Убедившись, что Лизы нет рядом, а стрелок безоружен, парень, сделав несколько больших глотков воздуха, побежал на звук перезаряжающегося охотничьего ружья, веря, что бежит в правильном направлении.

Буквально секунда, и в ничего не подозревающего стрелка уже летит брошенная подростком тележка, прутики которой были запачканы в крови. Растерявшись, Филипп оставил всё как есть и поспешил вернуться к Лизе, ничего не обдумав наперёд.

Внутри огромного и просторного помещения под ногами затрещали стеклянные осколки, до ушей, вскоре, донёлся неприятный скрежет стальных листов, а дополнялась симфония мнущимися, уже пустыми, картонными коробками и лопающейся фанерой. Люди пытались вынести отсюда всё,

но, судя по всему, что-то у них не получилось: сумки, переполненные продуктами и дорогой техникой тележки, пыль и грязь, всё, что осталось на этих руинах.

Лиза поднялась с плитки, и набросилась на своего парня с криками.

– Ты почему мне ничего не сказал? Я уже подумала...

– Прости, придумал это слишком поздно...

Две шахматные фигуры разного цвета стояли на доске друг напротив друга, но собрались они вовсе не враждовать. Успокоившись, они взяли за руки и, не собираясь их отпустить, смотрели в наполненные страхом глаза, пытаясь успокоить. Тепло постепенно растворялось, заставив вскоре отпустить уже похолодевшие руки и вернуться к поискам тёплой одежды, благо сейчас они именно в том месте, где найти всё необходимое будет проще простого.

Лиза остановилась у побитого и полностью разграбленного магазинчика, присев на рядом стоящее и чудом уцелевшее массажное кресло, которое, конечно же, не работало. После падения, маленькая девочка моментально растворилась в мягкой и слегка прохладной обивке никем не тронутого кресла, чувствуя невероятное, ранее утерянное, чувство уюта и комфорта. Блики, рождающиеся в залитой водой шахматной плитке на полу, ловко перепрыгивали весь мусор под нога-

ми, но совершенно неуклюже падали к уже закрытым глазам отдыхающей девушки, предвкушая приближающуюся и постепенно проносящуюся по всему телу эйфорию, хоть и всего на несколько коротких минут. Стекающая с обшарпанных стен и разбитых потолков прохладная и абсолютно чистая вода становилась единственной музыкой в этом мире, которую хотелось слышать среди всего того хаотичного и беспорядочного набора звуков, где каждый последующий устрашал лучше предыдущего.

Всё изменилось: если раньше кругом был свет, то отныне всем зрячим суждено погрузиться в вечную темноту и исходящий из неё холод. Отныне вслед за снегопадом по металлической обшивке стучит разъярённый и чем-то недовольный дождь. Каждый такой стук проносился по всем большим коридорам, заглядывая даже, наверное, в каждый магазинчик и самый его потаённый угол, чтобы напомнить о своём могуществе и не утихающей силе.

И если Лиза расслаблялась лёжа в кресле и слушая музыку, созданную благодаря естественным вещам без вмешательства человека, то вот её друг Филипп был занят глубокими размышлениями, пытаясь подобрать себе идеально сочетающуюся одежду, даже будучи в центре невероятного живого ужаса и смерти. Что им движет, он сам до конца не понимает, но это никогда его не останавливает от совершенно безумных и порой бессмысленных занятий и дурачеств, ко-

которые он часто делает. На этот раз абсолютно глупая бежевая шляпа снесла ему голову, приковав его взгляд на себя через зеркало, откуда он уже минут десять не может уйти, рассматривая каждый шов на своём потерявшем былую яркость головном уборе. В грязных руках, которые он ещё не успел отмыть в ближайшей луже, парень держал полную пачку каких-то старых сигарет, которые даже не успели промокнуть, лёжа на полу в открытом виде. Кто-то, уходя в спешке, видимо, обронил их, не совсем волнуясь о такой мелочи, нежели о стремительно приближающемся дыме. До этого времени Филипп никогда серьёзно не курил, лишь сделав однажды пару затяжек вместе с друзьями перед школой, стоя вчетвером на грязной и серой лестничной площадке, пугаясь каждого шороха соседей этажами выше. Хоть и осознанность новой, никем ранее не прожитой жизни внутри тёмного пространства моментами посещала голову парня, но чтобы прямо полностью отчаяться, забить на все свои принципы и начать курить он никак не мог. Так он сидел на деревянном хлипком стульчике посреди магазина, в нелепой шляпе и с помятой сигаретой во рту, даже не собираясь её поджигать.

После нескольких минут таких бессмысленных раздумий о головных уборах и сигаретах, среди тьмы, где-то в глубине коридора, показалась развивающаяся на прохладном ветру серая полупрозрачная ткань, махая одиноко сидящему подростку и зазывая к себе, будто поднимая руку. Сперва всё это казалось шуткой, обманом зрения или ещё чем-то подоб-

ным, ссылаясь на сквозняк и очень длинную штору, но после нескольких подпрыгиваний вперёд со стулом и детальном рассмотрении объекта, Филипп чуть ли не упал на пол, придерживая свою покосившуюся шляпу. Где-то в паре метров от него можно было отчётливо рассмотреть фигуру невысокого и худого человека, недвижимо стоящую перед испуганным парнем и зловеще махая своей тканью. Свет очень хорошо выделял согнутые руки и локти, а ноги вовсе казались инородными предметами, палками, воткнутыми прямо в плитку посреди магазина. Поспешных выводов подросток делать не стал, поправляя так понравившуюся шляпу, но поставить перед собой стул он посчитал хорошей идеей, или, как он думал, взглядом в будущее и предотвращением нежелательных событий. После, выглядывая из-за деревянного укрытия, пытался представить все возможные исходы его знакомства с неизвестным в конце коридора и предположительные пути отступления в случае опасности.

– Привет... – крикнул он совершенно неуверенно, а после и вовсе ругая самого себя за такое необдуманное решение.

Одно дело, когда ты встретил возможную угрозу лицом к лицу и знаешь о ней, но её же присутствие рядом ощущается абсолютно иначе, когда ты совершено, не подозреваешь о ней, делая какие-то свои обыденные вещи, будучи уверенным в своём одиночестве. Тело охватывает страх, а мысли

неловкость, ведь кто-то всё это время находился рядом, всё видел и всё слышал.

И после такой неожиданной встречи лишь один единственный и, наверное, правильный вопрос посетил голову парня: какого чёрта у него всё ещё нет оружия для самообороны? Бегать, конечно, хорошо, но рано или поздно наступит момент, когда либо ты даёшь сдачи, либо больше никогда не поднимаешься. Мало того, но ведь он не один, ему ещё и подругу защищать.

Тогда в голове пронеслась та самая сувенирная лавочка, которую Филипп специально проигнорировал, вспомнив, что там есть самые настоящие катаны, отлично подходящие для самообороны в закрытом пространстве.

Не спуская глаз с неизвестного, парень спиной шёл назад, пытаясь нащупать рукой витрину с сувенирами. Дойдя до дверей, молодой человек в спешке начал проверять каждую полку, скидывая на пол большие зажигалки в виде револьверов, которыми разве что путать, пустые деревянные шкатулки и ужасного качества картины, прежде чем найти ту самую яркую сувенирную, не заточенную, тупую, катану.

Выбежав с криками вперёд и размахивая катаной во все стороны, Филипп остановился, уткнувшись в пластмассовое и блестящее тело манекена.

Это какая-то шутка что ли? Подумал парень, пыл и ярость

которого постепенно пропадала. Он ткнул лезвием в полое туловище манекена и очень огорчился, что поводом для его волнения и страха стала пластмассовая вешалка с головой и руками.

– Ну, ахринеть как весело...

На громкие возмущения прибежала отдохнувшая и полная энергии Лиза, выглянув с другого конца коридора. Но такой радостной и расслабленной атмосфере удалось недолго просуществовать, после душераздирающего крика девушки.

В тот же миг она ощутила всем своим телом бегающий по полу мерзкий и холодный сквозняк, неспешно обхватывающий дрожащие тонкие ноги девушки. Криков больше не было, лишь тихий и постепенно разрастающийся в глубине души ужас вытеснял собой всё, казалось бы, уже прижившиеся хорошее настроение. Лиза не желала видеть тёмные застывшие фигуры посреди коридора своими глазами и ощущать тихо посмеивающуюся за их спинами смерть, поэтому глядя на заражённых людей через отражение в небольшой грязной луже она постепенно приходила в себя, но ещё не в силах приказать своим ногам встать.

Несколько десятков человек совершенно неподвижно стояли посреди коридора, и, кажется, навсегда остались в позе паникующих, медленно умирающих на своих же глазах лю-

дей. Кто-то так и остался лежать на полу в позе эмбриона, прикрыв голову руками, а другие же застыли с приподнятыми руками и ногами, будто бы пытаясь сбежать от карающей и безжалостной косы. Среди заражённых были люди абсолютно разных возрастов, так что найти ровесников Лизе не составило большого труда, сразу же приметив несколько мучеников у дверей одного магазинчика.

– Лиза? – Филипп был очень обеспокоен действиями подруги, наблюдая за её стремительными шагами к толпе мертвецов, – что ты... Я думаю, не стоит к ним притрагиваться, слышишь?

Но, несмотря на все просьбы парня, девушка лишь добавила уверенности к своим уже твёрдым шагам, будто точно зная, что делать.

Она всё не спускала глаз с двух забившихся в угол некогда молодых ребят, и мотая головой в разные стороны пыталась убедить себя, что ей просто показалось и то, что она вот-вот увидит, покажется лишь совпадением и иллюзией. Глупый брелок в виде жёлтого цветочка висел на потёртой ниточке на грязном и порванном школьном рюкзаке, который одним своим видом возвращал девушку далеко в прошлое, вызывая невероятно тяжёлое чувство, подступающее к горлу. Филипп не мог знать того большого значения, что имела эта безделушка для Лизы, а поэтому оставил её наедине, не

желая вмешиваться.

– Ничего не говори, мне всё равно. Очень даже хорошо смотрится. – знакомый голос пробежал мурашками по телу девушки, как только она дотронулась до брелока, хотела она того, или нет.

– Что это? – спросил Филипп.

Но увидев развернувшуюся к нему плачущую и убитую внутри подругу с брелком в ладонях, в голове у парня выстроилась небольшая грустная сценка с участием Лизы и невысокого парня без каких-либо черт лица, примерно, её лет. Он держал яркий брелок в своих руках и протягивал его улыбающийся подруге, наверное, даря в знак любви или дружбы.

– Мы отсидимся около школы некоторое время, а потом вернёмся домой, уроки всё равно уже закончились. Что нам будет? – Лиза сидела на кресле в мебельном магазине, ни на секунду не выпуская из рук брелок, – последнее, что он сказал мне перед своим побегом. Он думал, что это всё несерьёзно...

– Ты любила его? – вновь вернувшийся снег осторожно выглядывал с крыши на залитый водой пол, желая прогуляться по заброшенному торговцу центру через дыры в стенах и потолке. Это и постепенно набирающий силы холод

стали причиной большого костра посреди мебельного магазинчика, куда Филипп подкидывал подушки от хорошо сохранившихся диванов.

– Я и сама не знаю... Да и не знала тогда. Только потеряв, спустя время, поняла, что, наверное, любила его. Любила время, проведённое рядом с ним, все наши глупые разговоры ни о чём, тепло его рук, волосы, запах... Я бы хотела сказать, правда. Но было уже поздно... когда увидела его с другой...

– Жаль его, конечно, но я уверен, что он был замечательным человеком.

Лиза ничего не ответила, лишь скрывая свои всхлипывания, укуталась в одеяло и отвернулась от огня, наверное, представляя иные сценарии произошедших событий и все радостные моменты, которые возможны только во снах. Филипп же чувствовал себя немного подавленно, думая, что поддержал девушку немного не так, как нужно, продолжая пялиться на яркие языки пламени.

Гигантская тёмная, не отражающая ни единого лучика света, сфера медленно спускалась с неба к хаотично разбросанным, а позже собранным в одну большую кучу бетонным плитам, закрывая своей тенью всю землю.

Лиза молча наблюдала за стремительно приближающимся к земле небесным телом, замечая, как все предметы вокруг

неё искажались всё сильнее и сильнее, неестественно извора-чиваясь и всасываясь внутрь самих себя, будто бы огибая на-ходящийся рядом шар. Фонарные столбы, лавочки, асфаль-тированная дорога и деревья с каждой секундой переставали быть похожими на себя, вытягиваясь всё сильнее и силь-нее, стремясь слиться с проделавшей дыру в небе неизвест-ной чёрной материей.

Как только всё смешалось воедино со сферой и перестало даже отдалённо напоминать само себя, Филипп пробудился и открыл глаза. Перед ним всё ещё трещал костёр, хоть уже и не с той силой как ранее

Но не смотря на до сих пор не погасшее пламя и довольно таки плотное одеяло, по ногам всё-равно пробежал малень-кий и неприятный холодок, заставляющий подняться с уже тёплого и уютного места.

Небольшой участок пола за магазинчиком, над которым крыша была пробита, образовался яркий, и, наверное, даже вычурный небольшой сугроб, казавшийся таким из-за ярко-го контраста блестящих замёрзших капель воды, окружён-ные пустой и обезвоженной тьмой. Таким же пустым каза-лось и помещение, где расположился импровизированный привал подростков, не смотря на всю оставшуюся, не вошед-шую в число дров для костра, новенькую мебель. Ощуще-ние было необычным, будто из мира выдернули что-то очень значительное, но такое маленькое, что заметить получилось

не сразу.

Филипп скинул с себя громоздкое одеяло и остался стоять у дивана, приходя в чувства. Вокруг всё было обычным, когда он осматривался по сторонам, таким же, как и до сна, понятным и естественным. После очередного взгляда на уже остывающий огонь, среди догорающих досок кроватей и почти полностью сгоревших подушек парень заметил маленьких бликующий предмет среди них, отбивающий любую другую постороннюю мысль. Тот самый брелок, или, то, что от него осталось, лежал среди пепла, маяча перед глазами не смотря на расплавившийся и почти полностью почерневший пластик. При виде такого пожертвования дорогими воспоминаниями Филипп, кажется, на себе ощутил всю серьёзность отношений, заключённые в эту несчастную безделушку.

Внезапный, совершенно неожиданный жирный хлопок в другой части здания разогрел кровь парня и неслабо так заставил скакать его сердце, приказав вслушиваться в разлетающиеся осколки стекла и топот жёстких ботинок неподалёку от привала. Кто-то, без приглашения выбив дверь, вломился в торговый центр, точно зная, что где-то внутри этих джунглей есть кому-то неудобные скрывающиеся дети. Первая мысль, рисующая образ неизвестного – охотник с парковки. Наверняка очнувшись и жаждая мести после оглушительного и глупого провала, стрелок решил навестить под-

ростков для второго раунда, где он точно хочет остаться единственным победителем. Супер разъярённый размытый человек решил больше не нянчиться и не играть в игры, а держа перед собой ружье, был настроен очень решительно, готовясь стрелять, как только появится возможность.

– Лиза, надо уходить, проснись! – Филипп замер на месте, стараясь быстрее привыкнуть к темноте по ту сторону магазинчика, чтобы случайно не проглядеть нагрянувшего к ним убийцу, – Лиза, вставай!

Но даже малейшего движения на соседнем диване краем глаза парень не увидел. Одеяло как лежало на девушке, так и оставалось в том же положении, не смотря на громкий выстрел, бьющееся стекло и крики Филиппа.

– Ты что делаешь, Лиза, стрелок вернулся. Надо убираться отсюда!

Скинув на пол одеяло и подушку, молодой человек увидел, что под ними, на диване, никого не было. Девушка исчезла.

Страх стремительно приближающийся смерти не был так важен как возможность видеть глаза его бесследно исчезнувшей девушки, как прикосновение её слегка холодных, но гладких рук. Совсем недавно они оба разговаривали у

этого самого костра, перед которым Филипп теперь стоит один, нервно мотая своей пустой головой. Вот что выдернули из этого мира. Из мира вдоволь настрадавшегося подростка грубо вырезали ту единственную маленькую яркую деталь в его постепенно угасающей жизни, оставив на сердце рваную и ничем более не заклеивающуюся дыру. Всё это вызывало невероятно тяжёлый ком в горле, а взгляд постепенно затухал, дезориентируя в и не без того тёмном помещении.

Очередной выстрел неподалёку приводит в движение возвращающиеся мысли парня, напоминая, что уже совсем рядом сумасшедший человек с оружием готов при любой возможности всадить не один десяток пуль в подавленного и растерянного подростка.

Сбивающие с ног выстрелы, каждый из которых может случайно задеть Филиппа в любой момент, помогали лучше приспособливаться к этой непростой, и, казалось бы, безвыходной ситуации, и на месте продумывать дальнейший маршрут к ближайшему запасному выходу. Но как бы парень не вертел своей головой, заметить убегающую прочь испуганную девушку он не мог, хотя очень старался.

Освистывающий ветер, выпрыгивая из помятых стальных листов, дёргал маленькую мышку за рукав куртки, пытаясь указать путь к выходу из лабиринта вместе с расставленными специально почти затухшими свечами. Яркий оранже-

вый свет стучал в двери подсознания, но что-то необычное в последовательно выстроенных восковых огоньках Филипп найти не мог, больше волнуясь за сохранность своего тела. Стук подошвы и хруст разбитой плитки под ногами создавали очень явный образ Лизы перед глазами, навязывая очень непростую мысль.

Что если, её и не было никогда? Вдруг, эта идеальная, во всех смыслах этого слова, девушка предстала перед испуганным и потерявшимся не только в городе, но и в своих мыслях, парнем лишь для его защиты? Понимая, что совсем недавно странный чёрный дым, проглотивший его привычный мир и все давно устоявшиеся в нём законы, может быть лишь началом чего-то действительно страшного, чего-то хуже... Проекция молодой красивой девочки может быть не более чем галлюцинацией от проникающего в лёгкие вместе с воздухом вируса, поражающего мозг и действительно затуманивая разум, как бы смешно это не звучало при всех настоящих событиях.

Впрочем, сперва нужно выбраться отсюда и хотя бы сбросить с себя неадекватный хвост с ружьём наперевес, чтобы уже в более-менее спокойной обстановке взвесить все случившиеся и надуманные эпизоды за последние несколько минут.

Радикальное решение проблемы пришло после оглядки

на недавнее парковочное сафари, откуда сбежать удалось с помощью импровизированного, но довольно таки эффективного трюка с отвлекающей тележкой. Охотнику было мало, подумал Филипп, раз после оглушительного фиаско тот решил вернуться за победившим его подростком, не проанализировав допущенные ошибки. Предположительно, стрелок не подозревает о заражённых людях-манекенах, скрывающихся глубоко в тени буквально за углом. И если заманить его туда, то правила игры, возможно, изменить в свою пользу.

Филипп резко перенаправил весь свой вес влево, и чуть не ударив носом в пол, затаился за сувенирным прилавком, стараясь дышать в запотевшие от страха ладони как можно тише. Выстрелы перекрутились, видимо, неизвестный всё-таки не совсем безнадёжный, раз решил впустую не тратить драгоценные патроны для своего ружья. Отныне, счёт пошёл на секунды, где каждый шаг должен произойти ни раньше, ни позже, а действия должны максимально твёрдыми.

Шахматная плитка затрещала, а охотник уже выставил ружьё перед собой, кажется, заметив пластиковую приманку в конце коридора. Сигнал подан, присутствие точно известно, а значит, у Филиппа имеется окно в десять секунд, за которое он должен решиться на один единственный взмах катаной, чтобы навсегда усмирить сумасшедшего убийцу и открыть себе выход в город без чувства постоянной тревоги за

спиной.

Парень не до конца понимал смерть, и то, как она наступает, поэтому боялся сделать что-нибудь не так, боялся промахнуться и получить в ответ десяток пуль в свою грудь и навсегда остаться смотреть хрустальными глазами на падающий с крыши снег. Боялся навсегда забыть Лизу, даже если в итоге она окажется плодом хорошего воображения, но... После очередного всплывшего образа её тонких бледных ручек, сверкающего влажного тела и тёмных мокрых волос, произошёл ранее невообразимый выброс адреналина, подаривший всему телу твёрдости, а действию пугающую жестокость.

Филипп выполз из-под прилавка, и решительно взмахнув лезвием вверх, силой левой руки, низверг на себя фонтан тёмной и алой крови, ощущая стекающие красные ручьи по всему своему лицу.

Удар пришёлся, как было и задумано, в шею, чтобы раз и навсегда. Человек, ранее охотившийся на подростков, стоял на коленях и жалобно пытался вернуть всю вытекающую из него кровь назад, подставляя ладони к шее. Он, не отрывая взгляда от безжалостного парня, всматривался в его полные неутолимо-ужасного голода глаза, сразу подметив даже не проскочившую в них каплю сомнения или напряжения.

Высокомерие переполняло довольного Филиппа, не брезгающего даже чужой крови на своём лице, лишь с наслажде-

нием медленно, не торопясь, вытирая её своим рукавом.

Кровь окрасила несколько плиток вокруг себя и, заливая каждую трещину с осколками, медленно подбиралась к относительно чистым кедам. Филипп держал свою голову запрокинутой назад, решив разделить последние секунды своего утихающего нового состояния глядя на падающий снег, которой таял у его на лице и смешиваясь с кровью, стекал по подбородку на воротник куртки.

Тогда же глаза заметили искусственность выстроенных в ряд свечей неподалёку от стремительно растекающейся алой лужи, решив, что самое время взглянуть на огоньки и последовать за ними, как парень и поступил.

Ассоциация напрашивалась моментально: яркие оранжевые огоньки, выстроенные в ряд, походили на некогда ведущую Лизу новогоднюю гирлянду, которую для неё специально оставил Филипп. Сомнения на счёт существования девушки рассеивались, как и огонь на уже слабых восковых палочках за дверьми.

Свет вёл внутрь магазина, где на красивом, ничуть не потерявшем свой цвет, кресле аккуратно была сложена чёрная тёплая джинсовая куртка, кажется, с запиской сверху:

"Фил, прости меня, что ничего тебе не сказала. Я всё это придумала спонтанно, пока ты спал, но... Но я спать не могу, пока фотография с этой девочкой лежит у меня в кармане, постоянно напоминающая о себе. Я верю в твои слова о

дыме и в то, что где-то за городом его совсем нет, что где-то там, далеко, есть привычный мир, где всё как раньше. У меня есть, не знаю, может быть, часов восемь или девять, чтобы забрать карту, найти девочку и вернуться к тебе. Пожалуйста, дожись меня в старом мире, и мы больше никогда не расстанемся! Люблю. Лиза".

Восемь часов до удушья и превращение в омерзительную статую мертвеца разделяли парня и девушку, как и невероятная обеспокоенность за её здоровье.

– Заходи справа! – чужие слова, отчётливые, но еле доносящиеся, в самом конце торгового центра обрушились на скучающего бедолагу беспощадным убийственным градом, размыв прошлую победу.

Филипп накинул новый тёплый подарок на себя и помяв записку, хоть это получилось и случайно, запихал её во внутренний карман, с оглядкой стараясь как можно быстрее покинуть магазин, зная, что на второе убийство его явно не тянет. Кто-то отдал приказ заходить с другой стороны, а это значит то, что их двое и то, что, наверное, самое плохое, эти двое те же самые военные, которые ворвались не так давно в дом к старику и убили его. В прочем, убить они хотели и подростков, а после глупой оплошности, скорее всего, следовали за ними, не желая оставаться в дураках. Путей от-

хода несколько, но как знать, если ли на этот раз шанс сбежать невредимым? Вдруг, именно сейчас удача навсегда покинула парня, оставляя его на погибель. Но как бы то ни было, желание выжить и отыскать сбежавшую в одиночку Лизу превосходили многие возвращающиеся страхи, а значит, необходимо было немедленно включать голову и придумать свой побег.

В данном случае, у Филиппа было преимущество, предоставляющее намного больше времени на обдумывание нескольких возможных вариантов отхода, нежели до этого. Один из запасных выходов находился за углом в конце достаточного длинного коридора, но одно дело знать, где эта дверь находится, другое же, открыть её и не подставиться под пули моментально прибывших на посторонние звуки военных. Решать нужно здесь и сейчас.

Если не выбежать из укрытия к двери в ближайшие несколько секунд, то дальнейшие шансы на сохранение жизни будут уменьшаться с каждым приближающимся в его сторону шагом.

– Сейчас или никогда! – оторвав ноги от пола, вверх подлетели маленькие осколки плитки, быстро рассыпавшиеся от падения. Парень оттолкнулся рукой от осыпающейся стены и бросился к запасному выходу.

– Этого к ней и увозим, если найдём!

Что это было? Грубый мужской голос за спиной произнёс очень простое предложение, но понять его и найти в словах смысл Филиппу удалось лишь только спустя какое-то время, пока он вновь не подумал о Лизе. Два плюс два сложить было не сложно. Неужели далеко девушке уйти не удалось, и только-только выйдя из торгового центра, она попала в руки военных?

В таком случае раскрывать своё местоположение категорически нельзя, иначе шанс на вызволение Лизы можно благополучно хоронить вместе с ней, если военные будут на сто процентов уверены, что в этом здании находится ещё кто-то кроме них.

Перед Филиппом висела табличка с запасным выходом и сама дверь, ведущая на улицу, но цепляясь за каждое сказанное военным слово и проживая каждый выдуманный альтернативный сценарий, он постепенно отдалялся в сторону укрытого тенью угла, сомневаясь в правильности своего некогда принятого решения. Вот он, шанс вернуть его девушку назад, к нему, и покинуть страшный дым вдвоём, только если в этот раз, вместо бегства и возможности дать сдачи, парень просто-напросто останется в стороне, чтобы после незаметно проследовать за военными к их автомобилю.

Тьма снова заглотила помутившейся и хорошенько рас-

шатанный после всего произошедшего разум маленького, оставшегося наедине с самим собой мальчика. И если голова ощущала прилив вновь вернувшихся неприятных мыслей с отвращением и постепенно увеличивающейся громкостью шума, то вот тело вело себя неестественно и в каком-то смысле даже являлось телом абсолютно незнакомого, чужого человека, чьи слова и действия не поддавались объяснению. Их просто было не узнать, в них невозможно было разглядеть свои родные осколки души и, казалось бы, доведённое до автоматизма поведение. Что-то некогда знакомое навсегда утеряно в засыпанных снегом руинах.

Филипп лежал на пропитавшейся холодом земле за территорией торгового центра, где-то в абсолютно пустом пространстве. Нарастающая жгучая боль внутри постепенно замерзающего тела вместе с непрекращающейся дрожью полностью завладели подростком, готовясь медленно, сантиметр за сантиметром разрушать его хрупкий разум. Маленькая холодная слезинка, выкатившаяся из блестящего глаза, обжигала щёку, по которой скатывалась к ещё тёплой шее, отражая чёрные-чёрные ветви маленьких деревьев. Снова один, думал парень, и снова брошенный в никуда.

Героическая кровавая победа была предана забвению из-за растущих с большой скоростью страхов внутри маленькой головы, после осознания которых такие чувства заживо подавали появляющиеся даже на миг, словно лучи солнца, на-

дежды на более-менее положительный исход. И кроме как сразиться с виновником всех случившихся с ним бед у подавленного и разбитого Филиппа ничего не осталось.

– Ну, сукин ты сын, вылезай! – молодой человек вновь зажёг яростный боевой огонь в своих глазах, и, дотянувшись до ближайшей большой сухой палки, уверенно встал на ноги, направив своё оружие вперёд.

– Это ты со мной говоришь? Со мной? – ответил похожий на Филиппа голос, – со мной?

– Ну, конечно с тобой, ублюдок! – ответа парень ждать не стал, а поэтому совершенно не колеблясь, пару раз взмахнул палкой вверх, вспоминая своё прошлое убийство с теми же движениями, – ну, давай!

Неизвестный, размытый почти что до полного исчезновения человек перед оцепеневшем Филиппом показал свою яркую ухмылку, пытаясь вытянуть из парня напротив ещё парочку нелепых движений.

– Всё не так, как ты себе это представляешь! Слышишь?

– Нет, это неправда! – и снова следующий за словом очередной взмах палкой, попытка задеть оппонента и хотя бы сбить его с ног, – что было, что мы сделали, и что получили!

С каждым ответом появившегося из неоткуда размыто-

го человека, гнев, кипящий внутри испуганного подростка, предпринимал всё разные и разные попытки по своему освобождению наружу, но вот только, каждая попытка оканчивалась маленьким поражением.

– И чего ты хочешь этим добиться? Это ты предпринимаешь, как попытку всё изменить? – на секунду показалось, что человек напротив остановился от своих постоянных хитрых увиливаний и задал интересующий даже его вопрос, – что скажешь?

– Хочешь что-то предложить? – палка опущена к земле, а Филипп с озадаченным видом присел на снег отдышаться.

– Вернуть Лизу получится лишь в том случае, если ты примешь некоторые, так тебя пугающие, факты...

Филипп поднял голову и увидел стоящее перед собой целое зеркало, чуть закопанное в землю. На нём не было ни пылинки, что удивительно.

– Она тебе дорога? – спросило отражение, – Лиза. Она тебе дорога?

– Да... – неуверенно ответил Филипп, прошептав свой ответ.

– А хочешь ли ты её вернуть?

Какое-то время парень молчал, то ли не зная, что отве-

тить, то ли боясь своего ответа.

– А хочешь ли ты её вернуть, а? – повторило отражение, – увидеть её вновь?

Но, и в этот раз Филипп ничего не ответил, лишь закрывая лицо руками.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

Дождь. Сырость. Пар изо рта. Всё это радовало стоящего у входа в метро одинокого парня. Даже не смотря на возмущения мимо проходящий людей, заставить его накинуть в морозящий дождь капюшон, было невозможно.

Парень специально трогал растянутые рукава своей большой кофты, выглядывающие из-под куртки, или поправлял идеально лежащий в ухе наушник, просто потому что благодаря таким простым действиям он оставался прикованным к этой земле и чувствовал себя приземлённым как остальные. Помогали этому и изредка стучащие капли дождя по блестящим белым мраморным ступеням. Они гремели словно колокола, перебивающие музыку, мешая полностью отключить сознание и погрузиться в собственные мысли.

Одно мгновение и вот Филипп уже мчится в вагоне метро через весь серый город, наблюдая за пробегающими за стек-

лом яркими голубыми огнями. Но, кое-кто смог оторвать его от фонарей и вывести из гипноза, прикоснувшись к его руке.

Маленький белый котёнок, выглядывающий из расстёгнутой куртки рядом сидящего пассажира, пытался дотянуться своей лапкой до болтающегося провода наушников, пробудив Филиппа. Спустя какое-то время молодой человек и котёнок встретились взглядами, разглядев, друг в друге полностью промокших бедолаг, севших в этот вагон не по своей воле.

И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

Мягкий шелест после перелистывания страниц дёргал, будто привязанное на ниточку тело, вызывая на руках и шее приятные мурашки. Парень сидел на полу, под открытым окном, периодически подглядывая на играющую с ветром белую полупрозрачную штору, которая прерывала свою игру для крепких объятий с занятым чтением Филиппом. Он отвлекался на неё, представляя, что его обхватывают чьи-то заботливые тёплые руки.

Квартира была погружена в сон, лишь изредка вслушиваясь в еле-еле доносящиеся из спальни шуршащие страницы старой пыльной книги. Парень сам того не понимая, почёсывал свой нос перед перелистыванием создавая оглушаю-

щий звук в пустом и одиноком доме. Тишина казалось ему громче рёва автомобилей, от чего созданные в голове образы после прочтения бесследно размывало неуловимым невидимым шумом.

И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.

– Это я. Я здесь! – Филипп упал на коврик под входной дверью и, не отпуская ручку, тихо стучал ботинком по бетону, пытаясь привлечь внимание девушки, – пожалуйста, открой дверь... Давай поговорим.

– Ты хочешь что-то добавить? Спасибо не надо! – чем-то очень расстроенная девушка по ту сторону двери ходила из комнаты в комнату, желая поскорее вернуться к спокойному отдыху через игнорирование собеседника.

Свет яркой бирюзовой лапочки над соседской дверью мягко ложился на тёмно-серый бетонный пол, оголяя каждый его изъян, каждую трещину и выделяя все неровности большой грубой тенью. Этаж, на котором сидел парень, казался ему чересчур уж вычурным, оглядываясь на все оставшиеся внизу предыдущие коридоры, где царил тёплый яркий жёлтый оттенок, смешиваясь с разноцветными дверными бликами, он создавал настоящую палитру на старых исписанных кем-то таких же серых стенах.

Прогнивший пол отдающей сыростью древесины был не менее отталкивающим, постоянно цепляя своими сколами торчащие кое-где нитки из свисающей кофты подростка. И глядя на доски уже было не представить его изначальный цвет, такой, с каким он был здесь забит. Доминирующий морской зелёный вытеснял собой привычный оранжевый, создавая иллюзию естественного цвета старого дерева. Впрочем, вскоре, от множества гипнотизирующих оттенков Филипп отвлёкся, перестав тарашиться в одну точку с глупым видом и встав на ноги, снова попытал удачу достучаться до своей подруги и нормально поговорить.

– Нам нужно всё обсудить и найти решение проблемы. Позволь мне, пожалуйста, войти... – Это так странно. Когда так долго чего-то хочешь и боишься, что в конце всё это окажется бессмысленным, никуда не ведущим тупиком. Проговаривая это у себя в голове, парень уже несколько раз пытался бросить стучать в дверь с номером сорок два и навсегда забыть дорогу в этот несчастный подъезд, но что-то постоянно его останавливало, хватало за руку и обещало, что в этот раз всё точно будет по-другому, иначе.

– Оставь меня! – прошептала сидящая под дверью девушка, пытаясь достучаться до всего хорошего в парне.

– Но я не могу... – прошептал он в ответ, – просто не могу...

И был вечер, и было утро: день третий.

Порой парень осознавал всего себя прошлого и настоящего, все свои поступки и действия, принятые за всё время правильные и неправильные решения, и в этот момент всё меняется, выходит за рамки привычных раздумий лёжа на кровати куда-то в пустое пространство вне всего существующего, куда-то очень далеко ото всех. И в этот момент, абстрагированный человек выходит за рамки своего сознания, тела и жизни, глядя сверху на самого себя, не забывая о том, где он сейчас и думая: а к чему всё это? К чему всё это ведёт? И не послать ли всё?

И был вечер, и было утро: день четвёртый.

Впервые за несколько дней для Филиппа на небо выглянуло избегающего любые серые тучи солнце, наполняющее тело и мысли, разливаясь в ладонях, приятными и тёплыми чувствами. Такое осенью происходило не часто, а поэтому упускать возможность провести несколько часов под лучами яркого света, было глупо, даже не смотря на всё произошедшее ранее. Только заметив пробирающиеся в его тёмную, закрытую шторами комнату бело-оранжевые лучи солнца, парень, не теряя ни минуты начал одеваться на прогулку, боясь снова упустить на долгое время такой редкий момент счастья и бодрости.

За спиной стояло прохладное и твёрдое дерево, а в руках чуть мятая пластиковая бутылка с водой. Филипп умиротворённо, лёжа на красно-жёлтых опавших листьях, наблюдал за пролетающими над его головой облачками, представляя, что с каждым глотком свежей и слегка обжигающей холодом его горло воды его тело становится всё легче и легче, что он вот-вот сможет прикоснуться к постоянно унывающему в эти месяцы небу и утешит его, развеселив своим, казалось бы, невозможным для человека полётом. Вокруг царила тишина, ни единого постороннего, сбивающего с мыслей, назойливого шума, которого так боится спокойный подросток.

Предыдущие дни похожи друг на друга чувством ускользающего из рук времени, которое будто вода просачивалась сквозь пальцы и навсегда утекала куда-то вдаль, исчезала и не давала вернуть всё назад. И именно такие, исключительные и неожиданные солнечные дни встречали между вечной опустошённостью и бессилием, приходящими, кажется, сами по себе. Незваное уныние прогоняли такие простые мелочи как выглянувшее на пару часиков солнце, застывшие на небе тучи, ощущение простого существования и спокойствия, пробегающий холодок по спине от упавшей за шиворот капли дождя. Всё это придаёт сил, напоминая, что после даже самых затянутых гроз над головой рано или поздно засияет ярчайшее солнце.

Но вот только одно могло напугать Филиппа, выдержнув его из собственных мечт – шум из неоткуда. Открыв глаза, молодой человек увидел в паре метров от своих вытянутых ног совсем обессиленного и умирающего ворона. Тело птицы было частично сожжено, но, несмотря на очевидно жуткую боль, она всё ещё растерянно махала крыльями, надеясь взлететь вверх и прекратить свою агонию.

– Кто это сделал?

Домой парень возвращался с переполненной головой эмоциями, наблюдая за убегающей вперёд собственной тенью, которая играясь, подпрыгивала и снова оказывалась позади тела. Голова сама повернулась в сторону соседнего дома, чтобы ещё раз напомнить о знакомом окне, которое так старательно пыталось забыть. И в тот же момент, как глаза поймали яркий свет в том проклятом окне, разум опустел, потеряв все те хорошие мысли, приобретённые за день. Неужели всё это было напрасно?

И был вечер, и было утро: день пятый.

Филипп стоял среди деревьев, в тёмном туманном лесу и всё то время, пока он был в дороге, отвлекался на густой и тёплый полупрозрачный пар, выходящий у него изо рта. Капли воды после недавно прошедшего ливня стучали по вы-

сыхающим твёрдым стволам могучих елей, кажется, смешиваясь и становясь единым целым с опустившейся на землю размытой скатертью, окутавшей собой всё материальное, и, наверное, даже духовное.

Тропинка же была видна, несмотря на тусклый, еле-еле просачивающийся сквозь старую замочную скважину свет уходящего за горизонт солнца, представляя собой незаменимого проводника в столь отдалённом, судя по незнакомым пейзажам, месте. Невидимая, но по ощущениям приятная и гладкая сияющая рука осторожно касалась спины парня, чуть подталкивала его вперёд. А он был даже не против, наоборот, движимое им чувство неизвестности добавляло каждому его шагу уверенности перед невиданными иллюзиями в этой бескрайней безнадёжной пустоте.

– Возьми её! – сказал приятный женский голос позади. Это был лишь звук без какой-либо материальной оболочки, поэтому, сколько не оглядывайся, сказавшую эти слова было не найти. А нужно ли?

– Хорошо... – Филипп не собирался противоречить законам чужого мира и принял правила этой игры, прошептав себе под нос своё согласие, будучи полностью уверенным в то, что его слова всё равно услышат.

Он закрыл глаза, вытянул свою правую слегка дрожащую от неуверенности руку вперёд и затаил дыхание в ожидании

каких-нибудь действий со стороны неизвестных людей.

Снова взглянув на туман, по телу пробежали мурашки, когда вместо бескрайней серой бездны перед собой Филипп увидел пожимающего его правую руку повешенного мужчину. Определить пол удалось только благодаря одежде на тощем и сияющем на солнце скелете с петлёй на шее.

– Привет... – прошептал мертвец, скрепя зубами.

– Привет... – ответил подросток, не спуская глаз с самого необычного рукопожатия в его жизни.

Любой другой уже бы давно отдернул руку назад, приложив все свои силы, отпрыгнул назад и бросил бы этого человека одного, стараясь как можно быстрее забыть этот неприятный эпизод... Но Филипп, лишь только крепче стоя на ногах, продолжал держать костлявую руку висящего перед его глазами мужчины.

– Брось это, парень, – поднявшийся вверх туман заглатывал ноги неизвестного висельника, пытаясь захоронить его под землёй, – я же утяну тебя за собой, ты что делаешь?

– Ни за что!

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый.

Шорох от медленно скатывающейся с угла кровати штор не давал заснуть уже несколько часов, создавая единственный улавливаемый шум в комнате, если не во всей тихой квартире. Но, внезапно, три следующих друг за другом стука капель по тонкому навесу над окном стали причиной выплеска необычных чувств, разогнав какие-то скучные и меланхоличные мысли от бессонницы, сумев разогреть и разогнать кровь по всему уставшему под вечер телу. И снова, кап, кап. Непродолжительный перерыв для некоторых раздумий прервали ещё две разбившиеся об стальную пластину ледяные капли покинувшего, но ненадолго, дождя. После всех посторонних звуков, Филипп сумел сосчитать про себя до двух, прежде чем шесть маленьких хлопков по ту сторону окна развернут голову испугавшегося подростка. Снова тишина и два стука. Три еле доносящихся щелчка секундой стрелки настенных часов и очередные две капли воды снова бьются об навес. А вот после отсчёта двух секунд, молодой человек, вдруг, заснул, сам того не заметив.

Так совершены небо и земля и все воинство их.

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

Жар тела был невыносим вместе с вечно неправильно лежащим одеялом. Даже постоянно выкидывая ноги вперёд и

подбрасывая одеяло, было не вернуть некогда расслабляющую прохладу и возможность, наконец, заснуть. Часы наедине с пустой сине-жёлтой комнатой превращались в невыносимую пытку бессонницей, где лишь в тупом наблюдении за самым обычным потолком есть спасение от бесконечных пробуждений.

Организм кричал от боли, просил его отключить на время для возвращения былой энергии, пытался заткнуть пробудившегося мальчика из прошлого, за чьими плечами десяток ошибок, и лишь сейчас, в одну из бессонных ночей пару лет спустя, в забитую мыслями голову посреди самого тёмного времени суток приходят решения всех прошедших, но не забытых проблем. Но мысли... Мысли связали руки и ноги, широко раскрыли глаза парню и отключили животный страх, страх перед неудачами. В одночасье в голову лежащего на жаркой мягкой постели Филиппа пришли гениальные, как он считал тогда, идеи для улучшения своей жизни, для избегания всех неловких событий, которые могут произойти, и достижения желанных, ранее считавшихся невозможными, целей.

Каждый удивительный шорох под потолком, кроватью и даже столом представал как нечто живое, то, что мальчик в постели был только способен себе представить: голос его родного человека, стук знакомых небольших кед, слова, которые только предстоит сказать. Всё было до боли знакомым, но ещё не случившимся. Порой, по комнате ходил полупро-

зрачный чёрный силуэт невысокого человека, суетливо бродящий из стороны в сторону в попытке найти себе место для ночёвки. Ему очень хотелось отдохнуть, присесть где-нибудь в углу, подпереть голову рукой и закрыв глаза видеть всегда его поражающие сны, за объяснениями которых он всегда гнался. Для него это была вторая жизнь. Жизнь, где каждую ночь он оказывается в совершенно другом месте и времени, с совершенно разными людьми и событиями, которым они способствуют. Всё это было живым, настоящим до боли лишь в один короткий миг, определённо этого стоящий.

Нет сети. Телефон бесполезен. А значит ещё, как минимум полчаса пройдут в сражении со своим вечно работающим и не утихающим ни на секунду разумом, генерирующий в голове сотни невозможных вариантов для таких же невозможных событий в жизни. Филиппу остаётся лишь наблюдать за сожжением мостов, за которыми он уже никогда не вернётся в ту квартиру, к своей девушке, и она уж точно не встретит его с распростёртыми объятиями. Он никогда не погуляет с ней в лесу у озера и не поцелует при свете луны. Ничего этого не будет, как бы ни хотелось. Как бы не было печально. Ворочаясь в постели, молодой человек не мог найти себе места. Он переворачивал одеяло, выворачивал его наизнанку, часть скидывал на пол, оголяя свои ноги, но всё ни то. Всё ни то! А, может быть, дело не в одеяле? Подумал Филипп.

Но как бы то ни было, заснуть так, и не удалось, зато пред-

ставилась возможность взглянуть на постепенно светлеющее голубое небо, а лучи солнца, пробирающиеся через тучи, можно было заметить на приоткрытой дверце шкафа в конце комнаты.

– А хочешь ли ты её вернуть, а? – повторило отражение, – увидеть её вновь?

– Да... – прошептал Филипп, наблюдая за исходящим из его рта паром, – да, хочу... – и глаза закрылись, кажется, навсегда. Никакого больше хруста снега под ногами, ни тяжёлого дыхания через кашель, ни болтающихся стальных пуговиц на куртке. Всё затихло вместе с парнем.

Так совершенны небо и земля и все воинство их.

И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

Глава

III

Шум

Кругом была вода, мокрый крошащийся асфальт и тонкий слой выжигающего глаза белого снега, медленно оседающий на замёрзшем теле подростка. Он прижал голову к ногам как только мог и прикрывшись руками пытался спасти себя от, кажется, неминуемой смерти, испытывая надежду растянуть

куртку на все открытые участки тела. Но холод лишь закрадывался в каждый сантиметр кожи, под одежду, пытаюсь обжечь и заставить вздрогнуть. Это было ужасно. В этот бесконечно растягивающийся, полный переживаний о близких миг и нахлынувших воспоминаний, закрался разбавляющий тревогу жёлтый кусочек взявшегося из ниоткуда света, заботливо обнимающий часть уже не дрожащей, спокойно лежащей блендой руки. Филипп через силу приоткрыл потяжелевшие веки, и чувствуя каждую примёрзшую к его лицу ресницу взглянул на играющий с его холодным телом свет, пытаюсь разглядеть через свой затуманенный взгляд источник этого тёплого лучика. Это было необъяснимо. Откуда ему взяться, здесь, за торговым центром.

Снег осыпался с волос от крохотного поворота головы, а лицо некогда готовящегося к смерти парня в ту же секунду сменилось ярким удивлением. В нескольких метрах от сложенного пополам обессиленного и отчаянного бедолаги стояли три белые невысокие фигуры, направляющие свет своих фонариков на остывающее тело. Три призрака, чьи лица были закрыты противогазами, и даже более того, белыми простынями, свисающие почти до колен, кажется, готовились забрать душу Филиппа с собой, молча наблюдая за его большими как блюдца глазами.

Неизвестные люди были не похожи на тех, кого ранее приходилось видеть: это точно не военные из торгового центра,

и уж точно не стрелок с парковки. Только потому, что при виде другого человека они не пытались пристрелить парня, а лишь молчаливо наблюдая за его маленькими движениями в свою сторону, направлял его светом фонарей, рисуя линию. Они были до ужаса спокойными. Неужели были настолько уверены, что возможно играющий обморожение Филипп приблизившись к их ногам, не достанет пушку и холоднокровно не расстреляет всех троих. В прочем, думать нужно было о сохранности своей собственной жизни, и надеяться, что такие с виду доброжелательные люди не убьют его, как только тот встанет на ноги.

– Нужно помочь ему! – один из призраков оказался девушкой, и, наклонив свою голову вправо, к своему товарищу, попросила поднять Филиппа. Сразу такую стройную и слегка худую фигуру из-за простыни было не прочесть, лишь после того, как в голову закрался её ласкающий, слегка искажённый из-за противогаса голос, можно было примерно очертить её тело, мысленно убирая простыню и представить свисающий на спину водопад длинных волос. Проявившая доброту к незнакомцу девушка внушала доверие, и довериться её двум друзьям было уже не сложно.

– Может не стоит? – голос парня, к которому обращалась девушка, последнее, что услышал Филипп перед потерей сознания.

После того разговора прошло, наверное, немало времени, ведь всю дорогу, пока два сильных призрака тащили тело подростка, он ещё не раз открывал глаза, пытаясь осмотреться вокруг, а после также быстро закрывал их от бессилия.

– Сэм ждёт тебя в библиотеке дружище, и он надеется на тебя, поторопимся! А то небось книги то у них заканчиваются... – держащий Филиппа за руки парень обернулся, чтобы увидеть его горящие даже сквозь противогаз глаза, пытаясь поднять всем настроение.

– А он всё никак не уймётся! – прокряхтел хмурый и уставший парень позади, придерживающий ноги подростка.

Спустя какое-то время, которое даже примерно было сложно посчитать, глаза Филипп открыл лишь почувствовав стекающую с его головы под рукава и воротник воду. В грудь и лицо било приятное, но со временем обжигающее тепло от рядом горящего красного пламени, зажжённое здесь прямо внутри какого-то тёмного, незнакомого здания с неузнаваемой архитектурой. Пожелтевшие, некогда величественные белые колонны подпирали собой высокий потолок и, кажется, такую же большую арку у того места, отдалённо напоминающее собой вход. Пол был терпимо прохладным, но всё ещё не полностью принимающим тепло разведённого на нём костра, отторгая и отпуская часть жара наверх, пропуская его через яркие золотые жилы между массивными тёмно-зе-

лёными плитами под ногами. Оранжевые блики отскакивали от чёрных перил где-то неподалёку от громадных мраморных ступеней и разбивались об заколоченные досками огромные окна, создавая интересную игру света и причудливые узоры.

Капля за каплей пополняли собой маленькую лужу под старым деревянным лакированным столиком всё у того же окна, где зеркальное отражение помещения казалось немного другим и даже более приятным чем настоящий тёмный холл со всеми его предметами внутри. Небольшая часть, маленький осколок, иного мира с небольшим искажённым фрагментом бежевой стены был словно вычурной и выделяющийся из общей картины деталью, совсем не нужным и отвлекающим всё внимание на себя мазком на огромном холсте.

– Проснулся? – спросила спустившаяся на первый этаж девушка всё в той же закрывающей лицо простыне, – как себя чувствуешь?

– Отлично. Спасибо, что подобрали меня... – Филипп махнул рукой и не вставая с пола продолжал наблюдать за неспешно спускающейся с лестницы девушкой. Она была настоящей загадкой в окружении двух своих телохранителей, даже не пытаясь показать лица, будто чего-то, боясь, – как вас зовут? Кого мне благодарить?

– Для тебя это неважно! – из тени, совершенно неожидан-

но, вышел один из двух парней-призраков, наверное, глупо стоящий там всё то время пока Филипп спал, – хватит того, что мы вообще для тебя существуем. – кажется, даже само пламя костра затихло в тот момент, лишь бы доски не трещали, пока он говорил, – но знай, как только тебе полегчает, и ты согреешься, мы вышвырнем тебя, побитого пса, обратно на мороз, потому что ты не наша забота, нам и без тебя есть чем заняться.

– Влад! – девушка встала между стремительно идущим к Филиппу парнем и выставила вперёд руки в попытке остановить.

– Да брось ты, я просто объяснил ему наши правила, вот и всё. Но какими бы мы не были альтруистами, на всех фильтрами не напасёшься, разве я неправ? Давайте тогда каждого бедолагу подбирать с улицы и пускать в наш дом, кормить их, одевать.

Конфликт горел ярче костра, а поэтому нужно было его немедленно гасить и не стать случайно зачинщиком неприятностей.

– Ребят, погодите! Я не собираюсь останавливаться здесь у вас навсегда... Да и к тому же, говоря начистоту, вы сами меня сюда притащили...

– Что ты сказал?

– Я к тому, что, как и у вас, у меня есть подруга... Была, но

сейчас она в плену у военных. Я правда не хочу быть помехой для вас, но лишь хочу попросить о маленькой помощи, после которой мы навсегда разбежимся, если вы того хотите.

– Эй, Хью Гласс! Ты сказал, что твою девушку подобрали военные, видел, сколько их было? – наверху, на сверкающих перилах второго этажа, совершенно спокойно свесив ноги, сидел второй парень, кажется, кое-что зная.

– Двое...

– Готов поспорить, что один из них немного в возрасте, а второй чуть старше нас, да?

– Вы встречались с ними? – крутить головой из стороны в сторону было уже невозможно, и переглядываться между говорящими было трудновато.

– Они сбежали, поджав хвосты, когда мы окружили их на детской площадке в одном из дворов. Ещё чуть-чуть и погасили бы этих ублюдков!

– И где это? Где они?

– А вот тут-ка притормози парень. Не так быстро, – возразил Владислав, – мы потеряли очень драгоценное время пока тащили тебя в наш дом, ты это и сам понимаешь. Просто отблагодарить нас словами не выйдет. Мы не скажем где тебе найти военных и твою подружку, нужен равносильный обмен. Помоги нам, и мы поможем тебе, даём слово.

– Всё честно, как по мне, – второй парень спустился на первый этаж и решил протянуть руку, чтобы заключить сдел-

ку, – ну, что скажешь?

– У меня есть выбор?

– Конечно, есть, либо идёшь с нами и помогаешь, либо упускаешь шанс вновь встретиться со своей девочкой.

После неохотного, но необходимого рукопожатия Филипп спасаясь от бессонницы, решил прогуляться по большому и старинному дому призраков, полагая, что после нескольких утомительных кругов по первому и второму этажу ему обязательно захочется вздремнуть на первой же койке. К счастью для него, после слегка напряжённого разговора неизвестные, так и не назвавшие своих имён, разрешили занять один из небольших кабинетов в самом дальнем углу помещения, который, наверное, до прихода Филиппа открывали всего один раз для проверки во время самого первого обхода.

Владислав. Одна из трёх утаивающих личность масок спала, открыв большую брешь в белой непрозрачной простыне для манипуляций и давления, чем возможно воспользоваться в личных целях, если эта авантюра внезапно не станет роковой ошибкой.

Некоторые картины в коридоре были занятными, даже по своему притягательными, зазывая рассмотреть маленькие, но яркие детали, упущенные в ходе беглого взгляда в течении всего нескольких секунд. На исключительных, важных, полотнах в красивых золотых рамках с не менее красивыми

узорами Филипп останавливался надолго, но задумываясь вовсе не о смысле изображённой сцены или качестве проделанной работы, а о месте этой картины в настоящем, упавшем в чёрную бездну, времени. Чего теперь она стоит как предмет искусства в разрушенном и гниющем мире полном опасностей, где почти каждый человек при первой же возможности готов наставить на тебя пушку? Возможно ничего, но перестаёт ли эта картина быть тем, чем является? Филипп думал так: искусство, каким бы оно ни было, остаётся искусством до тех пор, пока не будет полностью уничтожено, и до тех пор продолжит сохранять свою ценность как единица творческой части прошедшего, уже далёкого времени, пускай за окном хоть ядерная зима.

В ходе аристократичной прогулки, как её называл сам Филипп, под ярким синеватым светом фонаря, забравшимся в дом через улицу, одиноко стояла девушка-призрак, делая вид, что стоит здесь уже давно и тоже, на удивление, рассматривает картины, которые она видела, наверное, не один десяток раз просто, чтобы не спугнуть увлечённого парня.

– Тоже не спится? – спросила она.

– Да, никак уснуть не могу. Ворочаюсь, наверное, каждые две минуты, а одеяло уже всё всмятку, да и подушка тёплая с двух сторон. Одним словом – невыносимо!

– Красивые картины...

– Ах да, я как раз проходил мимо и думал...

– Жалко, что лишь оставшимся в живых единицам есть до них дело. И они обречены теперь, здесь пылиться вечность в компании этих пустых безвкусных стен. Дай бог, чтобы нашёлся ещё один человек, которому будет интересно разглядеть эту написанную морскую пену в мельчайших деталях.

– Да, очень жаль... – Филипп на секунду замер, дотронувшись до колонны, но, не отводя взгляда от незнакомки.

– Мы тоже теперь предоставлены сами себе, и больше некому в нас разглядеть те детали, за которые нас и любят, понимаешь? Но ты... Ты зацепился за свою девчонку и готов пойти на любые жертвы, даже довериться вооружённым людям, только чтобы ещё раз увидеть её, – призрак указала на царские красивые кресла, предложив присесть, – это очень смело, хоть и глупо...

– Ну, знаешь, а мне больше ничего не остаётся, как совершить для неё глупость. Она всё, что у меня осталось от этого дыма. Дом, родные, всё исчезло бесследно, – сказал он, – а всё из-за аварии какой-нибудь или ракетной атаки!

– А я думаю, что это неизбежное событие должно было рано или поздно произойти. Антиматерии стало так много, что ей понадобилось вытеснить наш, ну, обычный мир, чтобы всё собой занять. Звоночек с альтернативной, параллельной нашей, стороны. Инь и Ян, проще говоря, но перевес в пользу тьмы. – на второй этаж, совершенно бесшумно, поднялся второй призрак, нагло, но умно вмешавшись в разговор, –

извините, я вас двоих не отвлек? Просто вы здесь уединились так хорошо, а возмущения Владика по этому поводу я один внизу выслушиваю, – после, за этими словами последовал громкий и отчётливый стук снизу, после которого разозлённый Владислав вышел в холл.

– Я всё слышал! Потолки больше – эхо громче.

– Ладно, ребят, надо разбежаться, если хотим высыпаться перед завтрашним походом. Большое спасибо Данила, за твоё грубое вмешательство и интересную теорию. А тебе...

– Филипп.

– Филипп... Спасибо тебе за приятную беседу.

Громадные хрустальные люстры погасли, оставив расставленным на каждом комодe свечам освещать блестящую мраморную плитку. Огоньки, зажжённые на белых восковых палочках, колыхались от малейшего движения в их сторону, трясаясь от страха быть навсегда потухшими.

Филипп, подбодрённый вечерней беседой, медленно плёлся к своему кабинету, стараясь ухватить и запомнить как можно больше деталей помещения, перед тем как, в первый и последний раз, захлопнет деревянную дверь собственного кабинета. Позолоченная ручка, замок, всё было таким... бесполезным. Ни деньги, ни социальный статус теперь не имеют никакого значения в это первобытное время, где всем в этом тёмном мире движет страх и желание выжить.

Новая, но на удивление, очень скрипучая золотая дверная ручка разбила вдребезги все предыдущие, накопленные за всё время прогулки мысли, заложив основу для не совсем приятных размышлений перед отходом ко сну, если вообще удастся найти удобную позу и прохладный островок на большой кровати, чтобы забыться на какое-то время. Толстая дверь распахнулась и выдала парню все красоты небольшого кабинета: тёмно-зелёные обои с золотыми венами, высокий потолок с хрустальной люстрой, плинтус из тёмного дерева, ламинат, однотонный ковёр перед столом и свисающие до самого пола плотные шторы.

Дверь ещё долго не закрывалась, разделяя необычный и удивительный опыт вместе с Филиппом, на этот раз, даже не пытаясь захлопнуться, только бы не сбить ход его мыслей. Роскошь, которой не хватало многим в жизни в период до появления дыма, теперь полностью в распоряжении одного маленького подростка. Но... Чувства какие-то странные. Вроде бы вот оно – дорогая мебель, приятнейшая и уютная атмосфера в небольшой комнате, запахи, но, даже примерно представляя ту сумму, которую пришлось отдать за все эти вещи некогда живущему здесь человеку, на душе ни капли радости. Все эти дорогие вещи потеряли свою ценность как предмет самоутверждения, ими больше не перед кем похвастаться и "поднять" свой статус за счёт них уже не получится. Всем плевать. Да, это всё ещё лучше чем спать на порванных

и грязных матрацах то здесь, то там, но более своей обычной функциональности они не стоят. Перед глазами всё те же стулья, столы, шторы и ничего другого.

Филипп присел на кровать, но ничего кроме пустоты внутри себя не ощущал, пытаясь найти крючок для позитивных эмоций в обычном, оставленном не заколоченным окне, представляя, что вместе с падающим снегом на улице суетливо из магазина в магазин, как раньше, бегают люди.

Но в действительности же, за окном была всепожирающая, закрадывающаяся в каждую мысль, пустота.

Лежащий на комодe слегка грязноватый противогаз тикал как самые громкие часы, отсчитывая каждую короткую, но важную секунду перед походом с неизвестными, и был готов закричать как будильник самым неприятным и раздражающим звоном перед поисками Лизы. Потраченные драгоценные часы, навсегда застывшие у торгового центра и только-только начиная растворяться среди колонн, останавливали сон Филиппа, напоминая, что если он вовремя не отыщет свою подругу и не уберётся за пределы дыма, до того, как фильтр прекратит функционировать, подростки пополнят ряды мёртвых статуй.

Ветер тихо шептал, рассеиваясь по полу, и спотыкался о качающиеся шторы у стола под приятный звук падающих друг за другом страниц открытой книги. Он словно невиди-

мый гость бродил по пустой комнате, и лишь изредка возвращаясь к своему рабочему месту, для продолжения своих очень важных дел останавливался на одном месте и затаивал дыхание перед прочтением очередного захватывающего предложения. Но в один поздний час он обратил внимание на всё никак не унимающегося молодого парня раскинувшего руки на всю длину большой кровати, которую он даже не удосужился расправить. В его частых переворачивающихся движениях можно было разглядеть закономерность: как после ровно двадцати секунд он перепрыгивал на другой бок, туда, где часть подушки уже успела охладеть, и поднимал одну ногу, чтобы закинуть такой же прохладный край одеяла под себя.

Но со временем беспокойство нарастало, а частые прыжки с одного бока на другой, где сна ни в одном глазу, доставляли лишь боль и не покидающую ненависть к себе, если даже уснуть, нормально не выходит. В ту же секунду выброшенное в порыве злости одеяло оказалось в самом дальнем и не занятом углу кабинета, куда даже сам свет боится подойти.

Кровать заскрипела, и Филипп выпрыгивает с неё на пол, пристально, не спуская глаз, наблюдая за небольшим смятым комком белого одеяла в тёмном углу кабинета. Парень вертит головой, примерно изображая у себя в голове масштабы представленной работы, и мысленно вычёркивает лишний визуальный шум. И в ту же минуты, после скрипа дере-

ва, под ногами отдавшего старт, на верхнем этаже загремела мебель. Комоды были выставлены за уже полюбившуюся дверь к колоннам и картинам в коридор, шторы сдёрнуты и позорно оставлены лежать нетронутыми на ковре, а вот кровать отправлена в тот самый дальний угол. Каждый рывок, скрип деревянных ножек и вздох слышал весь дом, но прекрасно понимал, зачем это делается.

Кабинет полностью обеднел. В четырёх стенах не было практически ничего, за исключением передвинутой в угол яркой кровати и лежащего на ней расслабленного парня.

В лицо бил приятный холодок вместе с разбивающимися каплями воды, благодаря которым ощущение крепкой стойкости на ногах постепенно возвращалось вместе с полным осознанием своего недавнего пробуждения. Команда призраков была разделена, и во главе с Владиславом плетущийся позади совершенно посторонний для него Филипп был слегка разочарован таким принятым в спешке решением. Призрак остановился у разбитого, сломанного пополам, словно карточный домик, моста, где вместо огромного трафика автомобилей к земле стремится сбивающий с ног поток абсолютно прозрачной ледяной воды, образуя необычный, но красивый водопад. Теряющая свой былой естественный зелёный цвет трава закручивалась вокруг воткнутых в землю высоких, уже проржавевших, стальных прутьев, и такой же обесцвеченный, но сверкающий под водой мох полностью

спрятал под собой упавшие сверху большие расколотые бетонные плиты.

Были потеряны вечно оживлённые трассы и нескончаемые потоки автомобилей. Возможности доставки и самые обычные средства передвижения. Но было приобретено нечто иное, пусть и построенные на руинах старого мира, естественные природные объекты, настойчиво нарастающие на созданных руками человека вещах.

Белая разделительная полоса кричала из-под стремительно бегущей воды и вытекала вместе с ней к достаточно большому ручью у соседней разбитой трассы, чуть ли не окрашивая белые прыгающие блики на поверхности у самых дверей брошенных автомобилей.

– Я не знаю, что у вас там за бойцовский клуб в богатенькой квартире происходит, и не понимаю вашу мотивацию носить эти чёртовы белые накидки... – Филипп остановился у беззаботно сидящего Владислава.

– Накидки не тронь, слышишь? Даже не смей её порвать! Ты не знаешь сколько времени ушло, чтобы их сшить...

– У меня попросту нет времени на эти игры и отдых, понимаешь? Моя девушка хрен знает где, но я торчу с тобой у этого маленького милого водопадика, да будь он проклят трижды, и пытаюсь донести до твоего самолюбия и тупого упрямства, что нет у меня столько времени. Нет!

– Полегчало? А теперь дай-ка мне сказать. Это безумно

благородно, что ты так сильно ухватился за свою девочку; бежишь, куда скажут сломя голову, сделаешь всё, что угодно, но только бы увидеть её снова. Нет, это реально достойно уважения, правда. Аж слёзы наворачиваются. Но ты, парень пожал мне руку и согласился идти со мной взамен на информацию о местонахождении проклятых военных, что похитили твою принцессу. Так что встань на ноги и подбери сопли. Я тебе не цветочные поля обещал и не сияющее солнце над твоей пустой головой, а возможность взобраться на эту хренову башню и вернуть себе девчонку! – внезапно поднявшись, Владислав решил закончить, как ему казалось, выигранную дуэль дружеским подбадрывающим подзатыльником, и хорошенько взмахнув рукой, пока его приятель ненадолго отвлёкся, ударил. Удар получился точным и неожиданно сильным, нежели задумывался изначально, что переросло в прогремевшую бомбу с набирающим обороты конфликтом.

Филипп, кажется, всё ещё чувствовал ту самую неприятную секунду во время удара и саму застывшую у его затылка руку. Закипев, парень попытался наброситься на неприятеля и в отместку думал хотя бы увалить его на землю, не желая оставлять его действие безнаказанным, считая, что абсолютно не заслужил такого несправедливого отношения к себе, как и беспричинную агрессию.

Всё внутри разрушалось, но в тоже время наполнялось невероятно сильной энергией, будто что-то вот-вот вырвется

из грудной клетки и нарочно собьёт кого-нибудь с ног. Под мыслями и глубокими логическими рассуждениями растёт стремящийся к хаосу и до ужаса голодный по боли монстр с горящими пустыми глазами. Он растёт и не воспринимает тревожный звонок сверху, препятствует своему задержанию не желая возвращаться в длительное заточение глубинного сна, и пожирает своего носителя для немедленного высвобождения. А вот и он. Удар, но уже абсолютно не имеющий ничего общего с дружеской подколкой. Сильный. Жёсткий. Полный эмоций.

Вся ярость пришлась на правую сторону лица Владислава и вся энергия, вышедшая из кулака, удвоилась, когда противогаз ею поделился. Не ожидав такого ответа, Влад даже растерялся на какое-то время и отступил назад, схватившись за мокрую бетонную плиту. Осознанность пришла лишь вместе с разозлённым, направляющимся в сторону Филиппа призраком, чьи пылающие глаза можно было разглядеть даже через грязное стекло противогаса. Казалось, что они вот-вот залиются ярким кроваво-красным цветом и низвергнут на парня смертельный луч, который разрубит его на мелкие куски.

Ужасный холод совершенно внезапно закрался под одежду и, лаская тёплое тело, незаметно обжигал его всё сильнее и сильнее, притупляя чувства. Куртка темнела, а накидка уже давно слетела с головы и была где-то на поверхности

воды, покачивалась на волнах и, подпрыгивая на белой пене, пыталась уплыть за горизонт к упавшему неподалёку от трассы целому горящему фонарю, словно одинокий парусный корабль стремящийся покинуть родные места к потемневшему синему солнцу, скрывающемуся за бескрайним и неизведанным тёмным морем. Намокшие волосы, с которых как в тёплые апрельские деньки вода стекала по ещё свисающим вниз сосулькам, потеряли свою притягательную яркость и на долгое время обречены быть грязными и мокрыми до восстановления бывшего объёма, пока не высохнут в окружении снега и медленно подступающей мерзлоты. Владислав набросился на Филиппа и упал вместе с ним в воду.

Пузырьки, касаясь посиневших губ, стремительно выходили изо рта и поднимались к поверхности, чтобы закричать и донести до всех живых исходящую на глубине сильную боль, поделиться уплывающими, но всегда возвращающимся сильным течением страхами из-за частых и сильных рывков под водой. Заледеневшие крики прибивало к почерневшему грязному песчаному берегу, где лёд хрустел от малейшего шороха и пытался вознести своё чистое благородное сияние к навсегда потемневшему небу.

Парни быстро выползли на снег, и следующий за ними всю длинную дорогу мороз ударил по их ногам с двойной силой, когда полностью промокшая одежда и обувь начали стремительно твердеть и становиться частью единого белого ков-

ра из застывших осадков. Поначалу, было освежающе и даже, вполне себе, терпимо, от соприкосновения мокрой ткани с практически такой же поверхностью. Но с каждой смелой попыткой противостоять страшной тревоге внутри головы и подняться на ноги, тело отказывалось слушать любые приказы, предпочитая остаться на маленьком берегу и вообще не двигаться, чтобы лишний раз не подвергаться стонущей боли. Ещё не успевшая обратиться в сияющий белый кристаллик вода медленно стекала с потемневших джинс обратно к небольшому тихо поющему водоёму и уже там обращалась в целую жидкую материю.

И только после того, как обледеневшие кончики пальцев Филиппа коснулись лежащего неподалёку ржавого железного прутика, на поверхность вместе с ним всплыли обречённые вечно преследовать его тревожные и тесно связывающие себя с водой, где уже не могут существовать друг без друга, вспоминая о мёртвой девушки с озера.

Пульс медленно возвращался в свой привычный ритм вместе с оседающим на дрожащих фиолетовых губах парней жутковато-горьким вкусом к жизни от хрустящих под ногами красных листьев, украденных ветром из опускающихся сухих и грубых рук старых деревьев во времена их безмолвного самозабвения среди таких же мёртвых, гуляющих неподалёку, душ. Небольшой скрывающий их слой снега прятал под собой унижительное разложение полных разных корот-

ких мгновений пожелтевших мертвецов от высмеивающих их глупых и не осознающих свой приближающийся конец долгожителей.

И вновь раздавшийся неподалёку шум разбивающихся волн грубо прошёлся по старым воспоминаниям, чтобы навсегда утопить их под сбивающими с ног переживаниями о невозможности обрести настоящую, ныне расколотую на мелкие кусочки, полноценность. А зубы стучали также быстро и сильно как тяжелеющие беспорядочные мысли с извинениями об затянувшийся кашель.

– Полегчало? – выдавил Филипп недовольным голосом.
– Пошёл ты...

Хлюпающие и блестящие от синих живых фонарей ботинки застучали по сухим кусочкам раздробленного асфальта в сторону ближайшего целого закрытого здания для непредвиденной сушки одежды, где каждый шаг был невыносимой пыткой. Мокрые следы на снегу, кажется, осторожно вспрыгивали с земли за их спинами и, тыча пальцем, насмехались над их глупой детской выходкой у водопада, чуть ли не выкрикивая разные гадости им вслед забавы ради. Но лишь стонущие грубые голоса проносились меж заглохших автомобилей от тянущей их к дороге тяжелой одежды, пытаюсь ухватиться за любую открытую дверь или дорожное ограждение, чтобы сохранить равновесие и не разбиться об ледя-

ную землю.

Гигантские чёрные цепи мёртво свисали с опускающихся плеч Филиппа, таща за собой крохотное белое платье с запутавшимися в нём ещё развевающимися ярко-зелёными водорослями, и разбивая землю за собой, не переставали звенеть, ударяясь друг об друга. За оглушающим звоном следовал грубый и разгоняющий все мысли хруст на зубах с последующей неприятной сухостью во рту. Касаясь языка, на перчатках оставались ещё не пережёванные, неохотно соскальзывающие вместе с водой, крохотные кристаллики песка, после чего, кажется, давление от цепей на плечи только возросло.

Тянущуюся изматывающую дрожь сбила соскальзывающая с камня грубая резина сапога с последующим громким приземлением на промёрзшую землю вместе с посторонним тяжёлым вздохом. После прыжка блестящие металлические пуговицы на куртке неизвестного крепко схватились за уши только что вышедших из воды парней, и уронили обоих на землю, издевательски поворачивая их головами к источнику звука. Но перед глазами лишь капающая с волос вода и покрытый снегом серый бетон.

– Сумка! – махнул рукой призрак, чуть-чуть не закашливаясь. Оба тут же растерялись, лишь тупо наблюдая за убегающим с украденной сумкой человеком, – стреляй, не сиди!

– Я... – тяжело ворочая языком, Филипп снова углубился в рассмотрение убегающего парня, не заметив своих рук на холодном прикладе ружья. Но только стоило ему моргнуть, как весь снег вокруг окрасился стекающей с его шеи кровью. Молодой человек беспорядочно махал руками, безуспешно пытаясь вернуть всю вытекающую из него кровь назад. И только вырванное силой из его красных рук ружьё Владиславом выдернуло Филиппа из воспоминаний в реальную жизнь.

– Кажется, я продырявил ему плечо, пока ты тут ворон считал. Мужик, о чём ты думал вообще? Он мог в любую секунду нас прикончить.

– Он не хотел этого...

– Что? – вскипел Владислав, – что ты сказал?

– Ну, если бы он хотел нас убить, то сделал бы это ещё пока мы в воде дурака валяли. Но ему нужна была только твоя сумка.

– Ну, извини, что я ему ещё наше ружьё с противогазом не успел отдать! – грубо и отрывисто бросил Владислав, – сейчас только догоним его и я извинюсь за свой выстрел, хорошо?

– Да иди ты к чёрту!

Владислав уронил парня на снег и, схватившись за его холодную и ещё мокрую шею, злобно смотрел на заливающи-

еся слезами глаза маленького подростка через противогаз, наблюдая за приближающейся смертью.

– Ты его защищать, что ли пытаешься? Запомни, протянешь им руку, предложишь помощь, а они тебе в спину выстрелят и даже не моргнут. А девчонку твою и вправду жаль. Жаль, что такого слабака выбрала. Наверное, ей нужен мужчина посильнее, тот, кто сможет постоять за неё. Я, например...

– Сука! – сквозь слёзы Филипп разглядел призрака и набросился на него с кулаками.

– Покажи, на что ты способен, – весело предложил Владислав, расставив руки в стороны, – ударь меня, покажи всю свою ярость!

Но сколько бы стараний не было вложено в каждый удар, Влад по-прежнему крепко стоял на ногах, хоть и изредка покачиваясь.

– Видишь? Ты ничем не можешь ответить. Чудо, что ты до сих пор жив... – всхлипывая, Филипп, опустив голову, пытался пропускать все сказанные ему слова мимо своих ушей. – давай руку, – голос его звучал простительно, – подымайся. Найдём его по кровавым следам, далеко он уйти не мог. – призрак протянул Филиппу руку, надеясь на прощение, – видишь? Они приведут нас к нему, если поторопим-

ся. — и вновь оба на ногах.

Весь вес хрупкого тела будто растворялся где-то под подкашивающимся и дрожащими ногами, открывая двери новым, ранее невиданным, ощущениям, где с виду лёгкий подъём сменял собой быстрое и необычное погружение в мягкое кожаное кресло. Люминесцентная разметка на мягком полу ловко подхватывала парня и неспешно вела к протягивающей ему руку тускло-голубой лампе, любезно зазывающая нового гостя познакомиться наедине. Но внезапно возникшая перед глазами протестующая ярко-красная лампочка одним ловким ударом повалила обоих на пол и не оставляя ни единого шанса подняться на ноги, она продолжала ехидно наблюдать за жалобными попытками поползти до скрытого от посторонних глаз маленького пластмассового выключателя.

Медленно покачиваясь от бессонницы, Филипп в очередной раз решил обойти здание, в котором остановился на ночлег, для полного изматывания организма, чтобы приблизить время скорого и крепкого сна.

У стены, в самом дальнем углу у перевернутого одноногого стола какие-то вещи были накрыты чистой белой простыней, которая изредка, но покачивалась от проникающего сюда по полу сквозняка. От краешка этого белоснежно-

го одеяла красной тонкой ниточкой тянулась кровавая лужа, где затекая под прогнившие деревянные полы исчезала. Кажется, что за лужей крови, под белой простынёй, виднелась чья-то грязная джинсовая куртка, не менее грязные две пары обуви, и блокнот. Но, несмотря на разыгравшуюся фантазию, кричащий красный блокнотик Филипп всё же взял в руки и прочёл:

"Двадцать восьмое сентября две тысячи девятнадцатый год. Восемнадцать часов сорок две минуты.

Я совершенно никак не могу объяснить произошедшее сегодня вечером. Это... Это ужасающее, но, в каком-то смысле, даже завораживающее зрелище до дрожи в коленях. Будто сама ночь спустилась на нас раньше своего обычного времени. Наши уроки в сорок второй школе заканчивались как обычно, но, неожиданно, в коридорах, за дверьми кабинетов, началась какая-то неразбериха.

На всех детей мест в автобусах не хватает, а поэтому мы с одноклассниками продолжаем стоять под дождём и ждать помощи, которую военные нам обещают каждые пять минут.

Мы потеряли с кем-либо связь. Мало того, после скрывтия от нас солнечных лучей и неба мы совершенно потеряли счёт времени, так ещё и не представляем, что нам делать.

Кажется, что иногда часы пролетают словно минуты, а бывает, что и наоборот, особенно, если находиться снаружи, непосредственно в дыму.

Сбежать с заднего школьного двора нам всё-таки удалось, но во время побега от военных наш класс разделился на две небольшие группы, после чего окончательно заблудились в своём же родном районе, где гуляли не одну сотню раз.

Пепел с неба падал получше самого сильного снегопада в январе, а поэтому было решено спрятаться в каком-то небольшом здании для небольшого отдыха.

Прошло, наверное, несколько часов, а может быть, вообще несколько дней, не знаю, сложно сказать из-за полной дезориентации и сильной боли в висках, после которой порой бывает даже невозможно подняться с места. Я и ещё несколько моих друзей часто чувствуем тяжелейшую тошноту, а они ведь знают, что для меня это хуже смерти: мучительная пытка с приближающимся неизбежным выходом почти переваренных продуктов. Ты пытаешься, уже даже перестаёшь сопротивляться выходу соков, но получаешь лишь ложное чувство. А слёзы то никуда не пропадают.

Андрею совсем плохо. Чего мы только не пробовали, чтобы его стошнило, ведь сам он уже просто не может это терпеть. Вот-вот, и на полу вместе с полдником окажутся его внутренние органы, которые он скоро выплюнет. Нам очень

страшно.

Серёжа сказал, что слышал проезжающий автомобиль неподалёку, а поэтому пошёл за ним. Надеемся, что эти люди нам помогут...".

Слизистую носа сжигал лёгкий, но резкий кисло-горький дымок, поднимающийся из-под небольших дыр в бетонных ступеньках перед входной дверью. Слегка прозрачное бледно-серое вещество неторопливо заглядывало в каждую комнату, мило прислоняясь к каждому побитому деревянному углу дверных проёмов, оно пыталась ухватиться за что-нибудь живое и стать его частью, пробравшись к этому живому изнутри. Доходило это до постепенно раздражающего невольного чиха, после чего желание запереться в маленькой закрытой ото всех комнате лишь возрастало, и довольно-таки стремительно.

Белая ткань, скрывающая под собой два мёртвых секрета, подбирала падающие блестящие фиолетовые блики и возносила их к, ещё не успевшему почернеть, белому пустому потолку, откуда люстра упала ещё во время первого землетрясения. Тухлый свет с разными оттенками продолжал плыть по старым дощечкам к заснувшему за столом Филиппу. Но, помимо разных удивительных игр с палитрой, в маленькой квартирке затаилась причудливая смесь звуков, где смешиваясь со скрипящей от сквозняка дверью и звоном битого

стекла, всё это превращалось в тихую, но лёгкую для понимания успокаивающую мелодию, которая доносилась, наверное, не только из мира живых, но и находила свои отголоски в мире грёз и невообразимых сновидений. Хрупкие маленькие колокольчики звенели где-то над головой, не давая шанса разглядеть себя, и, кажется, их дополнял шум испортившегося старого телевизора. А как изумительно пианино с еле доносящимся хором откуда-то снизу, из загадочной чёрной дыры в бетонных ступеньках перед входной дверью, где пробегающий мимо полупрозрачный размытый сосед случайно обронил свою совсем новую музыкальную шкатулку. Можно ли ей воспользоваться, если уже продолжительное время он за ней не возвращается? Сколько прошло с его случайной встречи у квартирki с удивительными красками? А во сне?

Но как бы заманчиво и прекрасно музыка не игралась с сознанием внутри сна, всегда найдётся то мимолётное событие, пытающиеся как можно крепче ухватиться за столь хрупкое подсознание. Колыхающий межкомнатные двери ветерок донёс ранее не слыханную весть: ужасающую и непроглядную тьму разразил белый девственный свет, дарующий нам надежду на возвращение.

Филипп убрал сверкающую слюну со своего подбородка, и крепко ухватившись за стол, поднял голову вверх, чтобы ненароком не упасть на пол. Кажется, ветру удалось нашептать чудную весть и пронести её через два мира. Озадачен-

ный и ещё сонный мальчишка поднялся со своего скрипучего стула и попытался как можно скорее осмотреться и привыкнуть к темноте, как бы смешно для него это не звучало. Где свет? Твердил он, глупо размахивая руками в стороны пытаясь то ли нащупать стоящий неподалёку холодильник, чтобы ненароком снова не удариться об него носом, то ли ухватиться за руку яркого солнца. Но, увы, впереди был лишь холодильник.

И даже проснувшись и услышав весть о свете, и бродя, словно слон в посудной лавке, парня беспокоил крепкий сон его приятеля-призрака, мирно посапывающий на прохладном синеньком диванчике. Каждый скрип и хруст дерева ощущался стопроцентной громкостью в наушниках во время громкой перестрелки между людьми в строгих чёрных костюмах на экране монитора. Это незабываемое ощущение, когда в такой глупость виновен лишь ты один, и никто другой такую подставу со звуком устроить не мог. Продолжая махать руками, Филипп совершенно бессовестно уронил запалившийся поднос с только-только вымытыми блестящими стаканами, оставаясь в неловкой позе наблюдать за битым стеклом под его ботинками, куда просачивался тот нашумевший свет. Переведя взгляд с осколков на окно, кажется, вместе с телом остановилось и сердце парня. На улице, в паре метров от их дома, над землёй висела недавно родившаяся небольшая сфера белого цвета, недвижимо наблюдающая за реакцией человека в окне квартиры номер сто тридцать.

цать семь.

Она росла, или... Где это было? Филипп убрал сверкающую слюну со своего подбородка, и крепко ухватившись за стол, поднял голову вверх, чтобы ненароком не упасть на пол. Веки были тяжелее бремени, которое на себе таскал парнишка, но сон уже далеко позади. Ссадина на носу всё ещё щипала, а в глаза бил большой и яркий блик от битого стекла на полу. Хор всё не прекращал своё пение, наблюдая за чёрно-белыми падающими клавишами пианино.

Вокруг буквально ничего не было. Всё испарилось. И лишь ещё тонкие дрожащие ноги подростка скрипели в дверном проёме между кухней и залом, создавая оглушающий шум, отскакивающий от блестящих лакированных комодов. Владислав, слава богу, оставался погружённым в глубочайшие воспоминания своего богатого, но хрупкого подсознания, где, наверное, проживает ещё одну интересную альтернативную версию своей жизни, разглядывая её каждые мельчайшие детали. Парень он был высокомерным, местами несправедлив или грубоват, но таить злобу на него Филипп пока не собирался.

Квартирка заснула вместе с парнями, оставив на виду все свои хрупкие и яркие тайны предыдущих пропавших владельцев. Мягчайшие ковры на стенах отдавали светом и геометрией калейдоскопа, отчего приятные и мягкие руки сна

зависли над головой бледного уставшего парня жалобно моля его о возвращении в яркие выдуманные, или не совсем, моменты своего прошлого, а, может быть, и будущего. Слепящий глаза даже за закрытыми веками силуэт белой сферы не отпускал Филиппа ни на шаг от себя, кажется, привязав его крепкой невидимой нитью к этой точке в пространстве и времени, требуя разгадать загадку по ту сторону грязного и потрескавшегося окна. Нами управляет какая-то тайна. Страшная, не способная уложиться в привычные научные и языковые термины сфера представляла собой олицетворение загадки, чей ответ может подойти не каждому. Она неподвижно оставалась на своём месте. Парила над землёй в ожидании ответа.

Но, вдруг, в комнате задрожала вся мебель, а поднятые с пола стулья вновь попадали на разваливающийся и гниющий пол, оставив на нём новые сколы и трещины. Пыльные тарелки захрустели, а Владислав поправил конец своего длинного колючего пледа. Но что это? Филипп медленно поднялся с грязных досок и дрожащей рукой опёрся на холодную батарею, осторожно пытаясь выглянуть на улицу, чтобы рассмотреть возможную причину маленького и непродолжительного землетрясения. Яркий и блестящий глаз поднялся к стеклу, и зрачок его стал намного меньше. Нужно ли на это смотреть?

Неподалёку от дома, на том же месте, где парень когда-то видел белую сферу, в асфальте образовалась трещина, из

которой вверх летели снежинки. На небольшом, буквально метр на метр, участке пустой улицы снег перевернул все выученные в школе знания физики с ног на голову. Казалось, что само время на том кусочке асфальте инвертировалось и отправило снег обратно в прошлое, создавая такое завораживающее до жуткого холода в груди явление. Само собой, любопытный Филипп решил дотронуться до снега и посмотреть на него с расстояния вытянутой руки.

Под ботинками снова захрустел расколотый бетон вперемешку с остальным мусором и оседающим на почти каждой не закрытой поверхностью пеплом. Аккуратные длинные трещины с отдалённо напоминающим золотым цветом медленно покрывали собой чернеющие от дыма стены домов, начиная разрастаться у их основания, буквально выползая из трещин и дыр. Помимо дыма, у самых ног расстился десяти сантиметровый еле заметный белый туман, кажется, пытающийся превзойти успехи своего старшего брата. Выползал он вместе с золотыми нитями из тех же дыр в асфальте и дорогах, беря с ним начало из чего-то единого. Из чего-то, что находится под землёй.

И вот он – снег. Необъяснимо колючее чувство било током после каждого лёгкого прикосновения руки с кристально чистыми снежинками. Они ударялись об направленную к земле ещё не остывшую ладонь и на ней же сгорали, остава-

ьясь прохладной водой. Само собой, такое явление расходилось с привычными устоявшимися законами мира Филиппа, но, так ли это уже важно, если оно перед его глазами. Теперь это, скорее самая обычная вещь в дыму, стоящая наравне с такими странными вещами как: золотые трещины на бетонных плитах и необъяснимая повышенная агрессия у всех выживших людей, которых удалось встретить. Филипп – как человек для падающего вверх снега, возможно, более необычен, чем изменённая гравитация для самого подростка. Это явление здесь родились и это его место.

Лёгкое чувство показало полную картину присутствующих предметов неподалёку, и выставило из густого дыма покачивающуюся от ветра стальную ножку едва держащегося в земле дорожного знака. Он медленно выполз из темноты и устремив свою яркую голову к земле вежливо поклонился парню с бессонницей. Ярко-серебристая тонкая нога поднялась и показала свой индивидуальный образ, где некогда злой красный лист металла отдавал приказы и останавливал водителей, но теперь его кто-то смягчил... От прежнего знака осталась только его форма, в ту очередь как цвета и обозначения претерпели значительные изменения: красный больше не прослеживался и был залит жёлтой краской, и, судя по подтёкам, сделано это распылителем. А на место белого кирпичика пришёл полыхающий оранжевый цветок. Его поверхность была слегка скользкой и шероховатой, а рука всё плыла по краске до самых старых проржавевших креп-

лений на двух таких же болтах. Его нельзя унести с собой.

Вновь в уши закрался скрипучий голос деревянных досочек. Старые зеленовато-серые доски ныли под резиновой подошвой у дверей и пытались вынести наверх ужасные занозы, чтобы ухватиться за поднимающиеся ботинки и вырваться из мёрзлого и грязного утеплителя. Что ещё вызвало странное чувство, так это осыпающаяся зелёная краска с высоких перил лестницы. Её осколки притаились под бетонными ступеньками, там, где веник достать не может, там, где им приятно и, вполне себе, уютно.

Маленькая упавшая капля с обвалившегося потолка медленно, но осторожно вела Филиппа обратно на кухню за старенький круглый стол для продолжения сна, но в уже удобной позе и тёплом месте. Куда приятнее знать, что тебя окружают стены, а не всепожирающая тьма. Парень протягивает руку к дверной ручке, но останавливается, увидев в ней знакомого. Покрытый золотым светом мир отражал окружение и весь разваленный и разрушений интерьер некогда весьма красивого уютного подъезда, разворачивая и выворачивая привычные фигуры. Мальчик по ту сторону имел необычную фигуру, но, кажется, ему это и так понятно. Он лишь попытался зайти в квартиру и запомнить перед закрытием двери незнакомца в дверной ручке, где затопленное тёмно-синим и серым светом помещение было для него иным уди-

вительным миром всего на несколько секунд. И всё то, что существует перед глазами, рано или поздно пропадёт если моргнуть. Филипп отдёргнет золотую дверную ручку, войдёт в квартиру и мир по ту сторону для него исчезнет, если он только вновь не выйдет в подъезд. Снег появился только тогда, когда подросток поднялся со стола и взглянул в окно. Ни раньше, ни позже этого бы не произошло. Но как бы то ни было, оранжевый мир сгинул навсегда, а входная дверь захлопнулась после поворота замка.

Влад лишь слегка дёрнулся. И как он только появление дыма не проспал. Хотя, сон единственное, что у нас осталось от старого мира. Единственная не претерпевшая значительных изменений вещь, остающаяся лишь в нашей власти без правок и вмешательств. Наш маленький рай, который никому не отобрать.

И лишь скрипка медленно и жутко нависла над головой с тёмными громовыми облаками, черпая свой звук оттуда. После снятия противогаза в ушах ужасно звенело ещё несколько секунд, а после слуховой галлюцинации схожей с глухим грохотом грома, всё возвращалось и приобретало краски несерьёзности и обычной практики. Точно сказать, когда такое началось, было сложно, просто потому что на такие мелочи не обращаешь внимания, пока пытаешься переварить всё происходящее вокруг и не умереть внутри тёмного чрева. Но всё прекратилось с приятной и лёгкой мелодией из музыкальной шкатулочки.

Как объяснял Владислав, в последнее время ему и ещё всем его друзьям было очень трудно засыпать в последнее время. Они могли ворочаться в постели несколько часов, прежде чем действительно устанут и бездумно закроют глаза. Всё то время, пока они лежат под тёплым одеялом, в голову закрадываются странными мысли и ранее не виданные картинки, из-за чего, иногда, по телу пробегают мурашки. Неприятно, но это успокаивает мысли и тело перед первыми секундами не ясного погружения в сновидения. Из-за отсутствия солнечного света, наверное, всем так тяжело уснуть с ощущением полной дезориентации во времени, ведь без наручных или настенных часов понять время суток уже не представляется возможным. Подводят даже биологические внутренние часы.

Сам Филипп не припоминает каких-то необычных эпизодов перед беспамятным сном, о которых говорил его приятель. Но он чётко знает последовательность чувств в эти минуты падения: тело, наконец, расслабляется после бесконечных переворотов с одного бока на другой и начинает излучать вверх свою внутреннюю сокрытую энергии, представляя это в виде маленьких, но очень ощутимых пульсаций в груди и руках с последующим лёгким покалыванием в ногах. После, наступает период маленькой смерти, как её называет сам Филипп, где мозг не представляет что-то цельное и просто отключает способность думать, стараясь как

можно быстрее перейти к процессу погружения в параллельный, по-своему настоящий, мир. Все эти короткие отрывки серии наполненные ярким слепящим свечением и грубо вырезанными из контекста фрагментами передают некоторый необычный момент, когда на короткое, по меркам того измерения, время действительно веришь в то, что происходит по ту сторону сознания. Образы останавливают на нерешённой проблеме и грубо отпечатывают в голове, не задумываясь о смысле в дальнейших размышлениях. Филипп просыпается. Такие маленькие хаотичные и грубые части сна умещаются в восьмичасовой формат, преодолевая время и всё сознание в целом, заставляя в первые же секунды после неловкого пробуждения усомниться в реальности своего окружения. Лишь после небольшой сессии резких размытых воспоминаний увидеть за тем же завтрашним окном чёрный всеобъемлющий клубок дыма со всем вытекающим из него прошлым.

Расшатанный и хлипкий мостик между рациональным взглядом на окружающий, ничуть не нормальный, мир, и животными чувствами внутри зажжённого тела вот-вот оборвётся после очередного сброса битого и очень знакомого стекла к маленькому и очень напуганному сердцу. Блестящая и очень маленькая острая пыль, медленно оседая на всех внутренних органах, неспешно приближается к выведенной из строя нервной системе парня для осуществления своих запланированных манипуляций с его хаотично прыгающими

эмоциями. Если внутри расколотой грудной клетки осколки продолжают безжалостно вонзаться в уже продырявленные и окровавленные куски мяса, рациональная работа головы в этот момент начинает давать сбой. И вместо адекватных действий и предложений, одно единственное имя продолжает удерживать первенство среди всех плавающих мыслей – Лиза. Филиппу трудно даже открыть рот, чтобы произнести её имя вслух, начертить его в воздухе и оставить им след в своём разрешающемся мире не представляется возможным, а всё из-за бесконечных микроскопических рассечений вокруг сердца. Только вот тёмная кровь и осколки всё никак к этому сердцу и не подберутся, ведь, последний нетронутый островок ярких воспоминаний об этой девушке парень хранит лучше всякого физического и ментального здоровья, поскольку сама девушка теперь является живым олицетворением его абсурдной и глупой жизни. Смерть воспоминаний и любви к Лизе он боится так же сильно, как и её тела, души и сердца. Чтобы он ни делал, как бы он не говорил, о чём не думал, перед глазами лишь одна картина – счастливая девочка в бежевом пальто. Всё, чего он хотел, пускай, если даже она его больше никогда не увидит.

Но горький запах иной графитовой плесени, подступающая к разбитому окну по бетонным стенам, поднимала всякую живую сущность за прозрачные руки подсознания и выдёргивала из само-мучений к прохладному твёрдому столу.

Всю квартиру охватило по-настоящему адское пламя. Выпрыгивая из лопнувших окон, оно медленно спускалось к земле по покрытой сажей омерзительной плесени. Огонь сжигал в своих крепких объятиях каждый сухой угол дома, где старый деревянный столик за считанные секунды превратился в кучку древесного угля без возможности отдать кому-то свои воспоминания. Красно-белые языки пламени залезали под каждый храбрый шкаф и рушили всю его стойкость, навязанную самовнушением из-за плотных досок. Ковры, обои, мебель – всё оставалось таким же покинутым и бесчувственным, но приобретая новую форму благодаря огню, за ними теперь стоит нечто большее, чем ничего: за ними стоят два заморожённых подростка.

Полыхающая квартира рассекала зрачки молодым людям своей вычурностью в это тёмное время и представляла себя как преданный забвению отголосок старого мира со всеми его красками.

Белые клавиши пианино чернели под большим слоем пепла, вылетающего из окон жилого дома. Вся улица очнулась и пришла в себя от громкого треска тлеющих досок на старых деревянных балконах, а оконные рамы самовольно сбрасывались из разрушающихся кирпичных стен к ещё отражающему яркие красные блики ледяному асфальту с золотыми жилами. Если всё здание было покрыто чёрной графитовой плесенью и тёмно-тёмной сажей с характерным горь-

коватым привкусом на губах, то вот все грубые и тяжёлые ботинки изменились. Белая пыль от разбитых мраморных плит была ярче только что выпавшего снега, и уже медленно подступала к заправленным внутрь штанинам. Грубые и острые куски белого камня были обронены откуда-то сверху, и, кажется, отколоты были вовсе не на нашей грешной земле, где такие образы и колонны непостижимы хаотично мыслящим убийцам. Земля под ногами кружилась маленькими кусочками вокруг подлетающих к небу камней, и также отверженная небесным ничем тупо возвращалось под ноги уходящих с горячей улицы подростков. Мягкий и играющий с тяжёлым воздухом слой мраморной колонны подбирал падающий с неба пепел в свои большие расколотые руки и пытался укрыться с его помощью от исходящего неподалёку тепла, боясь сгореть.

Но, вдруг, гравитация исчезла. Факт падения исчез вместе с некогда подождённым домом, а недоступные обычно восприятию тяжёлые белые камни, упавшие с разбитого неба, кажется, сравнялись с грязной и бедной грязью. Филипп перестал таращиться на огонь, а вернулся к происходящему перед собой и фыркающему что-то себе под нос Владиславу. Серые плоские камушки летели из-под его недовольных ног и возвращались обратно.

– Нам нужно вернуть мою сумку. Придётся сделать

небольшой крик, а потом вернёмся к нашему пути.

Нужно ли говорить, как сильно был зол Влад, и как ещё сильнее его раздражала прорастающая прямо под его ногами плесень, об которую он части запинается? Странно, как он вообще смог уснуть, зная, что его вещь в руках другого человека. Одежда их была грязная, почти сливаясь с разбросанным повсюду мусором, а рукава их курток были обвязаны тканями разных цветов. Правая рука Филиппа была обвязана однотонным тёмно-жёлтым платком, который, наверняка, был намного ярче и красивее до всего этого пожара. А белая простыня призрака уже теряла свой гипнотизирующий белый цвет, превращаясь в такой же ужасный и никчёмный кусок гниющего пространства, которое он так ненавидел.

Маленький кусочек волос Влада вылез из-под плотно сидящей, но неаккуратно надетой маски, на его лицо, о чём он уже сам догадался. Острый конец волоса резал край его глаза, изредка подскакивая от нескончаемо прыгающих ресниц-защитников.

А что осталось от деревьев? Жалкие обгорелые стволы лишились своих маленьких хрупких веток, а вместе с ними и остатки жёлто-красной листвы, увидеть которую, сейчас, под толстым слоем мусора, грязи, камней и снега, наверное, считается большой удачей. Потерявшиеся навечно вестники оставались под ногами всеми забытых людей и осколков па-

мяти некогда существующих образов. Казалось, что проходя мимо тянущих болью, страданиями и невероятно тяжёлым воздухом стволов можно было услышать молящий о помощи хрупкий крик. Слезающая с них сажа и пыль разлеталась в стороны от малейшего прикосновения к ним.

А что до рук, то они всё мёрзли и мёрзли, вот же ж неприятно. Дорога резко сменила своё направление в какую-то совершенно неизведанную серую историю с заблокированным исходом и без возможности даже одним глазом взглянуть на пыльные прозрачные варианты выбора. Почему? Когда это прекратится?

Тоска была тяжелее всех проклятий, сказанных от лица истощённого и грязного мальчика на побегушках позади величественного белого призрака, чьё блистающее одеяние скоро, кажется, будет яростно сдёрнуть на землю, и затоптано, наверное, самой грязной подошвой в этой округе. Хрустящие сугробы успокаивали лишь на какую-то невидимую долю секунду, пока льющаяся со стального мятого навеса вода снова не нагонит пугающие, кажущиеся вовсе ненастоящими, воспоминания. Теперь каждый глоток старого света был неким путешествием через поле загадок и тайн, где блеск белой кружки на столе с отражением ярко-оранжевого заката через жалюзи представлялся чёрно-белым кадром из старого фильма, который посмотрело, от силы, лишь пара занудных стариков. Сияние стекающих капель воды по соб-

ственному живому и тёплому телу тоже теперь не отыскать, этого, будто, и не существовало вовсе. А запах свежей только-только скошенной травы за утренним окном? Гудящая бензиновая косилка и небритый мужчина в масляной синей кепке вообще были на этой улице? Филипп в силах вспомнить лишь гаснущие голодные клавиши пианино и треск сгорающего дерева, запах чужой крови, прохладного салона автомобиля, и гниющую болотную воду. Она затекала в ботинки и поднималась всё выше – к шее. А дышать становилось всё труднее. Он слышал посторонние звуки со стороны правого уха, или... Погодите, это где-то неподалёку. Совсем рядом, буквально... За окном!

Страшный звериный гул продолжал нарастать со своим приближением к открытому на проветривание окну, продолжал кричать, чтобы никто не забывал о его присутствии, но хлопок автомобильной дверью, всё за тем же окном, взбудоражил спящее любопытство Филиппа и поднял его с уже тёплой кровати к окну. Станные люди вышли из чёрной машины, спокойно направляясь к углу дома. Кто они? На часах двенадцать ночи, что они тут делают? Кто их сюда привёз и зачем? Он слышит птичье пение, или это люди в соседней комнате? Сегодня Филипп один в квартире. Незвестную женскую фигуру отбросила в темноту проезжающая под окном машина моющая дорогу.

– Эй!

– Что?

– Что это?

Точно такая же гудящая машина с баком воды стояла перед Владиславом и Филиппом, медленно умирая под живой графитовой плесенью и снегом.

– Знаешь, в одно и тоже время, по ночам, под моим окном проезжала машина и поливала дорогу, ну, типа, мусор всякий смывала, да и просто, наверное, мыла асфальт. Сколько себя помню, она ещё ни разу не опаздывала...

Такой термин как "груда металла" к этой машине Филипп использовать боялся, ведь наделённая разумом парня и его отдельно выделенным местом в воспоминаниях автомобиль выделялся на всём общем фоне бесполезных и бесчувственных вещей. Водитель обычного средства передвижения просто делал свою работу в ночную смену, даже и не зная о существовании бессонного мальчика за окном, который раз за разом выскакивал из своей тёплой и уютной постели, просто чтобы на пару секунд взглянуть на подаривший ему многие чувства образ. Такие вещи он очень ценил и очень боялся потерять из своей жизни – маленькие яркие ленточки с самыми запоминающимися кадрами его бессмысленного бытия привязывали его к земле, возвращая в обычный людской

мир, откуда он так пытался сбежать. А теперь этот автомобиль обезличен и хладнокровно убит буквально ничем. Ничто поглотило не только сам факт существования предмета, ни его материальную форму, в само воспоминание о нём.

– Эй!

– Что?

– Что это?

Филипп отпустил болтающийся кусок ткани и взглянул на призрака:

– Не знаю...

Отражение двух потерянных душ исчезли с блестящей, но грязной цистерны в никуда, оставив на острых чёрных камнях свою часть привязанности. Свою часть воспоминаний. Такие треугольные осколки уже больше не собирались в единую часть чего-то большего и разумного, вовсе нет. Они оставались жалобно разлагаться на мельчайшие крупички действий и явлений без единого шанса на восстановление в прежнюю форму и на принятие верной формулировки. Направляющиеся вверх чёрные матовые камни вырастали из земли, плесени и снега, создавая вокруг себя свой мир. Родной мир. Такой, каким они его всегда помнят: тёмный, жуткий, грубый. Еле видимые белые кристаллики осы-

пались с них после каждого громкого шага перед ними и исчезали в белом снегу, где их больше никогда никто не найдёт. Иные графитовые стержни, порождённые живой и бесстрашной тьмой, вытесняли собой самые обычные не скрытые под толстым слоем снега кирпичи и камни. Кажется, они были такой идеальной формы, что лишь при одном взгляде можно было увидеть правильную геометрическую фигуру с идеально правильными гранями.

Прохладный дрожащий воздух подступал к шее даже через плотно закрытую куртку, и, тая на жарком от волнения участке, распадался на примитивные вздрагивания и ощущение присутствия постороннего человека неподалёку. В таких обстоятельствах, имея со всех четырёх сторон непроглядную чёрную материю выход чего угодно можно предоставлять себе бесконечно долго, и также сильно бояться непредвиденных встреч с таким же непредвиденным финалом для обоих. Но, кажется, на несколько километров пустоты ни единой души со своими тайными намерениями. И снег стал заменой щекочущей ноги вечно зелёной траве, а дым подмял под себя некогда величественное голубое царство, а царя, огненного гиганта – убил, отправив в безгранную матовую бездну истерзанных и измученных до беспамятства ночей.

А кровавый ручей всё не прекращался. Тонкая нить крови тащила от самого водопада куда-то вдаль, куда полный

ярости Владислав идёт чуть быстрее обычного.

Маленькие белые звёздочки прыгали с капли на каплю, превращая алый в ярко-красный. Они пытались не отставать ни на шаг от быстро идущих ребят, минуя большие лужи крови, которые их останавливают.

На большом обломке мраморной плиты как солнце в пасмурную погоду висел ярко-жёлтый стикер. Маленький квадратный листочек, приклеенный кем-то на камень, что вызывало немало вопросов, схватился за затуманенные и пустые головы парней так крепко, что сумел привлечь к себе всё их внимание за доли секунды.

– Pluvia... Что это?

– Не знаю, на английский не похоже... Знаю только, что уже видел такой же. Неподалёку от нашего привала, на плесени, висел точно такой же стикер, но я не прочитал что на нём.

– Думаешь...

– Дело рук репрессивной полиции, я полагаю. Давай-ка уберёмся отсюда, у меня уже ботинки промокают, а бедолага с прострелянным плечом нас ждать, судя по всему, не собирается.

Слово было написано обычной чёрной ручкой, но, что сказать можно точно, так это время написания уже давно бы-

ло за их спинами, за невидимым контуром ясного горизонта.

Следующий кусочек с точно таким же неизвестным посланием был приклеен уже на разросшуюся по старому ржавому автомобилю чёрную графитовую плесень: Двадцать, двадцать восемь, четырнадцать, один. Чтобы это могло значить?

Помимо разных загадок голову не покидал странный и до-вольню-таки громкий гул где-то очень далеко. Настолько, что лишь часть этого звука добиралась до ушей, но его чёткость и хорошая различимость не давала покоя всю дорогу, будто крепко впиваясь во внутренние каналы, он разрушал все попытки отвернуться от острых невидимых волн. Рассечённый кусок незримого гула пропускал через себя бьющиеся об стекло металлические палочки, обычно висящие над дверьми в каких-нибудь цветочных магазинчиках. Звон подобно стреле выпущенной из лука, в отличии от всего шума, стремился и попадал чётко в середину, разбивая ушную раковину, кажется, до вязкой алой крови. Кожаные ремни противогаза, насквозь пропитанные водой, грязью и сажой краснели вместе с воротником относительно чистой куртки.

Стекло захрустело вместе с рассыпанным на дороге чёрным песком, создавая неприятное ощущение битых и постоянно останавливающихся на месте мыслей в маленьком прозрачном пространстве. Лёгкий подъём одной ноги за дру-

гой сопровождался маленьким разрушением отражающего все темнейшие тайны микро-мира по ту сторону. Дорогая скрипка преследовала одиноких людей, и, прячась за ними, подталкивала забредшие души в сторону правильной, как ей казалось, дороги с правильной целью.

Филипп оступился, прыгая с камня на камень, и обеими ногами увяз в большой луже грязи, где среди маленьких бетонных обломков и плотного слоя пепла, в открытой чёрной бездне, он смог разглядеть свои озадаченные, и, даже, слегка грустные глаза, выжигающие пыльное стекло противозага. Прозрачный монитор запылится, о чём парень забыл перед выходом из дома, не заметив вязкие капли, упавшие с плесени в подъезде. Глаза закрылись и мир исчез. Хлюпающая лужа распалась на еле достигающие ушей примитивные звуки, оставляя на подсознательном уровне свой необычный образ и форму, а дым вокруг, кажется, рассеялся, оголив виновников перед чужими глазами где-то за пределами недосыгаемой небесной сферы со всеми её мраморными колоннами. Краски медленно стекали по золотым рукам вниз – к голодающим по чуду людям в не чистых, сделанных из грехов их, венках. Подобно стаду, молящие о спасении, в золотых ладонях и свете чудном, уверовали в весть, что до них известили. Но не всякий согласен был с решением этим, не всякий верил в силу, что дарило чёрное солнце по своему приходу. Поэтому собрание тех людей было кровожадным.

А сферы, подаренные самим небом, оставались у людей.

Филипп открыл глаза. Всё вокруг размылось солёными слезами, которые он чувствовал на своих сухих губах, а сфокусировать внимание на собственном лице в луже было нереально из-за пульсирующих зелёных бликов. Это малость напрягало, проговаривал подросток, по привычки ударяясь руками об противогаз. Насколько сильно бы не хотелось почесать щёку, вне здания это сделать было невозможно.

Сознаваемая единица опыта противоречила привычным, но в тоже время, необычным действиям внутри поглощённого безграничной дымовой завесой ужаса и дезориентации времени, оставляя маленькие хрупкие белые фотоны на добровольное приобретение глубоких ран без возможности вернуться к точке именуемой началом. Никакие вырастающие из стен золотые руки уже не подхватят парней с сильным головокружением, остерегаясь их ещё кипящей алой крови. Вязкая жидкость неспешно, не подавая сигналов, вытекала из ушей, обманчиво вызывая щекотку в области щёк. Но бесследно это пройти не могло.

С каждым шагом сопротивляться потоку воздуха и густому дыму становилось всё сложнее и сложнее. Маленькие прозрачные сферы выпрыгивали из слёз, создавая вокруг себя красные, синие и зелёные огни, в которых, кажется, был различим образ давно сгинувшего густонаселённого города

со всеми привычными для него мелкими деталями. Но вот только додумать недостающие стены расходящегося лабиринта со всеми его играющими призмами красок и бликов было невозможно – звон в ушах рассыпал хрупкие звёзды с облаков, и в туже секунду в глазах померкла расшатанная линия с остатками пришедших часов.

И часов этих было полчище. Лишь искры мимолётным своим взмахом возвращали заблудшие души назад. Ярчайший свет небольших софитов неподалёку проложил точечную белую дорожку к мученикам, предлагая им свою бескорыстную помощь. Чёрные, едва различимые на фоне дыма, ножки осветительных установок окружили парней со всех возможных видимых сторон, оставляя им самим продолжить движение в сторону безопасной от ультразвука зоны.

Осветить расколотый асфальт было задачей не сложной, но предупредить новичков о расставленной повсюду технике и многофункциональных военных контейнерах для них было невозможно, посему оставалось им жалобно наблюдать за вечно спотыкающимися об них людьми. И вот, за видимыми пределами яркой жёлтой сигнальной ленты уничтожающие всё человеческое звуки сходят на нет, а восстановить привычную функциональность хаотично разбросанных мыслей в голове удаётся в короткие секунды с перерывами на хаотичную отдышку.

Маленький ноутбук, стоящий на небольшом исцарапанном стальном контейнере был убит несколькими точными выстрелами в экран и корпус. Нет никаких сомнений, что все внутренние мозги компьютера не подлежат чтению, а о восстановлении даже никто думать не станет. Кто-то хорошенько постарался уничтожить всю информацию и так грубо замести за собой следы, если можно так выразиться. Но вот только одна маленькая бумажка на мятой рамке экрана осталась цела, продолжая захватывать всё внимание смотрящих своим грубым жёлтым цветом. Тот же стикер, та же чёрная ручка, и всё тот же непонятный посыл, что несёт в себе эта новая зарисовка. Нанесённый несколькими взмахами в спешке круг разделял место с криво покрашенным треугольником внутри, предполагая, что в этом есть какой-то смысл или даже неведомый простым смертным язык высокой науки. Как бы то ни было, в этот раз Филипп не смог удержаться от искушения и ловко содрал квадратный листочек с компьютера, смяв который в грубый угловатый шарик кинул себе в карман, представляя, как будет разглядывать кусочек покинутой цивилизации перед сном, если, конечно, у него хватит времени. Пустоглазый призрак Владислав вернулся к Филиппу и ещё раз попытался привыкнуть к нарисованному у него на куртке смайлику белой краской, где вместо привычных глаз маячили два слегка подкошенных крестика.

Рваный ультразвук из разных глубин тёмной бездны раз-

рывал на части расходящихся белые проекции, помогая двигаться телам подростков по направлению к волнам. Эти же самые волны подхватывали всё расшатанное и хлипкое внутреннее состояние парней и буквально силой выбивали их наружу. Ощущения были странные. Ноги и голова оставались на месте, но в то же время мозги и подпалённые обрывки души выбирались наружу, будто отсоединяясь от жаркой и мягкой плоти.

Яркий белый силуэт пластикового стула был как раз кстати. Преодолевая сильнейшее головокружение, Филипп сумел добраться до стула и ухватиться своей разлетающейся на разноцветные части рукой до его холодной спинки. Точка опоры помогала не упасть от вида размытых кровавых капель на внутренней части стекла противогаса.

Раз... Два... Три... По щелчку пальцев вибрации под ногами рассыпаются в глухие и обрывистые волны, еле достигая окружающих объектов неподалёку, а головокружение, так крепко ухватившееся за внутренние и тихие крики, наконец-то утихало, предоставляя ослабленным парням свободу действий. Снова можно было встряхнуть со всех звуков почерневшую от плесени землю, представляя, как она медленно и грубо рассыпается по пыльным ботинкам. Начавшаяся катастрофа для ушей неспешно пронеслась, кажется, единой и невидимой сферой по окружающей территории, и также быстро закончилась, прекратив свои сильные

выплески энергии откуда-то из-под земли, возможно. Чтобы то ни было, кто-то уже пытался изучить это странное явление здесь – на быстро собранном лагере из двух перекошенных палаток и нескольких стальных контейнеров. Перепуганные парни поняли сразу, что оставаться здесь гиблое дело, а по-сему снова напав на кровавую нить вора, устремились в бескрайнюю бездну прошедших желаний и навсегда сгинувших надежд.

Владислав постепенно менялся в лице, замечая засыпанную землёй кровь, боясь представить, что вору его драгоценной и очень ценной сумки, возможно, удастся скрыться безнаказанным. Маленькие почерневшие камушки ударили призрака в голову, придавая его шагам уверенности, а кулакам ярости. Страшно представить, что будет с тем человеком, когда озлобленный Влад найдёт его. Филипп старался держать определённую небольшую дистанцию между собой и пылающим демоном, жаждущим возмездия, остерегаясь неудачного столкновения с ним, что, вероятнее всего, принесёт лишь ещё парочку оскорблений и угроз в его адрес. Вдох и выдох сопровождались хрустом рассыпанного, и тоже почерневшего от непонятных воздействий плесени, песка, чьи кристаллики, забиваясь под резиновую подошву, создавали интересные и очень даже приятные звуки, соприкасаясь с бетоном. Идти, и не думать о запотевающих стёклах с кровью было трудновато: полупрозрачный конденсат закрыл своей пеленой часть обзора, чем неплохо так давал повод

для внезапной и мерзко скрипучей паники. В такие моменты руки начинали дрожать, готовясь бросить всё это дело. Боясь, что уже не в силах поддерживать человека, они тянулись к земле, куда за собой тянут и старающегося не опускаться Филиппа, перед глазами которого была ясная цель.

Но, не смотря на разные случившиеся события, можно ли полностью доверять Владиславу? Не является ли это всё гениальным планом по заманиванию таких доверчивых людей как Филипп в жестокую и мучительную ловушку? В это небольшое время, что сомневающийся парень пребывает в дыму, он уяснил, что не всякому встретившемуся у него на пути человеку можно доверять. Все имеют за собой скрытые цели, тихо и незаметно уходя из вашей жизни, они получают от вас то, что им было необходимо, и как только это что-то оказывается у них в руках – их образы, запахи и силуэты исчезают не бесследно. Превращаются в постепенно вызывающие отвращение тени, отталкивая от себя которых с каждым вашим наивным и чересчур доверчивым рукопожатием становится всё больше и больше, назло вашему доброму сердцу.

Дорога приносила достаточно трудностей, благодаря которым спокойствие при перемещении по бескрайней пустоши по кусочкам оставалось позади парней еле заметными белыми контурами, зачем вернуться назад уже не представлялось возможным. Стремящиеся в никуда блики проносились пе-

ред глазами на очень высокой скорости, а ноги молили о короткой остановке где-нибудь вдали от острых, но уже остывших осколков лавы.

Поверхность твердела, и привыкнуть к её играм с бликами было уже проще. Хруст похожего на вулканическое стекло камня приносил, скорее, больше эйфории, выдёргивая из потерянной памяти картины яркого света прошлого. Пористые камни были отколоты от более крупных графитовых сталагмитов, чьё сияние переливалось с матового чёрного к тёмному, но хорошо различимому фиолетовому. Такие острые, и, довольно-таки, крупные камни поднимались из земли к своему небу, прорастая даже сквозь пумицит и раздробленный асфальт. Приходилось даже прикладывать некоторые усилия, чтобы обойти холодные пики и случайно не оступиться в последний раз.

Лава, или что-то близкое к ней, слоями застывала на быстро узнаваемых объектах, чьи силуэты были заживо захоронены под чёрным стеклом абсолютно несправедливо. Обладающие каждый своим индивидуальным градиентом и оттенком хрупкие камни омертвляли все старые воспоминания самым жестоким образом так, чтобы о них как можно быстрее забыли. Если смерть существует, то это точно её цвета. Цвета смерти.

При осторожном соприкосновении голой руки с графитовыми сталагмитами, кажется, чувствовалась вся вибриру-

ющая внутренняя борьба горизонта прошлого, чьи осколки медленно и тихо гибнут под натиском новых иных событий. Что-то невероятное, выходящее за рамки обычной жуткой катастрофы пытается как можно быстрее, совершенно нагло пользуясь префабами, изменить хаотичный и быстро движущийся мир с голубым небом на тёмный, полный разной невообразимой и, возможно, опасной графитовой флорой. Не понимать, что вокруг тебя – вот это страх.

Снега здесь почти не было, что не скажешь о падающем с неба пепле, так раздражительно впитывающимся в недавно высохшую одежду. Маленькие части тёмного дыма стеной обрушивались на голову без предупреждения, оставляя после себя трещины в бескрайнем небесном пространстве, представляя его как нечто осязаемое и не столь далёкое. Кажалось, что взобравшись на достаточно высокое здание можно было прикоснуться к холодному потолку мира без каких-либо трудностей, за чем, обязательно, должно было стоять нечто более крупное и умное. А сталагмиты, являющиеся залитым слезами глазам в виде идеально правильных треугольников, узнавались лишь после исчезновения белой и очень неприятной дымки. Величественные гиганты со слегка серым оттенком стремились кверху для исполнения своего предназначения пришедшего с противоположной небу стороны: вонзиться в хрупкий слой между двумя разными пространствами и излить на потерпевшую уже и не без того

много боли землю чёрный как сам дым вязкую жидкость.

Секундная стрелка была впереди всех приобретаемых страхов, а также впереди всех поставленных целей. Её тиканье слышно даже сквозь натянутые до хруста ткани пространства, а ускорения придавала постоянная и полностью сознаваемая мучительная боль, осознание чего приходит только в процессе отдачи.

Маленькая кровавая река полная страданий и ненависти заканчивается у груды камней за большим, воткнутым в землю, фрагментом стены, отвалившийся от дома и упавший прямо на некогда жилую улицу. Невероятные яркие жёлтые блики отскакивали от не менее удивительного целого витражного стекла в виде небольших квадратных панелей, коих было чуть больше двух десятков. Раненный дополз до этого места, и точно сейчас находится неподалёку отсюда, наверняка израсходовав все драгоценные чистые бинты из украденной сумки. Пыль давно осела. Следов не видно.

– Скажешь что-нибудь? – в полголоса спросил Владислав, осматривая своё оружие.

– Есть ли смысл? Мне сказать нечего.

– Интересно...

И вновь неловкое затишье.

– Всё в порядке?

– Да, дай мне минуту. – тяжело дыша, Владислав пытался размяться.

– Просто я...

– Просто помолчи, мне нужно сосредоточиться. Убивать людей, знаешь ли, дело не простое. Столько мыслей.

– Да, конечно. – Филипп опустил глаза к земле, не находя себе места.

– Что ты делаешь? – запинаясь, произнёс Владислав, как только увидел неуклюже крадущегося позади него Филиппа.

– А ты что делаешь? – вкрадчиво ответил он призраку.

– Пытаюсь осмотреться вокруг...

– А я за тобой иду... – он продолжал говорить спокойно, до сих пор не понимая, что он делает не так.

– Стой. Нет-нет-нет, ты, видимо, всё не так понял. Если мне когда-нибудь выпадет шанс подставиться под пули, то это точно будет не ради тебя. Будь добр, спрячься где-нибудь под камнями и попытайся не умереть, ладно?

– Разве моя помощь тебе не нужна?

– Нет! – вздохнул Владислав.

Громкие шаги парня в белой простыне били по расходящейся в разные стороны голове Филиппа, оставляя горький осадок в виде тёмных острых отголосков. Такие вещи он запоминает лучше всего, продолжая кричать внутри себя от боли и от невозможности отбиться от всех заглушаю-

щих его свет негативных пятен. Это не было похоже на обычную головную боль от размытой, но очень тяжёлой работы, и, что точно, никаким симптомом страшной болезни они тоже не является. Краски внутри хрупкой коробки стекали с белых стенок куда-то внутрь, оставляя постоянно прибывающий поток мыслей находиться в невидимом пространстве отголосок прошлых, впитавшихся в эти самые белые стенки, проблем. Перед зарождением, перед истощающим взрывом, сердце издаёт глухие постукивания, чьё эхо доносится, кажется, до земной поверхности. Хрупкий и очень старый инструмент проигрывает самую тяжёлую и тонкую ноту, донося необычную мелодию прямо к голове.

Филипп, как обычно, сидел тихо и смиренно. Под ногами навсегда почерневшая земля. Пористые стеклянные камни. Осколки. Подпалённая ткань. Лёгкая дымка, обнимающая ботинки. Холод за плечами. Маленький страшный вакуум, созданный никем, стал неотъемлемой частью новой жизни уцелевших, порой, склоняя их на грязный и кровожадный путь бесконечных страданий мысли и тела. Но возможно ли отречься от этого вакуума? Возможно ли стать теми, о ком мы думаем? И сможем ли не поддаться искушению и не обмануть?

– Ублюдок! – крикнул Владислав после своего, скорее всего, промаха. Кажется, самоуверенность в этот раз подвела, хорошенько отразившись на будущих выборах парня.

Филипп же сжался, схватившись за свои ноги. Возможно, лучшее, что он мог сделать, это встать с земли и хотя бы осмотреться, но... Забыл, продолжая вслушиваться в хаотичную беготню призрака. Выстрел неподалёку запустил выплеск разных веществ в мозг, продолжая предупреждать о приближающейся опасности.

Образ, коим является подросток для самого себя, находится в окружении разных непонятных ему вещей. Он пытается найти в этих проекциях свою личность, своё лицо, по-сему сейчас он обезличен сам для себя, находя в этом осознание своей никчёмности. Он заполняет пустое пространство, быстро подобранными из неоткуда вещами, в надежде, что именно это даст ему свободу выбора и свободу сознания. Но ничто так сильно не пугает, как силуэт человека там, где он не должен находиться. Филипп лишь единожды моргнул своими слезливыми от безумия глазами, продолжая молча наблюдать за тяжело дышащим парнем в военной форме. Тот самый раненный вор, крепко держащийся за своё плечо, стоял буквально в паре метров от напуганного подростка, глупо надеясь, что тот его не заметит, если не будет двигаться. Здесь хрупкая и полупрозрачная стена между реальным миром и сновидениями дала, возможно, уже не первую трещину, не давая ни единому звуку вырваться из глотки. Как бы не хотелось, но кричать не получается у обоих.

– Филипп, ты ещё жив? Где ты? – крикнул Владислав, нервно осматриваясь по сторонам.

Молодой парень в военной форме сквозь дрожь пытался предпринять какое-нибудь рациональное решение и как можно скорее, боясь своего маленького и любого неосторожного движения способное сбить застывшие мысли напуганного подростка перед собой.

– Беги отсюда! – едва сдерживая крик, Филипп прошептал, указав на аккуратно сложенные друг на друга бетонные плиты, махая в их сторону руками, – быстрее, я повторять не буду!

– Что?

– Второй раз он уже точно не промахнётся, скорей же, ну!

– Я тебя знаю... – воскликнул он, не веря своим дёргающимся от боли в плече глазам, – ты выпрыгнул со своей девушкой из окна квартиры, совсем недавно.

– Чего? – дрожа, выдавил Филипп. Он моментально изменился в лице, припоминая все недавно произошедшие события.

Пыль осела. Отражения на стёклах исказились и трескались, продолжая отражать внутренние беспокойство, бушующее внутри обеих парней.

– Вот это да, – с живостью воскликнул вышедший из-за угла дома Трофим Андреевич, – Вы оба думали, что смогли нас переиграть. В смысле, плевали на законы. – мужчина зачесал свои седые волосы назад и продолжил, – но... Ого. Ахринеть!

– Репрессивная полиция... – Владислав бросил оружие к его ногам, кажется, понимая, что проиграл.

– Нас всё ещё так называют? Думай, как хочешь, но мне не нравится. Ну же, отряхнитесь господа, мы же не нелюди какие-нибудь. Пойдёмте, поболтаем внутри, – капитан махнул рукой и указал на уцелевшее здание, – да уж... Это не то, чего вы ожидали, или представляли перед сном. Не так ли?

Владислав успел лишь замахнуться, прежде чем одним ударом капитана оказался на земле.

Сознательно, не буду отрицать, Я согрешил и, смертным помогая, Готовил казнь для самого себя.

– Проходите, гости! – Трофим Андреевич ловко проскочил между упавшими бетонными плитами к горящему пламени посреди просторного зала, и указал парням на спальные мешки, – прошу, садитесь. – а подростки продолжали сверлить его своим грозным взглядом, невольно принимая правила игры.

– Ну и путь же вы проделали, чтобы оказаться здесь.

Сколько боли, сколько беготни. Весёленькое вышло приключение. Но вы сумели превозмочь все эти трудности. Что-то в вас всё-таки есть.

– Боюсь, ты слишком самоуверен... Мы здесь, это правда. Но чего нам стоит убить тебя? – Владислав вздохнул, еле сдерживая отчаяние.

– Да. Можете. Но, вам не интересно, почему мы все здесь? Я всё знаю. Я всё видел. У меня есть ответы. Весь ваш путь сюда через ядро дыма был по чётко вытоптанной дорожке. Вы просто прошли по ней с закрытыми глазами.

– И к чему тогда она нас сюда привела?

– Эй! – призрак фыркнул на своего приятеля, и, замечая в нём предательские намёки, продолжал до последнего не принимать своё положение.

– Да ладно вам ребят, вы умны, чтобы лично разглядеть в этом маленькую деталь. Перед вами, возможно, финал долгого и мучительного путешествия, которое началось с этим дымом. Чтобы привести вас и ваши мысли к правильному выбору.

– Чушь... Фил, не верь ему.

– Интересно, что ты сказал об этом. Не верь ему! – передразнил его Трофим Андреевич. – я на сто процентов уверен, что раньше вы были не знакомы и встретились, наверняка, совсем недавно. И, простите, но каким же надо быть глупым и доверчивым. Вы вообще доверяете друг другу?

Не сговариваясь, оба взглянули на себя, прекрасно зная, что он говорит.

– Я понимаю ваши вопросы к нашей морали. И, да, наши методы, слегка грубы и обманчивы, но прошу заметить, миссия, за нашими плечами, таковой никогда не была. Без меня, без вооружённых миротворцев всё сгинет.

– Чего вы боитесь? – Филипп решил продолжать давить капитана своими вопросами, в надежде, что это как-нибудь поможет.

– Людей... – тяжело ворочая языком, сказал Трофим Андреевич.

Мужчина осторожно облокотился на стол и также неспешно поднял глаза на собеседников, выждав несколько секунд.

– Новый мир. Новые правила означили лишь одно – останутся лишь сильнейшие. Дым сродни с антивирусом, борющимся с вирусом, то есть... Нами. Людьюми. И этот мир треснул, высвободив жуткую тьму. Это господа, конец всего и всех.

– А вы нас всех спасли, да?

– Дошло, наконец. Да. Всё верно. Поверьте, что в этом новом мире автомат лучше любого флага. Я просто отсрочил всеобщую погибель. Как только я изолировал территорию, нужно было просто избавляться от девиантных людей, чтобы

восстановить прежнюю нашу жизнь и вернуть её к гармонии. Поэтому... Не благодарите, – взмахнул он руками, – считаете, меня злодеем? Вот вам подсказка, я оберегаю всех людей в этом городе. И если вы всё ещё надумываете убить меня, что ж, просто дождитесь сюда внедрения всех военных сил. Подавляющий порядок или бесконечные реки крови. Иначе никак.

– Или... Ты просто оправдываешь свои убийства выдуманной благородной целью. Старик в той квартире тоже мешал выстроить тебе всеобщий мир? – Филипп нашёл брешь в диалоге, пытаясь достучаться до благоразумия напарника капитана.

– О чём ты говоришь? – спросил Кирилл.

– В тот час, когда мы прятались в соседней комнате, твой капитан безжалостно убил бедного дедушку прямо за собственным столом. Парень, послушай, не знаю, что он там тебе пытается сказать, но чем он тогда отличается от всех остальных убийц?

– Трофим Андреевич, неужели, это правда? Правда, что вы убили беззащитного старика в том доме, пока я сторожил снаружи?

– Повзрослей! Повзрослей Кирилл! Как ты можешь ему верить? Ты знаешь, чем это заканчивается.

– Он поверил в меня, когда хотел спасти от своего друга. Я сделал тоже самое в том общежитии. Дал уйти тому парню. Дал ему свободу выбирать между добром и злом, потому что

верил в него. Верил в потенциал людей, не смотря ни на что. А зло, от которого вы так яростно меня оберегали, скрывалось за вашим враньём. И того мужчину в гараже вы небось тоже хладнокровно убили, скажите уже наконец!

– Оглянись по сторонам Кирилл, все мы здесь злодеи, разве не видишь? Все мы делали ужасные и жуткие вещи, но это была необходимость! – кричал он, стиснув зубы, – у нас не было иного выбора. А я просто хотел тебе спасти от всего этого ужаса...

– О чём я только думал, когда доверился вам капитан. Всё это было ложью. Но с меня довольно, всё кончено.

– Что ты делаешь? погоди минутку! – хрипло выдавил он, поймав его руку, – так ты обо мне думаешь, да. После всего, что мы вместе пережили? – но быстрым и тяжёлым ударом мужчина упал на землю. Кирилл был холоден. Его рука сжалась в кулак и не расслаблялась.

– Кирилл, хватит. Остановись... – и, видя его дрожащие губы, капитан повторил, опустив руки, – хватит. Хватит... Я не хочу тебе вреда. Ты был мне как сын. Я боялся потерять и тебя...

Горячие слезы, падая на дрожащие и грязные руки Кирилла, подняли его с пола, прекрасно зная, что он сейчас чувствует. Молодой военный не оборачиваясь, молча прижал капитана к бетонной колонне, и, обвязав его верёвкой, упал на колени перед ним.

И тени исчезли, оставив после себя горечь уходящих воспоминаний. Кажущиеся близкими образы растворились в грубых и хаотичных стенах здания. Предполагая свою бесформенную сущность, они стали частью материального мира, навсегда сросшиеся с его тканями. Филипп и Владислав продолжали молча наблюдать за плачем их освободителя, прекрасно понимая, чем он только что пожертвовал, ради их свободы. Кирилл не смел поднимать голову, чтобы не видеть заплаканные глаза своего капитана и настоящего друга. Он сидел у его ног и казнил себя за содеянное, за то, что было неизбежно. За то, что должен был сделать. Казанки были красные. Кровавые. Пыль осыпалась на плечи обоих, прикрывая стыдливые ссадины. Тем же слоем были покрыты и головы всех находящихся внутри, где никто не был готов прервать эту зловещую тишину.

– Он отрезал для меня маленький рай от всего мира, прекрасно догадываясь, что я не оставлю попытки помочь кому-нибудь за его пределами...

– Ты можешь помочь нам, – вздохнул Филипп, едва сдерживая слёзы, – помоги нам найти мою девушку или возможное место на карте, куда бы она могла уйти.

Держать всех на расстоянии вытянутой руки выходило у всех просто отлично. Но для всех наступал момент, когда они эту руку опускали. Показывали свою беззащитность.

Улыбались, но в тоже время, дрожали от страха. Смотрели в глаза и думали: "ударит или всё же на этот раз нет?". И все всегда слепо верили, после чего следовал тот самый удар, разрушающий их изнутри. А после, вставали и начинали всё заново. Был ли в этом смысл? У каждого он был свой.

И эти мысли подталкивали утаённые глубоко под внутренней болью воспоминания об утраченных навсегда ветреных прогулках, кажется, пришедшие после особого действия, которое было не поймать.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Страх был повсюду – во всех своих странных формах и предметах, что окружали фотоны. Когтистое и острозубое нематериальное существо пугало своим возможным присутствием неподалёку, предполагая, что её никто не видит, а значит, оно выбрало удачную позицию для атаки на разбитых людей. По телу пошла дрожь. Ноги предательски подкашивались и не слушались, боясь надвигающегося момента погони. И звуки исчезли. Тело отключается и постепенно снижает температуру. Все мысли об одном – рядом что-то есть, и оно тебя убьёт.

"Ты любила его?" эхом пронеслось через нить вновь функционирующих мыслей только что пробудившейся Лизы, чувствующая своими холодными кончиками пальцев приближа-

ющуюся колющую волну внутренних терзаний и нереальных сценариев будущего. Филипп быстро заснул, и выглядел он очень даже мило, когда обнимал скомканный уголок одеяла. Кажется, ему легко далось отбросить в сторону сомнения и тревоги, с чем девушка никак не может справиться, постоянно думая о себе и неисправимом, застрявшем в вакууме вечных страданий и бесконечно-прокручивающихся ошибок, прошлом. Лиза ничего не ответила на соболезнования, посчитав их бесполезными. Человека уже не вернёшь. Вот и оставалось ей разглядывать осколки своего размытого образа в горящем пламени посреди мебельного магазина, припоминая недавний инцидент на парковке, после чего на губах до сих пор остался пыльный осадок.

Возможно, сейчас, за пределами живого кошмара, на тёмном небе сияют яркие белые звёзды, водящие хоровод вокруг ясного полумесяца. Возможно, сейчас одна из самых красивых ночей за всё время. Только вот... Увидит ли уже кто-нибудь небо? Только лишившись обычных небес над головой, приходит осознание всего этого видимого и осязаемого величия вокруг нас, и только после исчезновения мы начинаем их поиски, не задумываясь о потерянных фигурах. Задумавшись о сгнувшей навсегда ночи, и теряя последние остатки здравомыслия в бессоннице, Лиза решила прогуляться вблизи импровизированного ночлега и постараться утомить себя, истощить оргазм, и наконец-то уснуть. Чтобы не пугать Филиппа, она засунула под одеяло несколько поду-

шек, на случай, если её друг случайно проснётся и слишком перенервничает из-за её отсутствия. "Всего десять минут, не больше" сказала она, проскользнув меж дверей

Маленький белый сугроб поприветствовал заблудившуюся девочку, освещая собой пару плиток вокруг себя, и указывая ей путь в коридор, на прощание, удивил её коротким снегопадом. Поблагодарив его своим вниманием, Лиза, держась за фанерные листы, решила самостоятельно исследовать торговый центр и, возможно, найти что-нибудь интересное, пока не устанет.

Дышать сейчас было труднее как никогда. Горячее и волнительное дыхание ударялось об осыпавшиеся с потолка частички пыли и возвращалось, из-за чего на лице появлялось обманчивое колющее чувство. Лиза не позволяла себе лишних движений, наоборот, подхваченная сквозняком, она летала над шахматной доской с невероятным внутренним спокойствием. Шёпот всё никак не унимался. Глухие барабаны проносились по всему залу, исчезая вместе со своим эхом. А не покидающий разум образ был где-то неподалёку.

Далёкий величественный гул продолжал нагонять ужасу на хрупкое тело девочки. Она представляла, как что-то невообразимо больших размеров прямо сейчас склонилось над маленькой бетонной коробочкой с такими же маленькими, но беззащитными живыми песчинками без целей и радости, пытаясь не затронуть хрупкие нити у себя под носом хотя

бы в этот раз. Тревожной и не менее огромной, в прочем, казалась и бегающая с витрины на витрину расколота на бесконечное количество частей тень Лизы. Она хоть и была темнее нового неба, но порой терялась за заколоченными в спешке дверьми. Что это было? Маленький шрам под левым голубым глазам в виде аккуратного крестика, вдруг, вновь решил напомнить о себе слегка острой болью.

И что она здесь забыла? Что она забыла? Что она? И яркие вспышки молнии вновь резали ткань между моментом прошлым и настоящим, предоставляя бледным женским рукам прикоснуться к никогда не существующему моменту происхождения ярких впечатлений. Ей приходилось раздвигать острые полки для высвобождения света. Яркого белого света. Света прошлых криков и небезнадёжных мечт о бесконечном цикле позитивных эмоций.

Яркий и молодой женский символ, осторожно обходя чёрные камни, вспоминая как раньше было хорошо, безошибочно воспроизводил память тлеющих дней под, пускай и серым, но видимым небом. Под облаками. Под каплями дождя и работающими фонарями. Тьма сгущалась. Казалось, что она вырывается из каждой маленькой трещинки в шахматной плитке, и жадно обхватывая своими сухими руками, пыталась превратить заставшую на месте Лизу в безжизненное собрание слёз, образов и ошибок, чего она так сильно боялась. Боялась быть и остаться лишь затухающим со време-

нем криком без возможности рассказать о себе живому человеку. Странные вещи происходят.

Недолго думая, в попытке сбежать из всепожирающего облака медленных частиц страха, девушка закрыла глаза, и, касаясь пальцами еле удерживающейся в воздухе красной нити, побежала к первому же маленькому закрытому ларьку. Только вот, сбившаяся с пути абсолютно целая стеклянная бутылка ударяясь об каждый пыльный камень на плитке, создавала невыносимый и раздирающий душу звон, даже не думая разбиваться. Звук был подобен осколкам. Он был цельным. До какого-то момента. И после неосторожного касания, волны разлетелись по всему коридору, получая трещины от постоянного соприкосновения с разными поверхностями и невидимыми силами за пределами видимости. Они аккуратно и точно вонзались в расшатанные уголки памяти, доводя до неконтролируемых горьких слёз. Бутылка разбилась. Девочка упала на колени. Рука её была в луже, образовавшаяся здесь на месте разбитой плитки, вода стекла с крыши и потихоньку заполняла все дыры торгового центра. Свет костра исчез и более он не способен поставить Лизу на прежний путь. Теперь она одна. Одна среди пустых прилавков и гнетущих мыслей.

Повернув голову к луже, ничего кроме расходящихся волн она там не увидела. Ни лица, ни души. Где она? И, кто вообще такая "она"?

– Не хочу умирать... – перед глазами оказалась знакомая, но пустая квартира. Её серые стены. Пыльная мебель. Маленькое окно в подъезде. Закат. Ночь. Слёзы. Что это было? Что это было на самом деле?

Что это было на самом деле? Заполняющие фрагменты пустого и бессмысленного существования души? Образы для полного заполнения личности и её нормального функционирования? Отнюдь. Всё, о чём она думала – как бы не пропасть. Как бы не исчезнуть без чьего-либо постоянного заботливого внимания. Если всё это части всеобщего образа, то, что она? Кто такая Лиза?

– Я жила сама по себе. Ни друзей, ни любви. Чего я стою? Что такое, в самом деле, я? Ненавижу близость. Ненавижу одиночество. Страшно снова взять кого-то за руку. Снова страшно к кому-то привязаться.

Я. Что такое я? Отражения по-прежнему видно не было ни в воде, ни в осколках разбитой бутылки. "Теперь я пропала по-настоящему", раздалась мысль. "Теперь я никому не нужна". Слова становились короче. То ли от тяжести внутри, то ли от холода. Если чего-то не видно, есть ли оно на самом деле? Кажется, тьма начала отделять сознание от плоти, делая это с характерной для неё жестокостью: дрожь медленно

перетекала в бесчувственность, а зрение угасало. Всё меняется. Всё исчезает. Что такое боль, если не доказательство жизни?

В маленьком, всхлипывающем вместе с девочкой коридоре, загорелся огонёк. По раздавленной зажигалке скакало маленькое испуганное пламя. Оно плавало хрупкую пластмассу, потихоньку подбираясь к мокрым пальцам. Повсюду были разбросаны упаковки из-под ароматических свеч, а сами восковые палочки были выстроены в ряд, приближая приход здравомыслия.

Великое пробуждение стало причиной роста всех внутренних проблем. Если раньше их можно было бы заглушить обычными тёплыми разговорами, то сегодня же, если оно до сих пор таким считается, все условные внутренние части мыслящего человека спрятаны в маленьких деталях нового неизвестного пространства. Прошлое стремительно рассыпается в руках. И никто не готов встать на его защиту. Свечи служили маленьким раем для Лизы, оберегая её внутреннее и постепенно восстанавливающееся состояние, предполагая, что благодаря яркому аромату уже давно исчезнувших деревьев, а также с помощью невидимого и полного энергии светового купола, она придёт в себя без серьёзных последствий. И если ментально уворачиваться и избегать встречи с угрозами было просто, то от маленьких ожогов горячего воска деться было некуда. Выйдешь за пределы светового круга –

погибнешь в страшнейших муках.

Теней, как и мыслей, было бесконечное множество. Все они колебались и прыгали с места на места, совершенно не понимая своей роли в этой ситуации. Совершенно не зная, в чём именно заключается их существование. Отражений по-прежнему не было. Как и Лизы. Имя это лишь одна из возможностей для кого-то постороннего, но что оно значит для самого его владельца? Назови её иначе, чтобы произошло тогда? Изменилась бы она? Или, на самом деле, всё куда сложнее имён? У Лизы нет ни отражения, ни малейшего понимания своей роли, что она играет по чужому сценарию. Идёт ли она к финалу за смертью, или к шансу обрести себя?

– Я такая, потому что весь мир стремится меня раздавить.

Такой ответ предписывает структура финала. Ты. Чего хочешь ты на самом деле? Бесконечная колыбель ошибок отделённая от таких же отвратных вариантов будет вечно преследовать её вечно. Вечно. Вечно, пока она не осознает её полностью. Находящаяся в петле, обречённая страдать по своим ушедшим воспоминаниям. "Кто она", вопрос, пока что, без ответа. Но кто такой Филипп, спящий в мебельном магазине парень, она знает точно: взращённый самой смертью и сытый болью ровесник. Человек, рождённый дымом. Почти голый, он вышедший из небытия к ней для спасения без каких-либо видимых травм тела. Напуганный подросток. Голодный

по чистому воздуху и яркому синему небу. Романтик. Слегка робкий молодой мальчишка с навсегда утраченными великими целями. Возможно, обречённый на вечное одиночество, но полностью осознающий себе в своём теле и разуме.

– Посмотрите на меня! – продолжала она шептать в свои горячие ладони. Кричать она и не пыталась, боясь, что разбудит своего друга. Страх быть найденной в таком убитом состоянии не позволял ей даже дрожь в голосе.

Осколки были рядом. "Возьми их и покончи с этим навсегда", думала она. Но нельзя. Нельзя останавливаться. Конечно, легче всего всё бросить и сдаться. Сдаться и предать весь пройденный сюда путь. Обесценить все тяжёлые вздохи. Нельзя. Но кто такой Филипп, спящий в мебельном магазине парень, она знает точно. Оперевшись на всю ногу, Лиза поднялась с пола, и не вытирая слёз, осмотрелась по сторонам. Измученная и уставшая от саморазрушения, она решила сделать то, для чего, наверное, и была рождена семнадцать лет назад. Для чего многие события в её жизни произошли именно так, но никак иначе, чему она, порой, удивлялась.

"Фил, прости меня, что ничего тебе не сказала. Я всё это придумала спонтанно, пока ты спал, но... Но я спать не могу, пока фотография с этой девочкой лежит у меня в кармане, постоянно напоминая о себе. Я верю в твои слова о дыме и в то, что где-то за городом его совсем нет, что где-то

там, далеко, есть привычный мир, где всё как раньше. У меня есть, не знаю, может быть, часов восемь или девять, чтобы забрать карту, найти девочку и вернуться к тебе. Пожалуйста, дождись меня в старом мире, и мы больше никогда не расстанемся! Люблю. Лиза", написала она. "Постоянно напоминающая о себе" относилось вовсе не к фотографии. А к самой Лизе. К её неопределённости и хаотичному поведению. К невозможности узнать себя и свои цели. Но кто такой Филипп, спящий в мебельном магазине парень, она знает точно. Сняв с запылившегося манекена самую дорогую и красивую куртку, постоянно оглядываясь на ухудшающуюся погоду, она решила сделать себя частью этого парня. Чтобы всякий раз дотрагиваясь до этой вещи, он вспоминал её образ. Дополнением к этому был нарисованный лично ей смайлик белой краской: тонкий кружок как голова, глаза как крестники и большая улыбка. Это Филипп.

Да, возможно, она была чересчур доброй. Возможно, слишком доверчивой. Но абсолютное непонимание своей личности и постоянно отдаление ото всех перевешивало все её достоинства. Что есть счастье, если не существование? Она ненавидит одиночество. Но больше всего она ненавидит привязываться к кому-то. Больше всего она хочет найти девочку с фотографии и убедиться, что с ней всё в порядке.

"Нужно найти девочку с фотографии. Нужно найти себя...", решила Лиза. Нужно подчеркнуть всё "до" и сфоку-

сироваться лишь на своём будущем. Иначе, так она и погибнет, не зная, что сделала для себя и окружающих её людей. Мысленно проговаривая себе, она ругает себя за слишком частые контакты. Подмечая, что постоянно пытается схватиться за чужой рукав, боясь исчезнуть. Будто, если не сделает это – умрёт. Она уходит с мыслями, что все те плохие слова, что она сказала уже погибшим знакомым, будут преследовать не только их, но и саму Лизу до последнего её вздоха. Извиниться уже не получится. А так хочется. Записка оставлена вместе с курткой в том же магазине, где она всё это и нашла, и, собираясь уходить, случайно, или по привычке, спрятав руки в карманы, нащупала брелок.

После застывшей минуты раздумий, брелок оказался в самом сердце разыгравшегося костра, медленно превращаясь в растекающийся во все стороны пластик. Это стало точкой невозврата; полное отречение от прошлого для создания чёткого образа ясного будущего. Назад дороги уже нет.

Скрипящие входные двери распахнулись. Под ногами затрещало стекло, а пыль медленно оседала на руках. Ремни противогаза затянуты как никогда крепко, а шаги её были уверенными.

Абстрактное окружение полностью завладело чувствами, подкрепляемое неясностью мышления, оно рисовало хаотичные полупрозрачные линии на абсолютно каждой ви-

димой поверхности, предполагая, что наблюдатель в силах устоять перед мощнейшим сдвигом нематериальных уровней. Казалось, что некогда добровольно-разбивающиеся об стальные навесы и крыши брошенных автомобилей капли воды застывали в воздухе, демонстрируя чудесную игру бликов на сферической поверхности. Казалось, что маленькие частицы снега изменяли давно устоявшиеся законы притяжения, и, противореча им, вдруг, возвращались обратно на ещё более потемневшее небо. "Возможно, показалось", думала Лиза, продолжая неспешно двигаться в сторону парковки, боясь, что даже одним неосторожным шагом, здесь, на улице, может разбудить её друга.

В пространстве между дымом и человеческим куполом была ощутимая, но пока что необъяснимая лёгкость, болтающаяся где-то неподалёку. Присутствие её было таким же ясным, как и видимость дрожащих от холода рук, но не постоянным. Не длительным. Вместе с этим ветром, кончики пальцев умудрялись касаться невидимой развевающейся шторы неподалёку, которая походя на ледяные волны, полностью погружала тело в беспорядочное метание от камня к камню, за которыми, возможно, есть никем не тронутый уголок. Подобно волнам предстал и скрипучий звук скачущего стального троса, но уже где-то за пределами понимания этой площади.

Постоянно вылетающий из тёмных камней разбросан-

ных повсюду звук старого сломанного телевизора создавал мягкую и до мурашек знакомую обстановку уюта. Это было предвестие чего-то настолько громкого, на чьих массивных звуковых волнах было возможно вознестись к старому небу света и слезам счастья. К месту без сожалений и страха бессмысленной смерти. Шипение прекращалось с автомобильным гудком. Никто и подумать не мог, что всего за несколько часов слепых блужданий обычный для старого мира звук станет вестником чего-то непредсказуемого и поистине страшного. Вестником возможного конца чьей-то долгой бесстрашной истории поисков и само копаний. Источник многих пугающих мыслей был совсем неподалёку, буквально, в паре десятков расстояний вытянутой вперёд руки. Что, отныне, является единственным способом выявления истинного расстояния между скрытыми во тьме объектами.

"Идти туда не стоит. Возможно, это те же убийцы, что явились в их дом не так давно. Вспомнят её – убьют". Выстроенный на печальном опыте барьер снова умудрялся подталкивать девушку на быстрые и радикальные решения с двумя очень противоположными выборами. Хождение по лезвию, где падение в любую туманную сторону могло закончиться смертью, лучше любых утрат расшатывало сбалансированный разум. Цена ошибки слишком велика.

– Я случайно, извини! – еле уловимые, но уже давно раз-

лагающиеся клавиши старого пианино умолкли именно сейчас. Именно сейчас прекратили свою песнь, чтобы донести хриплый детский голосок до ушей напуганной Лизы. По телу пробежал холодок, и исходил он вовсе не от сверкающего снега под ногами или дышащей в затылок смерти. Нет. Вовсе нет. Дитя. Совсем юное и хрупкое дитя было совсем неподалёку от того места, где заставшая от страха девушка прислушивалась к малейшему постороннему шороху. Не может быть.

Чаши весов потихоньку начинают склоняться в сторону необдуманного и легкомысленного выхода к ребёнку, где, возможно, есть что-то большее, чем сама суть существования человека. И как никогда такой поступок мог закончиться вечной бессознательной тьмой. Но, вдруг, это и есть почти неуловимое начало красной нити возможности приобретения истинного пути к заветной цели полной смысла? Не галлюцинация ли это от вероятного истощения фильтра противогаза? Может быть, разум уже начал разлагаться, представляя звуковые галлюцинации как маяк, предупреждающий об опасности полного и всеобъемлющего небытия. "К чёрту!", и резина ботинок заскрипела, и ожог от снега на ладони был ещё ярче. Время выбирать: огонь в животе, или вкус крови.

Вскоре, они встретились взглядами. Ещё совсем маленькая девочка, на вид которой не дать больше одиннадцати, со-

вершенно бесстрашно глядела на выпачканную в саже, пепле, снегу и крови Лизу, не считывая с неё абсолютно никакой угрозы. Кто она для неё?

– Эй, кто вы? – закричал выбравшийся из автомобиля отец девочки. И вправду. Кто она? Как-никак кстати. Может ли Лиза быть опасностью для этой семьи? Или, наоборот, может ли опасность исходить из этих людей? – вам нужна помощь? – вежливо спросил мужчина, выставив перед своей дочерью руку, до сих пор опасаясь за её жизнь. До сих пор, будучи разочарованный в людях, он не верит никому. Впрочем, как и Лиза, – с вами всё в порядке? У вас кровь. – как он может... Как он может оставаться здесь, на абсолютно открытой территории, без оружия в руках и с ничего не понимающей маленькой дочерью. Как он может помогать кому-то сейчас. Как он может... – вы меня слышите?

"Да", выдохнула она. "Что мне теперь делать? Зачем я встретила этих людей?". "Сяду к ним в машину – убьют. Протяну руку – убьют. Попрошу помощи – тоже убьют". "Я разочарована в людях. Я их ненавижу. Я ненавижу ложь. Но больше всего ненавижу ложь по отношению к себе". "Может мне просто развернуться и уйти, оставив после себя размытый осадок недопонимания без части страха? Может быть, спросить о чём-то... Куда они едут?". "Не могу. Не хочу". Звон в ушах перебивал любое готовящееся на выход предложение.

Снег. Кристаллики таяли на куртке, от чего Лиза чувствовала себя только теплее. Жар означал жизнь. Она жива, пока мёрзнет.

– Пойдём отсюда! – отец, не оглядываясь на странную немую девушку, спрятал дочь под своей курткой и запер в машине, всё с тем же страхом добираясь до водительского сидения.

– Здравствуйте! – чей-то новый незнакомый голос был резким. Властным. Доносясь из неоткуда.

"Кто это говорит?", спросила себя девушка, оставаясь на своём месте, осознавая совершённую ошибку. Возможно, последнюю в своей жизни. "Здесь есть кто-то ещё. Кто-то помимо нас троих присутствует в этом разговоре. Тот, кто читает нас. От того, что видимы мы, становится страшно. Ещё страшнее – чужой голос без тела". Кажется, бежать некуда. Она в ловушке не только своих беспорядочных мыслей, но и бесформенных чтецов.

– Вам нужна помощь? – рука была осязаема и вполне себе узнаваема. Ни жара, ни холода от неё она не чувствовала. Только одно – угрозу.

"Не прикасайся ко мне!". Но рука по-прежнему лежала на плече Лизы. Чья-то крепкая и очень сильная рука осторожно

сжимала дрожащее тело, оберегая его от неожиданного распада. Это была перчатка. Жёсткая ткань, пластмассовые и стальные вставки на кулаке. Камуфляж. "Только не это!", думала она. "Пожалуйста, я не хочу умирать!". Она воссоздала смерть у себя в подсознании, начиная выдёргивать этот образ в материальный мир, представляя каждую деталь этого человека. Жёсткие сапоги, которыми он раздавит её хрупкую голову. Плотный и холодный наколенник прижмёт тонкую шею к земле и будет висеть там, пока не кончится кислород. Возможно, ещё не успевший остыть автомат будет направлен в её спину, где горячая пуля пройдёт все ткани, все мышцы, проломит позвоночник и как пробка выскочит из груди под звуки алого фонтана. Холодный как лёд нож вонзится ей в тело и раскроет миру её внутренности. "Не хочу умирать!"

– Ну, как вы там, в машине? – "он ушёл. Он ушёл, оставив меня в живых". Военный осторожно наклонился к лобовому стеклу и проводя по нему пальцем, окинул взглядом салон. Его нож упал. Упал под тихий свист, – вот беда, у вас, кажется, колесо спустило.

– Что? – взволновано, спросил отец, найдя в себе силы отпустить, наконец, руль, который так крепко держал.

– Да, выйдите из машины и взгляните сами. Там дыра. – военный продолжал стоять над машиной и тарашиться на пассажирское сидение. Говорил о колесе, но ни спускал глаз с его дочери. – ну, далеко вы с таким колесом не уедете. Поду-

майте о дочери, разве вы хотите подвергнуть её опасности?
У вас есть запаска?

"Я стояла. Вопреки всем страхам я не могла убежать. Мне было страшно. Боялась, что если дам повод себя убить, он сделает это. Я молчу, а он меня не трогает. Такое положение дел меня вполне устраивает". Несмотря на уже прозвучавшие две просьбы выйти из машины, мужчина внутри отказывался делать этого, хоть и не говорил это вслух. Это считывается по его широко открытым бегающим глазам и по рукам сжатым в кулак. Он боится. Я боюсь. А она нет. Девочка на пассажирском сидении до сих пор не понимала всей ситуации, что было ещё страшнее. Нас пугают не образы или исход, а неизвестность. Неизвестность действий других и их намерений. "И я, отчасти, не понимала всей сути".

– Пап, он хочет...

– Да, я выхожу. Я слышал, что он сказал, солнышко. У меня есть запаска в багажнике.

– Не нужно. Я сам вам его поменяю. – мрачно сказал он, – не стоит. Оставайтесь с дочерьми. Просто откройте багажник.

– Твою... Мать... – он не хотел этого говорить, но обстоятельства были сильнее человека. Рычаг, открывающий багажник не работал. Он сломался. А значит, придётся выйти из машины и открыть его вручную ключами. Нужно выйти наружу.

"Он думает, что я и его дочь тоже. Думает, что мы все одна семья. Это не так. Я сама по себе. Не нужен мне никто!". Дверь автомобиля открылась не сразу, а с такой же длительной паузой. Отец уже знает, что выдал свой страх, но продолжает быть осторожным в своих действиях и словах... "Будто оттягивая момент неизбежного", подумала Лиза. "Мне очень некомфортно. Как бы я не стояла, как бы я не дышала, я чувствую постоянное давление от окружающей среды и своего тела. Оно перестаёт подчиняться мне и воспроизводит хаотичные выбросы, от которых мне неприятно даже просто дышать. Мне противно быть". "Отец осмелился выйти из машины, моментально закрыв за собой дверь, отделил маленький рай от бесконечно-движущийся тьмы. Его можно понять. Но не мне. Мне плевать".

– Ну, вот. Совсем другое дело, правда, же? Сейчас мы закончим с этой бедой, не переживайте.

"Я ненавижу себя. Мне тяжело дышать в этой маске, можно мне её снять? Я очень хочу снять её. Мне не нравится положение моих рук. Мне не нравятся мои неровно лежащие пальцы. Ненавижу своё дрожащее тело. Ненавижу себя". И всё это продолжалось до тех пор, пока военный по привычке не протёр стекло противогаза, наверняка, думая, что убирает пот со лба, закончив со своей работой. Он не собирался

возвращать ключ отцу. "Чего он хочет? Чего он ждёт, глядя ему в глаза?".

– Какая девочка у тебя старшая. Да какая же это девочка, настоящая взрослая девушка уже! – он обратился к Лизе. "Он обратился ко мне... Он это говорит обо мне". – красавица какая.

– Прошу, не нужно... – "что он делает?". – спасибо вам за помощь, но нам пора. – испуганный мужчина схватил Лизу за руку так, будто боялся потерять. Он боялся за её жизнь так же, как и за свою. Так же, как и за жизнь своей настоящей дочери. "Почему он это делает? Почему ему не плевать на меня? Почему он защищает меня?".

– Погодите секунду, может быть, сопроводить вас и вашу прекрасную семью куда-нибудь в более безопасное место? Судя по всему, старшенькой не будет места в вашем авто, учитывая захламлённость задних сидений вашими сумками. Одна из ваших дочерей может быть под моим присмотром, мы будем ехать за вами.

"Лживый ты кусок дерьма!"

– Нет, не нужно. Мы выбросим пару вещей и найдём место для неё.

– Или, вы можете с одной из ваших дочерей сесть за руль моего автомобиля, пока мы со второй будем осторожно сле-

довать за вами на вашей машине.

– Это лишнее, извините...

"Я уже давно ничего не чувствую. Привязанность, так хорошо укоренившаяся в моём сознании, наконец-то выбирается из моего тела, не встречая на своём пути какие-либо препятствия. Наоборот, я содействую её скорому выходу из себя. Пытаюсь изгнать. Пытаюсь отрезать свои неудачи и забыть о них. Но, я всё ещё в силах остановить то безумие, что происходит у меня перед глазами; встать между этой семьёй и этим сумасшедшим военным будет проще простого. Нужно родить первое действие, откуда впоследствии явится защита и поддержка. Обнимающие и тёплые чувства вновь заporхают вокруг трупов. Омерзительно. Неприятно. Горько. Тошно. Отвратно. Мерзко видеть алую кровь. Невыносимо касаться чужого тела. Ужасно причинять боль. Но ещё ужаснее, причинять эти увечья самой себе. В моих руках, буквально переплетаются нити жизни, исходящие из бьющихся сердец окружающих меня людей, они всецело принадлежат мне. Только мне и только сейчас. Если бы не одно но... Мне плевать!". И вновь, за крепко затянутым противогазом, жгучий привкус кожаных ремней позади перебил горький и слегка солёный вкус невыносимой крови, пробивающийся через большую дыру в черепе отца. Мужчина ничего не сказал своей дочери перед смертью. Абсолютно ничего. "Я бы услышала это", сказала Лиза, совершенно без эмоционально

наблюдая за разливающейся красной лужей. "Я выбрала не спасать. Я выбрала спастись. Хотя, кажется, оба варианта приводили к этому грязному концу".

– Полеза́й в машину, иначе ляжешь рядом с ним. Будь хорошей сестрой, вернись в салон и успокой её. И без фокусов! – "сволочь! Опять подумала я, но не сказала вслух. Я позволила подчинить себя под действием грубой силы. Этот мужчина на земле мёртв. Мне нет до него дела. В прочем, как и до его дочери. Мне плевать на неё. Но не плевать на себя".

– Иди к чёрту! – фыркнула Лиза, хлопнув дверью. Она собралась бежать, оставляя маленькую девочку одну. "Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Что я наделала. Бросила ещё совсем ничего не понимающего ребёнка одного с этим извращенцем. Бросила её на произвол судьбы, которую я сама могла вершить. Ещё не поздно. Ещё не поздно вернуть себя прошлую. Ещё не поздно вернуть себя. Ещё не поздно!".

Мужчина встал с земли. Держась за свою голову, он без каких-либо криков полез в драку с военным, кажется, забыв на какое-то время, что всё это видит его дочь. Лиза не осталась в стороне. Преодолев недавно выстроенный колючий барьер, она помогла маленькой девочке выбраться из ав-

томобилия и, держа дитя у себя на руках, продолжала смотреть на падающие капли крови. Это выглядело как настоящее безумие. Людьми движет возведённый в абсолют животный страх, где все позабыли о законах человечности, окончательно похоронив надежду на восстановление прежней жизни.

– Остановитесь вы! – и, на удивление, всё затихло. – оставьте эту семью в покое. Заберите меня, а им дайте уйти. "Что ты делаешь? спасаю их, и заткнись!". – я встретила их буквально перед вашим приходом, и знать не знаю эту семью. Прекратите этот сюр. "Вот я и вновь сразилась сама с собой. Обещала, что ни к кому больше не буду испытывать чувства. Обещала наплевать на окружающих. Но чья это победа? И чьё поражение?".

"Так я и сбилась со своего пути, балансируя между полным безумием и личной призрачной целью. Возможно, это лишь необходимый поворот, ведущий меня к неизбежному финалу, и лишь к началу четвёртой стадии. Если бы я осталась с Филиппом, я бы только причинила ему боль. Лучше всё оставить. Я не верила, что кто-то может меня полюбить. Да я и не заслужила этого. Струсил. Отвергла всех ещё прежде, чем мне причинили боль. Боялась эту невидимую глазом силу между людьми... Боялась, и закрыла своё сердце. Такова цена".

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был чрез Него.

Верующий в Него не судится, а неверующий уже осуждён, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

– У тебя никогда не было такого чувства... Будто всё, за чтобы ты не взялся, обречено на неудачу? – стряхнув с дивана пыль, Филипп решил разбить образовавшийся барьер между ним и призраком.

– Ты это о своей девушке?

– Что?

– Ну, я, наверное, понимаю тебя. Вокруг всё меняется. Столько стресса. Жуть. Но, вот мой тебе совет, попробуй уединиться с ней чуть позже... Когда вся эта неразбериха закончится.

– Ты что несёшь? Я спросил вообще обо всём! – живо отозвался Филипп, пытаясь как можно скорее заткнуть этот разговор.

– А... – Влад повесил голову, стесняясь, но стараясь не

показывать этого.

Возможно, сейчас, подросток как-никогда близок к своему затяжному приключению. С множеством препятствий он уже повстречался и даже преодолел их, преодолевая боль. Но, как бы не была ясна дорога впереди, приблизиться к поискам своей подруги ему так и не удалось. Ни зацепок, ни образов, ни видений. Абсолютное ничего в окружении тумана забвения. Кстати оказалась мягкое и измученное долгим походом шуршание разлагающейся в кармане куртки записки. Маленькая бумажка распадалась от малейшего прикосновения, но не думала навсегда терять заложенные в неё слова. Слова Лизы.

– Кирилл, твой капитан говорил и о других военных силах в городе. Вы встречали кого-нибудь неподалёку от ваших лагерей? – стараясь говорить спокойно, Филипп всё ещё был слегка взволнован общением с человеком в военной форме на расстоянии вытянутой руки. Что-то внутри подсказывало ему, противоречило с его действиями, вдруг, это до сих пор может быть опасным. Сомнения были постоянно.

– Мы отделились от них ещё в самом начале.

– В торговый центр, уже после исчезновения Лизы, пришли военные. Куда они увозят всех пойманных?

– Прежде чем сюда попасть, Трофим Андреевич проходил контрольный пункт в импровизированном лагере неподалё-

ку отсюда. Он единственный отмечен на нашей карте.

Была страшновато продолжать свою дорогу после всего того большого множества страшных событий, что только удалось пережить за последние несколько часов в нестандартных сутках. Сколько ещё предстоит увидеть впереди? И каждый новый вздох оставлял после себя мягкий, но очень острый осадок с воспоминаниями о вечно промокающей одежде. О хлюпающей обуви при беге. О смехе и ярости. Вспоминать всё это было тяжеловато.

"Последняя точка перед замком, где, возможно, всё может и закончиться", думал Филипп. И почти затухший синий огонёк люминесцентных палочек посреди пустой комнаты дарил свой уют. Приятные тёплые тени расстилались перед ними, прикрывая собой грубые стальные прутья и крошащийся бетон. Безопасность. Все их тёмные отражения были впереди, наталкивая на хаотичные выпады против заставших обратных им образов, они униженно сидели на их брошенных вещах.

– Друг, подай, пожалуйста, бинты. Они в моей сумке. А то, кажется, старые уже пришли в негодность. – вежливо произнёс Кирилл, аккуратно и неспешно наклоняясь к Филиппу.

– Твоей? Но она же была у Влада...

– Была уже после того, как он у меня её украл в первой нашей встрече. Кстати, за что он так и не извинился.

– Влад!

– Сейчас не простые времена так-то. И вообще, не пойму, к чему сейчас этот сумочный базар? – буркнул призрак, и снова углубился в осмотр оружия.

"Что я вижу? Насколько точно я могу быть уверен, что мои глаза меня не обманывают? Неужели у меня за спиной или не где-нибудь ещё ничего нет? Странно. Что если, это всё на благо моего хрупкого сознания. Чтобы мой примитивный и находящийся на самом низшем уровне, по мнению чего-то невидимого мозг, вдруг, не вскипел от кружащихся вокруг образов. Сам дым таким, наверное, не является, раз я в силах свободно и совершенно беспрепятственно думать о нём в самых разных формах. От его вкуса до губительной притягательности. Кстати об этом. Я только недавно стал задумываться о зове извне. О голосе, что доносится из самой этой живой бездны, стараясь, как бы, скрывать свою разумность. С чего бы? Хотя, какая разница, если правила игры уже давно приняты, ведь так? Большая, смотря с кем, ты разделяешь эту игру. Мои ботинки утопают в сугробах. Ноги уже потихоньку мёрзнут, хотя мы только что покинули развалины. Жуть".

– Фил, всё в порядке? Не отставай!

"Ха-ха, забавно. Я снова позади всех, и вновь боюсь к ним

приближаться. С чего бы? Может быть, несмотря на всю их игру в миротворцев, мне до сих пор кажутся лживые маски на их лицах? Тяжело было вновь кому-то довериться, особенно в сегодняшние нестандартные часы. Тяжело было поверить, что я действительно кому-то нужен. Не считая Лизу. Она меня ударила током. Я, наверное, готов на всё, чтобы вновь почувствовать её сердцебиение через свои ладони. Хотя, я грешен. Отдалялся от людей, боясь, что они вновь причинят мне боль, хотя, ещё даже толком не узнал их. Я ненавидел людей. Но ещё больше я ненавидел одиночество. У меня не было выбора. Петля замкнулась. Я несчастен".

"Кажется, пульсирующая боль в моей голове сбивает меня с ног, пытаюсь уронить на снег. Я вижу хаотично разбросанные квадраты вокруг своего тела. Квадраты, чьи цвета смешиваясь друг с другом, выдают одну общую и цельную картинку. В каждом из квадратов зашифрован свой собственный уникальный цвет, но я не могу разобрать его из-за их большого количества. Не могу выбрать один единственный из бесконечного множества разных оттенков. Это походит на старое изображение, записанное на кассету и проигрываемое на очень старом телевизоре. Я знаю это. Шум вокруг меня представленный образами и бесцельно проносящимися разноцветными точками доводил до жуткой тошноты. Сквозь меня что-то проносилось, то, чего я увидеть был не в состоянии. Под ногами хрустел снег. Или это хруст моих лома-

ющихся костей? Это конец? Невообразимый образ великой сущности извне явился сюда для свершения своего предназначения? Это смерть? Или я снова чувствую себя бесполезным? Я прибываю в межправительственном аду между настоящим и прошлым. Я потерял себя. Я потерял своё "Я". Нет лучших времён. Как и возможности, их создания. Я просто не препятствую силе, что затягивает меня в без пространственную тюрьму, откуда меня уже никто не вспомнит. Я есть как осязаемое эхо души, нарушающее правила. А облачное сознание, в котором мы все заключены, даёт сбой".

Последняя контрольная точка перед крепостью с принцессой. Предпоследний рывок, необходимый для достижения цели всей новой жизни, начавшийся с непредвиденной встречи с девушкой. А, может быть, всё так и должно было быть? Где проходит эта тонкая грань между показавшимся на первый взгляд совпадением и написанным чернилами будущим? "Вольны ли мы делать то, что хотим. Не ведёт ли нас кто-то за руку к предполагаемому концу, для достижения личных целей? Есть ли свобода воли? Я не могу сейчас развернуться, бросить всё и уйти. Нет. Не могу прекратить эти поиски и разойтись с новыми знакомыми. Мне не позволяет невидимый барьер". Как бы то ни было, путь троих заблудившихся в своих жизнях людей по бескрайней снежной пустыни продолжается вслепую, где одна маленькая искорка надежды на их большую значимость ведёт их красной нитью

по прямой дорожке. Это их собственное значение.

– Это ещё ничего, парни. Самое страшное, что с нами могло случиться, это вечный солнечный полдень. Не знаю, я бы уже давно с ума сошёл. – отшутился Кирилл, подбадривая дрожащих ребят позади.

Сухая жёлтая трава была повсюду. Запрыгивала в ботинки и хрустя, останавливала уже налаженный шаг призрака, раздражая его всё сильнее и сильнее с каждым новым тёмным метром протоптанной дороги на снегу. Репейники доставали ничуть не хуже. Действовали они не в одиночку. Сгруппировавшись в пару из одного десятка, они обхватывали ткань своими колючими руками, до последнего не подпуская к себе быстрые и яростные взмахи утомлённых нелёгким путём людей. Всё пройденное и оставленное позади, навевало знакомую с детства картинку, где желтеющие кусты и трава, почти скрытые за высокими сугробами, являли разуму уже давно затихший беззаботный детский смех после игры в снежки. Глубокий меланхолический звук вещей. Запах мокрых вязаных носков на батарее. Боль от связывающей рукавицы белой резинки. Сжигающий утреннюю тьму уличный фонарь по дороге в школу. Что-то теперь навсегда было утеряно. Утеряно не только для людей, живущих в настоящем, но и, возможно, уже и для людей, рождённых в дыму, чьи глаза никогда не увидят снегопад на фоне горящих

школьных окон. "Вернёмся ли мы назад? К тому времени, где всё происходящее уже было кем-то объяснено. На что я только не готов, чтобы как раньше посидеть под входной дверью в сыром подъезде, слушая поющие лампы над собой. Всё меняется. Надо бы и мне уже подстроиться под новую карту тьмы".

"Иногда я могу просто вылезти из своего скелета, взмыть над землёй, и посмотреть на мир пустыми невинными глазами, понимающими абсолютно весь тот хаос, что творится за спиной. Всё сводится к самым простым вопросам, с самыми примитивными ответами. Всё становится ясным. И от этого же отвратительным. Думаешь... А зачем? Никаких ответов люди не дают. Встречаясь с ними, вопросов становится ещё больше".

– Совсем скоро будем у автозаправки. Филипп, не отставай от нас. Будь начеку. – "это цель Влада. Автозаправочная станция, которая к нашему приходу, будет уже именоваться как "заброшенная и покинутая абсолютно всеми автозаправочная станция. Цена оплаты спасения призраками моей жизни. Важны были наши с ним взаимоотношения на пути к его цели. А моя, уже прошлая, вторая цель нашла нас самих".

"Кажется, Влад отстранён от меня как-никогда раньше. С чего бы вдруг? Он соблюдает относительно большую дистан-

цию между собой и впереди идущим Кириллом, не переставая держать руку как можно ближе к болтающемуся позади прикладу. Он имеет на это все возможные основания, но оправданы ли они?" .

Измученные бетонные колонны и плиты, уже давно оставленные на затворах карты воспоминаний за спинами молодых людей, доживали свои последние альтернативные секунды существования в образе исходящего из-под земли эха, что так заботливо сопровождал души на их собственном пути.

– Офигеть! – кричит отпрыгнувший назад младший военный, – гляньте сюда парни.

Ещё не успевший скрыться под слоем снега труп человека, мягко говоря, слегка шокировал случайно наткнувшихся на него. Труп и труп, как сказали бы многие...

– Это скафандр? – подойдя ближе, все увидели выглядывающий из-под расколотого шлема голый череп.

– Астронавт... – "нашивки на рукаве была с тем же символом, что и на брошенных военных контейнерах, но только он был перевёрнут. Перевёрнут не специально. Он был пришит таким кем-то специально. Чтобы это могло значить?" .

"В любом случае, долго над бедным космонавтом мы не стояли. Бросили после второй минуты. Счёт времени отличался от того, что был с нами в первую половину пути. Будто, что-то изменилось. Перевернулось".

Скрежет металла, подпрыгивающая в воздух пружина, качающиеся стальные провода, глухое падение на землю массивных предметов и ещё богатое множество звуков находилось всё время где-то неподалёку, как бы, не переставая напоминать всем заблудившимся об их первом месторождении. Вместе с этим, не покидающее ощущение присутствия личности в пустом поле перед собственным домом не отпускало постоянно проносащиеся в голове мысли о побеге. Сферы, контуры кругов, искажённые материальные и нематериальные объекты. Всё это составные части матовых монолитов на нелинейной плоскости горизонта, за которой представление этих вещей переворачивается с ног наголову для наблюдателя.

Автомобилей никто уже давно не видел. "Наверное, здесь и заканчивались последние попытки людей спастись. Ни вещей, ни признаков раннего присутствия. Абсолютно ничего". Пустошь. "Ни сказать, что это было плохо. Но и переживать о своей безопасности такое место тоже заставляло". Трасса, мёртвые фонарные столбы, выглядывающие графитовые камни из-под снега. "Даже как-то беспокойно думать, что в этом нет ничего необычного...". "Снег перенимал си-

ние оттенки от наших светящихся палочек, с тенями которых было любопытно поиграться у всех за спиной. Грязная и плотная белая масса становилась твёрже с каждым нашим новым шагом". Ни льда, ни сугробов.

Кое-где, всё-таки, вода поднималась кверху, и, раскалывающая плиты снега, уносила их неспешным течением куда-то в конец своего широкого ручья.

– Что... Что это у меня в сумке? Почему здесь такой порядок?

– Это я сделал. Подумал, что тебе, наверное, так будет удобнее, ну, вот и переложил почти все вещи по своим карманам. – дрожа выдавил Филипп, готовясь к худшему.

– Ты рылся в моём рюкзаке?

– Формально, он всё ещё мой... – Кирилл понял, в чём тут дело, и уже предположив у себя в голове исход диалога, предпринял попытку остудить приятеля, встав между парными.

– Заткнись! Для вас, возможно, это и беспорядок. Я уже запомнил место каждой вещички, а ты всё перемешал. Ну, надо же было тебе это сделать. – воскликнул призрак в крайнем раздражении. Кто-то вторгся в его личное пространство, и это грубо нарушенное правило выводило его из трудно-настраиваемого баланса. Но, пока что, всё обходилось простыми словами.

Снег вокруг конфликтующих сторон чуть ли не кипел, продолжая создавать удивительные глазу узоры из падающего вниз света горящих палочек. Чёрная краска выливалась из разбитых стеклянных колб, и, встречая на пути к грязи напоминающий яркое голубое небо осколок хаотичной волны, смешиваясь, оставляла на своём месте только что рождённый развод двух красок. Смешение чёрных деталей нового воздуха и вобравших в себя всю причудливую игру небесных картин было рождением новых капель акварельной палитры. Палитры, где каждая отдельно взятая часть превращалась во фрактал. Красивый и бесконечно уходящий куда-то назад.

Тени стали им четвёртым, пятым и шестым мёртвым грузом, аккуратно, но тяжело плетущиеся за их спинами с багажом их же удвоенных и утроенных внутренних проблем. "Было ли нам страшно?". Этих людей позади себя они не узнавали, впрочем, как и самих себя на протяжении всего того семидневного затмения, итог чего теперь куполом навис над городом. "Было тяжело". И жизни их перевернулись, как и планы. "Страшно начинать что-то сначала. Мы всю свою жизнь жили в картонных коробках у чужой тёплой батареи со всегда полной миской еду. А что теперь? Слепые котята оказались одни в холодном и тёмном поле. Чудо, что мы в силах сохранить хотя бы оставшуюся коробку. Или...". Ещё один ноющий гвоздь в руках носил имя размытой и хаотичной грубиянки. Та, что встретила ему, наверное, по чьей-

то воле. В существо их случайной встречи он до сих пор не мог поверить. Всё указывало на обратное. Неестественное.

Искажённые призмой загадочного тумана и летающих вокруг мыслей о выживании тени, оставаясь невидимыми глазу бесформенными воплощениями идей и целей, порой, создавали впечатления иррациональных существ, кажется, не в состоянии даже синхронизировать движения со своими создателями. "А что такое создатель? Кто решает вопрос надделения объекта душой? Человек? А если так, то кто дал ему эту душу? Человек?".

"У меня есть душа. Душа создаёт жизнь. И жизнь, в свою очередь, создаёт душу". Фрактал. Красивый и бесконечно уходящий куда-то назад. "Бесконечное множество капель туши на снегу. Синяя, чёрная, голубая. Так много". "В этот раз, счастьем было видеть тени за стенами грязных домов. Видеть свет. Видеть то, чего так в последнее время не хватает. Мне недостаёт кое-кого ещё. Очень важной фигуры". Казалось, что затяжная ночь разрушится под как-никогда яркими лучами солнца, или хотя бы луны, после столь долгого пути. Маленькая надежда на маленькое чудо было всегда при всех в каждый момент тяжёлой апатии. Это бы изменило всё положение настоящих дел.

Крошки снега уже не сползали после поднятия ноги над лужей грязи. Они прилипали к одежде и старались утянуть в белоснежное море вечного забвения человека неготового к

таким сюрпризам. Маленькие хлопья прилипали к хлопьям поменьше и объединялись в большие горки на почти неподвижных плечах. "Они нисколько не мешали, даже наоборот, приносили в этот пустой мир чего-то живого. В последнее время, я всё чаще стал задумываться о природе окружающих меня предметов. Они будто оживали, освободившись от вечно сковывающих их рамок. С чего бы вдруг?". Тоже самое происходило и с ботинками. Носки их были скрыты под белой тонкой корочкой, так и думающая свалиться после каждого необдуманного шага. "Холодные стальные пуговицы становились всё тяжелее и тяжелее. Если честно, вес их чувствовался очень хорошо. Также хорошо, как и звон от каждого лёгкого прыжка".

"Напряжение было отовсюду. Страшная гнетущая сила прессовала меня со всех сторон, разрушая любую попытку сопротивления". Две сферы вот-вот чуть ли не соприкоснулись, оставляя после тяжёлой для всех мыслящих встречи покалывающее чувство в разных частях тела, имитирующее безопасный разряд электричеством без каких-либо последствий. Звуки смешивались и производили нечто совсем новое. При повороте головы в одну из сторон, можно было отчётливо услышать лёгкий повторяющийся с определённой частотой щелчок. Снова и снова он повторялся, стоило только повернуться влево.

Расстояние между двумя каменными сферами доходило

до самой критической точки, которую только можно было себе вообразить. В образовавшейся щели между сферами место для солнца стремительно заканчивалось, оставляя пыль в одиночку разбиваться об исходящие из обоих красно-синие контуры объектов. Это было красиво. Поля этих глыб от малейшего сдвига и соприкосновения с его иной версией приходили в невероятно зрелищное и завораживающее событие, сбивая с ног которое, стремительно разрасталось по всей видимой поверхности земли.

Головная боль была просто сумасшедше невыносимой. "Я видел, как моя рука расслаивалась на три таких же руки с разными цветами: синим, зелёным и красным. Иногда встречался и фиолетовый, но очень редко. Все три левые ладони то отлетали на небольшое расстояние друг от друга, то возвращались, принимая цвет и форму моей привычной кисти в перчатке. Я уже не понимал, что называть необычным. Кажалось, что я на пару со своими знакомыми сами являлись необъяснимым событием в этом уже устоявшемся мире. Было жутко". Всё становилось похожим на рыбий глаз, откуда можно было разглядеть все формы кружащегося мира.

Устоявшиеся объекты отторгали свои образы, и, выбрасывая в воздух полупрозрачную светящуюся оболочку, расторгали мир с миром, находясь в состоянии не постоянного существования. Сами цвета вокруг были до тошноты кислотными. "Было плохо. Настолько, что мне даже потребовался

отдых и опора, чтобы не упасть в беспамятстве от долбёжки по клавишам пианино".

Разбитая асфальтированная дорога под ногами образовывалась неспешно. "На удивление, большинство фонарных столбов по пути не упали". Спутниковые тарелки на бетонных панелях первого этажа выглядели слегка иначе, отходя от того привычного образа, что встречался в повседневности за стеной дыма. Шов между плитами был как всегда неаккуратен. Он буквально выливался из отверстий на маленькие чёрные трубы, проносящиеся над грязными пластиковыми окнами всё того же измученного первого этажа, а достигая самого низа, утекал за спрятанный от посторонних глаз куском фанеры подвал.

"Неумело сделанное граффити чёрным распылителем, кажется, было долгом каждого школьника в те годы. Да и сейчас, наверное, тоже". Рисунки, если их можно было такowymi называть, были нанесены поверх гигантских трещин, выскакивающие из тех же самых открытых подвалов. Они были грязными ударами молний, ударом бедности и экономии. "Грязных луж вокруг таких домов всегда было больше самого снега, особенно на теневых сторонах, куда солнце в весенние деньки заглядывало не так часто, как к остальным". Крадущие души голые деревья били стёкла и обрушивали на всякого заблудившегося весь свой страх. Они были посажены повсюду. Их тонкие когтистые руки были в состоянии до-

тянуться в тёмном переулке до каждого, надеющегося сбежать оттуда человека, разрушая его надежды отделаться лёгким испугом. "И что было ещё более гнетущим, так это то, что такие улицы преследовали тебя на каждом шагу. Куда не загляни – всюду мрак и грязь. Но что-то в этом было, что-то по-своему притягательное. Огорчало лишь одно единственное – отсутствие тёплых оранжевых лампочек над козырьками подъездов ранним зимним вечером".

Несмотря на оставшийся в целости кусочек дома, вокруг, всё же, царил хаос. И не понятно до сих пор, чем он был вызван. Зелёные лестничные перила, чьи верхушки и часть вертикальных прутьев были окрашены тёмно-бордовой краской. Такой же, во что были перекрашены все ступени и деревянные плинтуса. "Маленькую квадратную плитку того же цвета никто никогда не менял, судя по всему. Она была разбита ещё до разрушения здания". И даже сейчас, в дни, когда счастьем считается обычное стремление продолжать существовать, улыбку вызывает сигаретный пепел, оставшийся на этих самых перилах после многочисленных потушенных об неё кем-то сигарет. "Я чуть не расплакался, когда увидел обхарканную мятую банку из-под кофе с вывалившимися из неё мятыми грязными бычками".

– Нет... – "сказал я, увидев, на чём стою". Совершенно спокойно на земле лежал грубо оторванный кусок какой-то

картины, где так же грубо кто-то сделал в ней с десятков пулевых отверстий. Кусочек масляного неба выглядывал из-под сломанной рамки. "Это было настоящее убийство". Картон под холстом уже достаточно впитал воды, чтобы размякнуть и разложиться. Похоже, это было на бессвязную кучу материала с какой-то глубокой и красивой предысторией рождения, бытия, смерти и возрождения. "Удивительно, в то же время, удручающе".

Неподалёку от разбитой трассы, яркая белая вспышка света, что на сегодняшний день была большой редкостью, разожгла в растерянных парнях пылающий костёр разных бегущих чувств. Абсолютно девственно чистый белый свет. Нетронутый ни тьмой, ни разрушительной рукой человека. С непривычки, белоснежный луч, так сильно раздражающий глаза, пришлось прикрывать вытянутой вперёд рукой. Это был свет не обычный, а доносящий до всякого человека свою бессмертность даже перед всепоглощающей материей, он оставался всё таким же безумно притягательным другом. "Колени дрожали от одного лишь вида трещин в тумане. Настолько властным он был".

При достижении несколько десятков шагов, из окон, совершенно неожиданно, вываливались отражения простых магазинных стеллажей и продуктов на них. Во льду перед дверьми лежал разбитый образ стойки с рекламными букле-

тами и короткими автомобильными журналами, чьи синие краски размывались капающей сверху водой. "Было необычно, честно сказать". Света была много. Был он как в окнах, так и на части белого неба, что закрывало собой бензоколонки. Выпадающий из нашей серой реальности огнетушитель, оставленный здесь кем-то лежать совсем без дела. И одинокий выцветший дорожный конус, годящийся, разве что, в коллекцию старых и бесполезных вещей. От него прежнего же совсем ничего не осталось, разве что форма. Оранжевого в нём и близко не было, похоже скорее на подающий надежды зеленоватый оттенок среди мёртвой жёлтой травы. Светоотражающая лента была халатно и жестоко сдёрнута, оставив после себя незаживающий шрам с засохшим клеем.

Имена спонсоров, пистолеты с трубками, просто гигантский горящий навес над всем этим местом, кричали – здесь автозаправочная станция. "Влад остановился и выдохнул. Кажется, мы на месте. Из-за снега, всё ещё плохо можно было разглядеть какие-нибудь более мелкие детали этого места, посещать которое мне доводилось в своё время лишь пару раз, поэтому переглянувшись с рядом стоящим, мы без слов договорились, что будем двигаться осторожнее. Если есть свет, значит, возможно, он кому-то сейчас нужен. Если нет – хорошо".

Приближение к АЗС было не похоже ни на что-либо другое, что видел в своей жизни Филипп. Сегодняшний финал

представлялся в его голове в необычном для повседневной жизни формате, в кино-формате, если быть точным. Сам по себе, его взгляд, вдруг, принял соотношение сторон четыре к трём, скрывая всю остальную картину мира, которая была не такой уж и яркой, за тяжёлыми чёрными рамками. Максимальное сосредоточение на картинке посредине заставляло его воображение работать несколько иначе, откуда, в будущем, появлялся доступ к закрытым видениям и точкам, с самыми разными цветами. "Нужно умыться".

– Я в туалет...

– Спасибо, всем было очень интересно, куда ты пошёл, дурак! – Влад скрестил руки и закрыл глаза, отвернувшись от Филиппа.

– А ты что тут делаешь? – взглянул Кирилл на убегающую белую простыню.

– Я уверен, что обществу уже нет дела до алкоголя и до тех, кто его пьёт. И вообще, это не твоё дело, ты мне не папаша! – он лишь кисло улыбнулся и попытался поскорее спрятаться от, как ему казалось, навечно прилипшего сноба.

Дверь в уборную захлопнулась с оглушающим скрипом, затмив собой, кажется, шум внутренних потолочных ламп. Страшно грязная плитка на полу отталкивала маленькими лужами и плесенью. Грязь была повсюду, куда не посмотри. Сушилка для рук была полностью в исправном состоя-

нии, что радовало парня. Той же радостью были чистые белые раковины, чуть слепящие своими отражающимися бликами. Шум исходил от каждой трещины и скола на стенах, из любого неосторожного прикосновения, от чего угодно.

Невыносимо печальная реальность увиденная смертными глазами не совсем схоже с тем, что представлял себе каждый страдалец. В чём была та награда всей той жалости, что он испытывал? Безмолвие и тянущееся страдание. Удушающее чувство горя ломало, и так же скрытно оно было, как проявление агонии. Он ревновал к пустому небу за его способность слушать и не отвечать, за его чистоту и невинность. Но голос его был по-прежнему беззвучен.

– Не самое ли время извиниться? – спросил Кирилл.

– Тебе достать пива? Здесь его много. Тёмное, светлое, безалкогольное, чего хочешь? – после встречи глазами, они оба замолкли на какое-то время, – что?

– Мне кажется, ты что-то скрываешь.

– Желание вмазать тебе по лицу, ты об этом?

– Страх. Ты боишься.

– Тебя что ли? Ты слишком высокого о себе мнения, забудь.

– Не меня. Ты боишься себя. Спорим, ты этого парня ни разу другом не назвал? Я уверен, дым и смерть для тебя не так страшны, как настоящий Владислав.

– Хватит!

– Вы оба закрылись от возможных угроз, которые могут преследовать окружающих от вас. В чём-то ты прав, знаешь, они не подадут руку в тяжёлый момент, но дадут понять, что у тебя есть свои.

– Заткнись! – вскоре, зелёные осколки разлетелись по всему отделу, отражая разлитое пиво и летающее в воздухе огорчение.

– Продолжишь держать это в себе – сгоришь. Я не прошу извиниться передо мной, прости себя.

– Кажется, мне не хорошо... – Влад прикрыл свой рот руками и убежал в туалет.

Легко ли отпустить чувство падения в бесконечную бездну? Возможно ли прекратить, как нам кажется, небезнадёжные попытки дотянуться до невидимого нашему глазу выступа, что станет нашим спасением? Легко ли смириться, отпустив всё сейчас, ведь, уже ничего нет в наших силах.

Филипп осторожно покинул туалет, стараясь не сбивать наконец-то нормализовавшееся дыхание Влада в соседней кабинке, чьи отчаянные попытки очистить свой организм заканчивались слезами и кашлем, но, вдруг, остановился. Он развязал платок на своём рукаве, и, поднеся его к раковине, смочил холодной водой. "Нужно постучать и предложить платок, чтобы ему было не так плохо".

– Чего ты там стоишь? Хоть бы спросил, чем можно помочь. Проваливай, и без тебя тут тошно...

Дрожащие руки парня уже были у двери, на плитку падали капли с мокрой ткани, а в голову закрадывается страх. "Да как он смеет", подумал огорчённый Филипп, раздумывая над своим следующим шагом. Кабинка открывается, и перед собой он видит сидящего у унитаза Влада, кожа которого была белее настенной плитки, а глаза отражали всю подступающую к горлу боль. Но жалко его в тот момент не было.

– Хочешь что-то сказать? – призрак поднял голову вверх, – говори! – прокричал он, не услышав ответа, – я был прав, ты всё такой же трус! – в ту же секунду, Филипп, не смотря на состояние своего приятеля, схватил его за куртку и прижал к стене, по-прежнему сдерживая кулак в жалких сантиметрах от его лица, – до меня только что дошло, ты здесь только потому что боишься сдохнуть в одиночестве. Прячешься за спинами тех, кто по глупости ещё тебя не убил. И никакую девочку ты не спасаешь, ты бежишь от смерти. – удар. тяжёлый, глухой и точный. Дверь вот-вот бы слетела с петель. Рядом никого. Затем, последовал повторный, ещё более яростный удар в ноющую грудь Влада, после которого он уже не мог подняться и показать свою хваленую стойкость.

Но этого Филиппу было недостаточно, он увлёкся. Пиная хрятящее тело, его уже никто не мог остановить.

– Ты стал зависим от одиночества, я понимаю. Ты в смятении... – крохотные слова хоть и были сказаны искренне, но были не настолько громкими, чтобы прекратить избиение. Нужно продолжать, – ты одинок, и никто даже не может знать, какого тебе, или... Я знаю. Я не справляюсь, не могу держать всё в себе, но не показываю этого. Мне трудно смотреть на всё это, понимая, что рано или поздно, останусь один. Зачем тогда вообще стараться? – теперь оба в слезах, оба почувствовали то, что так усердно прятали друг от друга. Но Филиппу ничего не остаётся, как выбежать из этого места.

Уходя, он заметил кричащую дыру в соседней приоткрытой двери. Старый слой краски потрескался, расходясь длинными трещинами по всей поверхности, заходя даже в полую часть. Крупные осколки картона были вмяты внутрь, откуда уже и осыпались, оголяя достаточно крупное отверстие.

В это же время, оставшийся один Кирилл продолжал коротать время, разгуливая между почти пустыми стеллажи. Но всё, на что он натыкался, были запечатанные коробки, вываливающиеся с нижних полок, и чёрная плесень, прилипающая к ботинкам. Всё это напоминало ему лабиринт. Хо-

лодный, тесный и запутанный лабиринт с неизвестной наградой внутри.

Горести и застывших людских дел полно было в каждом пролетающих перед глазами объектах; будь-то он свет или тень, будь-то мал или, наоборот, страшно велик. Принятие чего-то давящего было непосильным испытанием не для всякого сомневавшегося в себе человека. Где они? Где они, не встретившие истину? Заключённые во мраке, сброшенные на вечные самопознания через гнев, тепла в любви не сыщут. И один путь им дан – любить себя. Сила интроекции, как думало большинство. Сожалений полны глаза каждого без исключений и так они прощаются со всеми. Ярости момента был полон и прилавок кассы за разброшенными повсюду мятыми коробками.

Всё яростно раскидано по углам помещения, перевёрнуто, или вовсе же разбито. Больше количество продуктов осталось на своём месте, что означало небольшие неприятности для всяк входящего сюда гостя. Предметом спора было нечто иное. "Разбитое стекло", подумал нагнувшийся к плитке Кирилл, "но окна целые...".

Свет ламп окрашивал снег в слегка зеленоватый оттенок, подчёркивая его уже совсем иное происхождение для этого мира и для этих людей. Свечение, что он отдавал, слепило и раздражало. Что-то вело молодого военного на улицу, возвращая в мрачный мир ужасов, предоставляло новые кусоч-

ки пазла. Но если внутри было более-менее тихо, никто не кричал и не бежал, то вот всё окружающее глаза никак воспринимать не хотели.

Мокрая, мрачная и удушающая тьма, догма. Тюрьма для обвиняемых. Беспросветная стена пыли и пепла, если не убивала до своего неизбежного прихода в семидневном затмении, пыталась покончить с человеком, по достижению созданных им объектов уже разорвав материнскую матовую клетку в море Дирака. Как нечто очень глупое, оно без раздумий стремилось всё собой занять. И обретя разум, научилась дёргать за невидимые другим красные нити. Она есть жизнь, она есть и смерть. Родившись в этом мире, и в этот мир спешит родить. Открытие графитового колодца означало рождение для одних и безжалостную, но справедливую смерть для остальных. Это было всему начало, но и в то же время, всему конец в пространстве Клейна.

В настоящее испытание выливались обычные походы из одной части помещения в другую, будто, пульсирующая волна, всё никак не сбившая с ног ослабленных людей ранее, пыталась со всем покончить уже в настоящем. Скольжение резины о плитку доносились до ушей ярче обычного, что не могло не беспокоить. "Что-то упало? Похоже, это доносилось из уборной", подумал раскачивающийся из стороны в сторону Кирилл, упуская землю под собой. Ему страшно.

"Только не радио!", прошептал он, "Оно сведёт меня с ума".

Похоже, мысли о распаде сбивались из-за стремительно приближающегося рёва автомобиля, чьё безжизненное вращение спущенным колесом превращалось в твёрдую и достаточно видимую опору для исчезающего сознания. "Что это за звуки?", Филипп отдёргнул руку от отверстия в двери и сложил кусочки картины воедино. "Кто-то вернулся". Что набор ярких звуков, что сами наполненные не самыми приятными деталями помещения являлись ко всем по-разному. Мотор, даже по прибытию к АЗС, не думал затухать ни на секунду, представляя, как очень мерзко и медленно пронизывая стенки дрожащих душ по ту сторону стен, он вырывал их сердца к небу и там же зверски разделявал их над адским пламенем. Прошло, по ощущениям, две, три, четыре, пять минут, но даже после истечения такого большого количества времени, из машины никто не вышел, будто крича нам, что железо на колёсах прибыло сюда по своей собственной, честно полученной воле. Влад, в то же время, показывая заботу к спасшему его помещению, продолжал харкать кровью в унитаз, вытирая каждую случайно упавшую каплю своим собственным рукавом, узнав о госте, только через приоткрытую Филиппом дверцу туалета. "Почему он так спокоен? И кто сюда приехал?". Продолжением эмоционального состояния призрака выступал размазанный красный фрактал; одна капля крови была продолжением последующей и одновременно концом предшествующего ей первичного океана. Пятьдесят

две единицы – предел, где-то он был ярче, а где-то был, сравни с туманом.

А дворники, сметающие мокрый снег с лобового стекла, всё скользили и скользили с характерным для них скрипом, что было не совсем приятным дополнением к непрекращающейся работе и не без того громкого двигателя. Казалось, что сами лампы подхватывали искорёженный темп автомобиля, делая из его устрашающей песни выход из смертельной игры. Вакуумом было накрыто всё внутреннее помещение автозаправки, что означало самую низшую позицию для всех запертых там людей, не оставляя им иного выборы как действовать в очень жутких рамках маленького замкнутого пространства с одним единственным заблокированным выходом. Обе стороны ждали друг друга первого смелого шага с последующим приветствием новых лиц, но также сильно, как и, желая увидеть иного человека, они были готовы продолжать оставаться на своих безопасных местах. Кто они? Один вопрос, доносящийся из двух разных мест.

– Не трогайте дверь, за нами следят! – прошептал Кирилл, упираясь спиной к стене. Выглядывать на улицу он даже не пытался, всё равно ничего не разглядеть, но услышать приближение он был в состоянии. Важно было создать тихую и безжизненную атмосферу для прибывшего, чтобы заполнить для себя эффект неожиданности в случае нападения.

Есть шанс, хотя бы, дать отпор.

Шесть, семь, восемь минут прошло, но никто так и не появился. Нетерпение просто распирало молодого военного, чьи кулаки посинели от силы сжатия, он просто кипел, когда ничего кроме работающей машины за окном не слышал. Этим местом правит ненависть, которая для своего удовольствия творит, то, что можно уничтожить. Но что это? Оглушительная автоматная очередь разбила не только стёкла с витринами, но и, кажется, успокоившиеся мысли парней внутри. Осколки стеллажей и продуктов разлетались по всему залу, медленно превращаясь в кашу. Выстрел. Ещё одно короткое касание курка автомата полностью разворотило все стеллажи, находившиеся вблизи кассы. Стрельба прекратилась, в отличие от хрустящей плитки и выливающейся из продырявленных канистр воды. Парни вывалились на пол из уборной, и накрыв голову руками, осторожно подползали к напуганному Кириллу.

Жёсткие сапоги бродили вокруг машины, не оставляя пробелов между перезарядкой автомата, напоминали незваным гостям, что хозяин дома, и лучше бы им убраться отсюда самостоятельно. Решать нужно немедленно.

– У него шок, вообще не реагирует! – прокричал Влад, – хватай мою винтовку, живо!

– Я? Я не знаю что делать. Я боюсь. – тяжело ворочая языком Филипп снова углубился в рассмотрение образа человека по пулям на полу, не заметив своих рук на холодном прикладе ружья. Но только стоило ему моргнуть, как вся плитка вокруг окрасилась стекающей с его шеи кровью. Молодой человек беспорядочно махал правой рукой, безуспешно пытается вернуть всю вытекающую из него кровь назад. И только пощёчина Владиславом выдернуло Филиппа из воспоминаний в реальную жизнь.

– Трус, пошёл вон! – Влад отдёргнул автомат кровавыми трясущимися руками, но встать ему не удавалось, не утихающая боль после его избиения якорем держала на полу.

– Нет, дай мне!

Подросток оттолкнул от себя призрака, схватил в свои руки оружие и, готовясь стрелять, выскочил на улицу с душевраздирающими криками.

Мокрый снег стучал по лежащим на холодном асфальте осколкам окон, образуя блестящие лужи под ногами и создавая преданную забвению мелодию, дополняющуюся звоном металлических навесов.

Выйдя с автозаправки, Филипп старался всегда держать руку около кармана, боясь случайно не упасть. Хруст стекла под ботинками пронёсся громким эхом по всей голой трассе, оставив оглушающее воспоминание о недавнем падении, напомнив обо всех пережитых в тот момент эмоциях. Шмыг-

нув носом и поправив воротник, промокший до нитки парень, пошёл в сторону рычащего автомобиля.

Недавний эпизод с обезумевшим военным не стал чем-то облегчающим, наоборот, разделив мысли надвое, он породил собой проскакивающее на секунду бессилие, сменяющее собой печаль и ужас перед неизвестностью. Вопросов становилось всё больше и больше, а ответы были размыты или вовсе не найдены. Размытым казался и изменившийся взгляд Филиппа на окружающий его новый мир и на вещи, что в нём теперь являются нормой. В таком же расфокусе предстала фигура загадочного человека за открытой дверью, чей силуэт, сливаясь со снегопадом, становился с ним почти единым целым. При попытке рассмотреть неизвестного, в голове возникали разные ассоциации, и первая из них, доминирующая, являлась шумом старого неработающего телевизора, преподнося выжившего как нечто загадочное и даже мистическое.

Филипп здесь не один, и он это понимал. Где-то неподалёку есть как минимум один человек, имеющий при себе огнестрельное оружие, чуть не застреливший без какой-либо жалости беззащитных детей. Стоит ли после этого продолжать идти?

Он был полностью отчаян и сломлен, в этом он видел правду и высвобождение от зла. "Я не был счастлив, вот, что я хотел этим сказать. У меня нет выбора, у меня есть только

это. Больше я ни на что не гожусь. Я ненавижу себя. Никому не нужен!". Оказывается, конец пути был не таким ярким, каким его себе представлял этот мальчишка. Нет ни тепла, ни людей рядом. "Сколько бы мы не собирали вокруг себя людей, умираем мы все в одиночестве". В самопожертвовании он видел свет. Свет для себя, ведь ему больше не придётся переживать за собственную жизнь и жизнь близких, за жизни тех, кого он мог спасти и кого не спас. Полное очищение и избавление от всех проблем, которые закончатся с его концом. "Я уже давно не тот, кто я есть на самом деле. Что плохого в том, если я хочу хоть раз быть полезным кому-то? Влад, Кирилл, пожалуйста, помогите мне! Лиза...".

Резко появившаяся боль, будто изнутри, широко открыла ему глаза, и, продолжая разноситься от головы ко всему остальному телу, вырубала. До падения возможно было почувствовать колющее чувство на кончиках пальцев, но осознание пришло быстрее – удар прикладом. Его обезвредили, но не убили. "Почему? Почему? Почему? Почему? Почему? Это не правильно!". Так для него могло всё закончиться, но, к его сожалению, не закончилось. "Почему я остался жив? Почему?", думал он, "Почему мы убиваем людей?".

"Я не хочу жить, но я не хочу умирать. Есть причины на то, чтобы жить, и на то, чтобы умереть. Возможно, я всегда хотел быть бесформенным светом, чтобы наблюдать за все-

ми жизнями без права вмешательства, и за тем, как они же умирают. Что я знаю? Чего я не знаю?".

И небо ревновало, вздыхая, слушая голос наблюдающего, далёкого от отказа смерти. Вечность была его подарком. Какие пытки там, где убить они не смогут. Трещины на стекле перед глазами уж точно не предвещали ничего хорошего что сейчас, что в будущем. Маленькие прозрачные молнии, застывающие в мгновении тяжёлого удара по голове, продолжали кричать после соприкосновения с ледяной асфальтированной дорогой последних рывков на пути к бесконечной агонии, открывая покрасневшим залитым горечью глазам карту всех проделанных к ней путей. Был ли он теперь счастлив? К тому ли шёл он, чтобы так упасть?

Холодное озеро, испускающее пар от ещё жарких утонувших тел, обгоревшая чёрная кора деревьев на пляже, бьющиеся сердца, лёд, снег, осколки, чёрная матовая сфера, рождение, время, смерть. Смерть, время, рождение, белая матовая сфера, осколки, снег, лёд, бьющееся сердце, пляж, обгоревшая чёрная кора деревьев на пляже, холодное озеро, испускающее пар от ещё жарких утонувших тел, тина, плесень, графит, камни, огонь. Где всё это? Распад. Отделяющиеся кусочки тела и разума подхватывали тени, вознося их как можно ближе к чёрному солнцу, смешивались со снегом и с ним же исчезали на тёплых руках человека, смешивались с водой на мокрых перчатках, прекращали парить перед ста-

рым деревянным домом, откуда все звёзды с ночного неба, оставив после себя лишь пепел, уже давно ушли. Шум бьющегося о льдины ручья, капающая на ткань кровь, треск падающих деревьев, пустота. Что-то страшное и очень большое надвигалось на хрупкие умы людей. Освобождение от одежды, тепло рук, свет, утренняя свежесть и любовь. Холодок по телу представлялся совместной игрой гитары и трубы, дыша где-то очень далеко.

Руками, что он держал последний разбитый осколок тёплого вспоминая о стремительно разрушающихся беззаботных днях, ими же, закапываясь всё глубже и глубже под землю, скрывал от вечно преследующих его глаз своё маленькое бьющееся сердце. Один выстрел, всё-таки, донёсся с той стороны, но он был ближе всех предыдущих, после чего всё затихло.

Парой лёгких пощёчин, призрак добивается возвращения парня в реальность, присматривая за ним, сидя на полу.

– Я не хочу твоей помощи. Всё и так достаточно плохо, я и так уже создал слишком много проблем. – вскрикнул Филипп, открыв глаза.

– Почему ты всё ещё жив?

– Я не знаю.

– Конечно да, ты даже не пытался понять чувства тех, ко-

- му повезло не так сильно как тебе. Почему ты хотел умереть?
- У меня не было выбора... – апатично отозвался Филипп.
 - Пожертвовать собой сейчас легче, ведь, чужая боль принесёт только больше страданий.
 - Ты – не я, и не знаешь, что со мной происходит.
 - Плевать, не будь меня здесь, ты собираешься и дальше ничего не делать? Осталось всего ничего, буквально последний рывок. Разорви этот цикл, ответь себе: почему ты до сих пор жив и ради кого?
 - Я не хочу вспоминать весь этот кошмар, пожалуйста, остановись, прекрати!

Влад схватил плачущего парня за куртку, прижав к стене, вскоре ослабил давление, понимая свою ошибку, и сказал:

- Ты бежишь от своих проблем, смерть для тебя самый лёгкий путь покончить со всем этим, поэтому ты так рвёшься к ней навстречу. Идеальное время никогда не наступит.
- Почему я не могу бежать от проблем? Что тогда мне ещё делать?
- Ты только и делаешь, что сидишь и ждёшь, пока кто-то придёт и поможет тебе, но что ты для этого сделал? Ты жалкий трус и эгоист, в прочем, как и я...
- Что?
- До дыма я натягивал по тысяче слоёв одежды на себя так, чтобы ничего кроме лица не оставалось открытым. Ни-

когда и никому не смотрел в глаза, когда гулял, а сердце сумасшедше колотилось даже при коротком разговоре. Я жалок. Я боязливо принимал попытки доверять, как и ты, уже даже не пытаясь, подать кому-либо руку, сбегал обратно в мир собственных фантазий, не замечая собственную ранимость. Мы оба хороши, понимаешь? Но как я уже сказал: не обязательно оставаться одному. – закончив, Влад заметил одобрительно кивающего ему позади Кирилла, который, в свою очередь, не спешил вмешиваться, – Я ужасный человек, я натворил столько зла, и ненавижу себя за это, но сейчас, я прошу своего друга простить меня.

– Правда?

– Ну, же, дурачок, поднимайся, – улыбнулся он, – а то я ведь и передумать могу.

Чёрное озеро, волны, силой выпрыгивающие из вынырнувшего горячего обнажённого тела, сияние чистой кожи. Знакомое чувство удовольствия через фантазии доводило кровь в руках и ногах до состояния невероятного кипения, что заканчивалось извержением настоящего и неподдельного счастья. Открывая глаза, света становилось больше, ладони теплели, а поток мыслей успокаивался. Жёлтые листья, что так часто падали с почерневших ветвей деревьев, закрывали собой расплывающиеся по всему телу яркие блики, и сползая к воде, уходили на дно вместе со всеми разбитыми бетонными осколками. Уровни воды темнели, касаясь ки-

стей, уходили, прятались и даже замирали, когда босые ноги ступали на сухие камни. Среди всей этой красивой картины нехваткой одного единственного, того, что является неотъемлемой частью этой окружающей и дождливой природы казалась обычная женская грудь, скрываемая мокрыми русыми волосами. Но и без того, щёки и нос, покрасневшие от холода, дополняли чуть заметные веснушки на лице молодой девушки, превращая этот образ во что-то невероятное. Истинным желанием было ловить мелькающую улыбку этого человека, наблюдая за тем, как он совершенно беззаботно дышал, испуская тёплый пар.

В Нем была жизнь, и жизнь была свет людей.
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

Всем своим телом можно было прочувствовать дрожащую от ветра траву, которая играясь, щекотала ноги и грудь даже через плотную куртку. Она будто неугомонный ребёнок пыталась поднять с места неохотно поддающееся тело молодого человека. Посреди уже почерневшего поля как луна в пасмурную погоду лежал счастливый и принявший позу эмбриона парень, который, наверное, из вежливости не просил своих друзей уходить.

Наконец, сухая трава всё-таки смогла выдернуть его из эйфории и вернуть в настоящий мир, каким бы пугающим и страшным он не был. Открыв глаза, парень не спешил дви-

гаться, потому что не до конца понимал происходящего вокруг, списывая это на ещё продолжающееся сновидение, от которого он не полностью отошёл. "Нужно идти", подумал он. "Салфетки выброшены, а правая рука вымыта, надеюсь, никто ничего не скажет".

– Что это? – опешил Филипп.

– Рукопожатие – закрытие нашей сделки, помнишь? Ты помог мне, а я тебе.

– Значит... Прощаемся? Навсегда?

– Не вздумай плакать, слышишь? Мир жутко тесен, помни это. Кто знает, может быть, это ещё далеко не конец.

Владислав снял с себя уже даже близко не белую ткань со своей головы правой рукой, и, показав лицо молодому военному, растрогался.

– Ах да, Кирилл... – растерянно заморгал призрак.

– Не стоит, правда, рана это пустяки. Ты нашёл в себе силы измениться и простить самого себя. Чего уж там, завёл просто замечательного друга, это важнее.

– Спасибо. – он с грустью покачал головой и отступил назад.

Но Филипп не спешил так скоро расставаться с другом, питая надежды на хотя бы ещё секундный контакт глазами,

ОН ОСТАНОВИЛ ЕГО СО СЛОВАМИ:

– Я знаю, что ещё не раз упаду, но я снова хочу видеть людей вокруг себя. Я верю в те чувства, что я испытал рядом с тобой также сильно, как и в их реальность. Спасибо тебе, Влад, спасибо за всё!

– Эй, когда вернётесь, дашь мне номер своей Лизы, ладно? – выкрикнул он, прежде чем скрыться в неприглядном тумане.

– Да ну тебя, ни за что!

Колония несовершенных существей. Разъединённые от своего места, не снискавшие себе спокойного существования, ничего кроме боязливого вперёд навстречу тёмной неизвестности шага им не оставалось, и даже меньше: ничего кроме этого им и не оставили, прежде чем столкнуть с неизбежным. Морозящий дождь, снегопад, реки крови, все, в конце концов, достигло своего максимально допустимого воздействия на пролетающую проекцию человеческой души, чей неразличимый спектр способен был погрузить целые миры в бесконечно движущуюся тьму, совершенно предсказуемо, сработал против неё. Всепоглощающее пустое забвение, было единственным страхом всего человечества. Омертвление света и принуждение в познание тьмы уставшими глазами, где осознание боли причинённой приходит только через боль приобретаемую. Это их последний день, так с ним они

прощаются.

Мысли в голове бегали, неосторожно задевали уголки с хорошо спрятанными воспоминаниями о настоящей дружбе или о первой и сильной любви, обходили стороной уже подправленный всеми совершёнными ранее ошибками эмоциональный интеллект, остерегаясь случайного непоправимого обвала. Не долго думая, он поднял голыми руками горсть снега с капота ярко-красного автомобиля напротив, сжал её в разбитый кулак, и предвкушая приток ранее спящих чувств, осторожно запрокинул голову в маску назад. Это было удивительно наблюдать за возвращающимся к яркой и полной ярких впечатлений жизни человеком, чей недавно прожитый короткий кошмарный опыт перечёркивал, кажется, ну, абсолютно всё.

И почему ему, не быть закрытым ото всех во тьме, что приняла одного его? Правдив ли он тот путь, что высечен ножом? Чёрным мхом покрыт тот путь, откуда возвратился он. И лучше всяк забвения боль, страдания и души огонь.

Таянием снега горячими ладонями было всё объяснено. Его голова наконец-таки опустела до полного беспамятства и оторвалась от пугающей реальности. Что теперь есть вода? Что теперь есть её источник?

И нет, и не было ничего более ценного, чем вид застыв-

ших красных линий на пожелтевшей мятой бумаге, их путь, их вопрос придавал дрожащим коленям сил, а с закрытием век – смывался вместе со всеми чернилами. Кое-где, рассмотреть приближающиеся к новой жизни ветки или стебельки всё-таки было возможным, несмотря на отсутствие какого-либо пространства, занимаемое абсолютно неподдающейся объяснению чёрной материей. Она была бескрайней, бесформенной и безымянной точкой на этой же самой карте, бесконечно расширяющейся с каждым новым смелым движением в любую из её сторон, будто, представляя свой личный и ранее не виданный механизм самозащиты от грубо вмешивающихся в неё разрушителей. И чем больше кто-либо пытался осмыслить природу существования этого явления, тем ярче и правдоподобнее становилась теория о полном перевороте существования всего и вся: кто теперь для кого является чужаком? Кто на самом деле вторгся, на чью территорию? И чем всё закончится для занимающих низшую позицию во всей этой новой системе?

Он предупреждал, терпеливо ожидал ответа с поверхности, вмешивался, и не оставляя другого выбора, в конце концов туман гневно обрушился на головы ничего не подозревающих людей. Цена за сохранение даже хотя бы собственной жизни была велика и также страшна, как сама потеря этой самой жизни. Мир, ещё даже до прихода вечно царствующей ночи, полностью погряз в хаосе, терзал самого себя

на маленькие кусочки и убивал, ярко демонстрируя свою сохранившуюся кошмарную сторону. Ощущения были похожи на то, что он стоит посреди бесконечной дороги, где-то вдали от здравых мыслей, казавшиеся такими из-за тумана и того абсолютного безумия во всех окружающих вещах. Вокруг не было буквально ничего, он был один в этой темноте, а в голове лишь еле доносящийся и не утихающий колокол. Нет сил больше это терпеть. Парень поднялся с впитавшей жар тела земли, затянул ремни своего противогаза покрепче и немедля осмотрелся, покрутив головой. Ожидающий его у выхода из АЗС друг, которому он доверяет, устроил показуху, стуча указательным пальцем по несуществующим наручным часам, как бы, поторапливая. "Хорошо", сказал Филипп.

Ему теперь здесь место есть, он совершенен, открыт и по-своему счастлив, аккуратно заполняя свои пропуски новыми моментами. Возможно, он заново полюбил Лизу, возможно, вновь влюбился во Влада, а может быть и вовсе научился по-настоящему любить себя за настоящее, а не бессмысленно казнить за каждую выросшую на почве тёплых, как ему казалось, воспоминаний ошибку прошлого. Он есть собирательный образ на основе разных интерпретаций его знакомых, окружающих его материальных объектов, а также, просто-напросто, живой человек со своими внутренними проблемами, которые он, наконец-то, достал, чтобы всем пока-

зять. Долгий марафон по побегу от себя подошёл к концу с подробным пересказом всего своего листа недостатков близким людям, которые в свою очередь, поддержали его изменения, приняли активное участие в поисках того самого тепла и уюта, даже находясь посреди тёмного чрева, и, что не мало важно, заново создали такого парня как Филипп. Открыли ему глаза на происходящий поток действий, пусть и ужасных, но настоящих, происходящие сейчас перед ним, держали его бледные ледяные руки на пути к своей цели и остались с ним настолько долго, насколько это было возможным.

– Сейчас, примерно, было бы часов одиннадцать, не меньше. Мы с тобой неплохо так загулялись, что скажешь? Поздновато, но я не чувствую холода. Чувствую только то, что вновь могу всё различать. – лицо подростка посветлело.

– Ну, что, отпустило? – спросил Кирилл, – я крупу гречневую сварил, сядешь, поешь перед походом?

– Ой, прости, я что-то даже и не предложил... Пожалуй-ста, я прошу! – настаивал Филипп, протягивая вперёд банку.

– Хорошо, как скажешь.

Всему своё время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время войне, и время миру.

Вечно балансирующее между полным уничтожением че-

рез громкие звуки и стороной доводящей до удушения страхами гигантских пустых пространств ранее, действительно, было способно разрушать многоуровневую защиту разума неподготовленного человека, но со временем, с адаптацией к новым условиям ультразвук и образы, кажется, и вовсе прекратили свои изошрённые манипуляции от бессилия и неэффективности. То, что до сих пор гложет их – это сохранение внутреннего состояния и противостояние разрушающим их целостность проекциям абсолютно пустого кошмара. Графитовые пики, плесень, туман, всё было способно уничтожить, но главным врагом для всех по-прежнему остаётся сам человек, загнанный в угол необъяснимым явлением, он любыми, даже не этичными, способами будет продолжать бороться за свою личную жизнь, не замечая, как сам погибает. Сбрасывание толстых цепей с якорем прошлого было непосильной задачей для многих, с чем справиться, конечно же, было труднее всего остального. Был ли смысл бежать назад, если конец всему этому один?

Чувство давно забытой лёгкости сильно преобладало над окутывающим холодом, мягко подхватывало руки, поднимало их, шептало что-то на ухо, смеялось. Это было прекрасно, чувствовать себя окружённым тьмой смело улыбаясь препятствиям, что он преодолел за всё это время, наконец-то, их вес чувствовался каждой эмоцией. Весело было перекачивать капли воды с пальца на палец, зная, что всего этого

счастья будет ещё больше, сделай Филипп один маленький шаг против себя. Несмотря на полное отсутствие горизонта, в голове благодаря воспоминаниям составлялась карта местности, пусть и не чёткая, совсем размытая, зато можно было примерно представить, где находится его девушка. Найдётся она – найдётся и спокойствие.

...ибо Он уязвил – и Он исцелит нас, поразил – и перевяжет наши раны.

Глава

IV

Эхо

Девушка специально трогала низ своей большой кофты или поправляла постоянно падающие на лицо волосы, просто потому что благодаря таким простым действиям она оставалась в этом неудобном грузовике и чувствовала себя приземлённой. Помогали этому и изредка подскакивающие на кочках сумки под ногами. Они гремели словно колокола, перебивающие ход мыслей, мешая полностью отключить сознание и погрузиться в собственный мир. Хруст липучек бронежилетов, звенящие стальные карабины на куртке и постоянные беспричинные прикосновения являлись якорями для Лизы, не давая ей покинуть реальный мир. Вода была повсюду. И не спокойно ей было, она кричала. Стонала.

Девушка смотрела на буквально выскакивающие из её го-

ловы идеи и воспоминания, что хватаясь за обгоревшие стволы старых деревьев, без оглядки растворялись в абсолютно кошмарной тьме через маленькое бронированное окно. Ей ничего более не оставалось, как провожать прошлое, сидя на деревянной лавочке в окружении таких же отчаянных брошенных людей и угрюмых военных, мечтая о смягчении тех угроз, которые наверняка уже поджидают её в нескольких километрах отсюда. Вот уже на протяжении нескольких минут она является обычным зрителем без права на вмешательство, заново открывая для себя оранжево-красный закат, то время, когда она просто могла наслаждаться настоящим моментом, и где, увы, всё давно разрушено. Сегодня ей точно уже не до сна. Может быть, потому что она никак не могла перестать просто думать о чём-то, или потому что видела глаза человека в форме напротив, его голубые, живые человеческие глаза. Руки в перчатках, которые потянулись в сумку за мокрой и мятой пачкой сигарет. Достаточное количество визуальных закладок.

– Можно? – тьма пропала за телами обезличенных людей, она осталась одна.

– Чего можно?

Лиза почти не поднимая век указала на упавшую на пол сигарету.

– Не рано?

– Что? – обессиленная тонкая ручка спрятала указательный палец, и огорчённая разговором, девушка отвернулась от человека в форме, – какая теперь разница?

– Всё совсем плохо? – ответа не последовало, только скрещённые руки собеседницы и её убийственный взгляд куда-то в сторону говорили за неё, – ладно, чего уж там, возьми эту, она сухая, – но и снова никакой реакции на его предложение, – ну и бука же сидит, сейчас спрячу обратно в сумку и уже больше не достану, последний раз предлагаю, будешь?

– Да...

– То-то же! – улыбнулся он, – огоньку вот держи, хочешь, забирай себе.

Сдерживать кашель было для неё невозможным, но ещё более невозможным было оставаться в окружении, пусть и исчезающих после неуклюжих затяжек, страшных образов пустого пространства за кузовом грузовика с номером две тысячи восемьсот шесть, медленно сдирающие куски здравого смысла с её хрупкого разума. "Я бесполезная, слабая и никчёмная. Всем без меня будет только лучше и лучше мне будет только в отрыве от всего настоящего, всего существующего за пределами моих личных розовых границ, и любви, в которой я абсолютно ничего не понимаю. Где тот мир, что если не принимал, то, хотя бы, не убивал меня за мой слабый характер, не наказывал за ошибки и просто не трогал

разбитую меня. Не добивал людьми вокруг, не приглашал новых и не забирал старых. Как мне чувствовать себя лучше, если мир это буквально один большой туман? Всё размыто, все лица, все уже по сотню раз пройденные места, воспоминания, которые, кажется, осколками доходят до меня, где всё это? Всё сгнуло, безвозвратно, и я вместе со всем этим, убитая, злая, потерянная, продолжаю предпринимать жалкие попытки дотянуться до несуществующей нити надо мной, пытаюсь забыть этот кошмар хоть на жалкую минуту, чтобы снова не падать. Какая же я жалкая, если думаю, что дальше будет только лучше, как же я ошибалась. Мои страдания будут бесконечными, что ни шаг, то лишение и разочарования. Никто никогда меня не любил и не полюбит...".

– Извини, у тебя пепел на штаны падает, стряхни, а то запачкаются.

– Можно я возьму ещё одну? – перебила Лиза, – ещё одну, последнюю.

– Бери, конечно, но, не знаю, успеешь ли ты, мы уже почти на месте, судя по всему. – молодой военный протянул ещё одну сигарету девушке и продолжал смотреть на неё, в ожидании вопроса о конечном пункте. Но... Ничего.

"Поднимая скрученный табак в бумаге ко рту, мне казалось, что на короткую секунду я сама превращалась в красивое облако абсолютно чистых мыслей без лишних болта-

ющихся конечностей, чувствовала приходящее головокружение и следующее за ним мысленное падение на твёрдую поверхность, сопровождающееся эхом откуда-то сверху. Отделалась от костей, мышц и мяса, растворяла свой мозг в воздухе и лёгким дымом проносилась по всему грузовику. Наблюдала за тенями уже бывших людей в этом грузовике, спрашивала себя, просто была и просто возвращалась. Но в то же время, очень тяжело было сконцентрироваться на чём-то одном одиноком, на предмете или слове, всё превращалось в несвязную кашу, откуда выцепить смысл для меня было уже непосильной задачей. Я уже почти не различима с тем происходящим на улице ужасом, не представляю себя собой без каких-либо якорей и ремней, совершенно не вижу свои руки, не представляю, есть ли они у меня вообще, и если есть, кто ими двигает? Чувствую, что я не настоящая, что у меня не настоящее тело, мысли, идеи, цели, увлечения, эмоции, во мне нет и не было ничего настоящего. У меня этого не отнимали, я сама всё от себя отдаляю, даже когда не желаю этого... Себя настоящую я боялась в своих самых страшных кошмарах, и что теперь есть я? Та, кем боялась стать, или та, кем не стала? Как же я устала!"

"Тьма, тьма, тьма, тьма, тьма. Как же невыносимо видеть её! Невыносимо чувствовать её ледяные руки на своей шее, пока я жалобно пытаюсь набрать воздуха через боль, и нет криками места здесь, никто не поможет, никто не хочет. По-

чему я? Почему именно я? Почему я не умерла в том автобусе, прежде чем ощутить все страдания этого тумана... А почему бы и не я. Жар, пот, головокружение, из моих рук валится весь мир. Почему я не умерла? Почему я умерла?"

– Всё в порядке? – увидев заплаканную Лизу после пощечины, которую она сама же себе и дала, военный уже не мог не смотреть в её сторону и не беспокоиться о хрупкой девушке.

Десятки взглядов были старой ржавой цепью к ней прикованы, сотни слов шёпотом проносились над головами людей, кто-то даже пытался отсесть.

– Она болеет чем то? – спросил кто-то, прячась за чужим телом, – девушка, вас трясёт!

– Заткнитесь! – Лиза приподнялась с места и опрокинув голову назад, тянулась грудью вверх. Это было ужасно, – всё хорошо... Просто... замолчите! – в какой-то момент ей показалось, что стены начали двигаться и сближаться, давя на и не без того разбитого внутри человека, приближая неизбежный приход мучительной истерики, – кап, кап... – шептала она, закрывая глаза, – вот и всё...

Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным

– Двадцать четыре, шесть, восемнадцать, два, шесть, восемнадцать, это две тысячи восемьсот шестой, прошу разрешения на въезд через четыре тысячи двести двенадцатое КПП, как слышно?

– Принято две тысячи восемьсот шестой, ворота открыты, – отозвались с другого конца рации, – шлагбаум поднят, дорога пуста.

И вновь он – яркий белый свет дрожащих ламп наверху, ничуть не согревающий, но достаточно приятный, чтобы вот так просто остановиться над ним и бездумно вглядываться в его беспорядочный шум. "Парочка военных, что сопровождали нас, вскоре после приезда, удалились в скрытый от посторонних глаз коридор, оставив на попечение незнакомцам в химзащите". В этот раз, даже не о какой привязанности речи быть и не могло: их лица попросту не видны из-за устройства и вида их противогазов. "Ладно...".

– Пожалуйста, следуйте за нами и старайтесь не останавливаться. – вежливо сказал говорящий костюм, указывая на второй, закрытый оранжевой плёнкой, коридор. "А что нам остаётся, как не беспрекословно выполнять их приказы? Игры в самостоятельность окончены, и далеко не победой. Мы все дружно кивнули головой, даже не подозревая, что, возможно, за этим углом сделаем последний в своей жизни

вдох".

"Яркие колонны, разметка на бетонном полу, указатели, множество дорогих и никем не тронутых блестящих автомобилей. Мы на автостоянке, судя по всему". Лиза замерла на месте, наблюдая за проходящим через неё потоком пустых тел, извиняться, за что те даже и не думали, продолжая толкать её в маленькие плечи.

– Прошу вас, не отставайте! – сказала вышедшая к ней женщина из ряда людей в белых костюмах. Очнувшись Лиза вернулась на землю и направилась к входу в компании военного, которая любезно решила проводить одинокую девушку к остальным.

В душе мы все глубоко одиноки, сколько бы не было вокруг нас знакомых лиц. Грусть, что мы испытываем далеко не та, что видят для себя её другие, это совсем разное чувство, чувство которое каждый из нас испытывает индивидуально. Почему мы должны слепо верить чьему-то утверждению? Зелёный росток у нас под окном может быть вовсе не таким же зелёным, как видит его мимо проходящий человек, всё субъективно. Никто не в силах понять нас так, чтобы спасти, пока мы сами этого не захотим. Почему? Почему мы так одиноки?

– Возьмите, пожалуйста, а потом передайте назад. – сказал обернувшийся к ней парень. "Он снял с себя куртку и положил в пластмассовый ящик, который протягивает мне".

"Я выглянула вперёд. И вправду, все прибывшие со мной сюда раздеваются перед входом в какую-то яркую комнату. Ну и ладно...".

Набор продуктов мысленных процессов материал, пища для червей в конце времени, холодный и грязный остаток. Символы новых идей из лиц прошлого. Удобрение для нарциссов. Обращённые к нам слова контуров, шёпот настенных часов, ранние листопады все они напрямую обращаются к зрителю с неуловимым моментом настоящего дня и истории. Светоч дней этих прекрасен. Поля. Красные закаты, знаменующие собой тёплое начало следующих суток. Блеск автомобильного капота, лай соседских собак, пенье птиц. Ужасно. Кошмар. Сегодня кто-то мог влюбиться. Площади ограничений советов осей всех показателей сходятся в одной единственной маленькой точке. Пустота. Пустотой этой была создана точка. Анализ совершенства оценки этой детали предназначен для человека знающего место в координатном пространстве эмоций и чувств: найдётся цель – найдётся и путь к ней. Путь, полный незабываемых удовольствий, простых, но всё же.

– Следующий, пожалуйста, войдите! – проговаривали маски перед дверью, и так раз за разом, один за другим, снова и снова повторяли они, любезно приглашая на неизвестную сторону. С чего бы это им? Разъедающий хрупкие ткани мира пар согревал покрасневшие от холода пальцы, нос и ресницы, растапливая кристаллики льда на них. Метели кончились, но всё ещё до дрожи было страшно видеть то, невидимым называют что. Куда бы спрятаться? И Лиза чуть ли в кружку не прячась, держась за голову, страшится холодной руки смерти, – следующий, пожалуйста, войдите! – и вновь и вновь они напоминали, четвёртого, пятого и шестого подгоняли они. Пытались ли они утешить? Непонятно. С чего бы это им?

– Девушка! – донеслось откуда-то сзади, – вы слышите? Проходите!

– Что?

– Следующий, пожалуйста, войдите!

И вот она, стало быть, минута постоянно оттягиваемого момента, устрашающий дверной проём, краски, свет и неугомная попытка бега. Всё, казалось, почернело, побледнело и исчезло на глазах у всех живых и мёртвых, у всех уже давно прошедших через этот круг людей и не людей. Отразилось. Абсолютный мрак перед вечной тьмой, столкновение единиц и взлёт перед падением. Так вот он какой, оказывается, конец? Перепады волн, частиц и всех полей, шаг

навстречу своему финалу делает она сейчас, шаг за шагом приближаясь к амнезии, приближаясь к миру без него. Что ей дорого? Что сейчас отдёргивает её руку? Или... Кто?

Руки были никак не заняты, они были свободы. И она взмыла вверх над головами их, шагала по скользким стенам, будто так и надо, смеялась им в лицо, указывая на сброшенный ею на пол якорь. И никаких цепей, никаких рамок навязанного формата, отнюдь. Она взлетела, и, летая наверху, была свобода. Но... Ненадолго. Ледяная струя на секунду выбила душу из Лизы, также быстро предпринимая попытки вернуть её на, пусть и мрачную, но Землю, люди со шлангов окатили её водой для дезинфекции. Только и всего.

– Следующий, пожалуйста, войдите! – всё закончилось, пора уходить. Но куда?

На полу, на удивительно красивых тёмных столах, в размокших от стекающей с потолка воды коробках, повсюду были новенькие автомобильные колёса. Запах свежей резины стоял ещё на парковке, но не настолько ярким он был, чтобы представить всё то количество, что складировуют его буквально под ногами.

"Принять горячий душ впервые за всё время блужданий в дыму было нечто совершенно удивительным: доведение сво-

его тела чуть ли не до ожогов стоя под струёй практически кипятка выбрасывало из тела все сомнения по поводу существования, дай Бог, следующий час, жить хотелось намного дольше только ради постоянного душа. Сверкающие капли на моём обнажённом мокром теле возбуждали меня саму на какое-нибудь глупое действие, блики на груди и ногах, мокрые волосы, во всё я влюбилась по-новому. Обыкновенная горячая вода вывела с меня не только засохшую грязь, но и нежелание продолжать свой путь, то, находясь под влиянием чего, я теперь, кажется, в безопасности. Отсутствие постоянной угрозы, господи, душ, в конце концов, я снова хочу ко всему прикоснуться своими сияющими руками, снова хочу дотрагиваться до себя и окружающих вещей, снова хочу... Жить!"

– Мы это совсем скоро уберём, но не нужно здесь ко всему прикосаться, прошу. – сказал ведущий нас по коридору военный. "мне же, приходилось постоянно перешагивать через хромированные детали, упавшие после неаккуратных движений людей впереди. Если пару раз это возможно было назвать случайностью, то, кажется, уже после четвёртого и пятого случая люди просто кричали таким образом о своём недовольстве, сбрасывая журналы, кружки и другие предметы со столов на ковёр. А что же до меня, то мне было любопытно видеть, во что за несколько суток пару десятков военных смогли превратить обычный автосалон".

– Куда мы идём? – недовольных с открытым ртом стало значительно больше после протеста с бросанием канцелярии, они не стеснялись выбежать из строя и махая руками буквально раздражать людей в форме, столько сделавших для них.

– Всё в порядке уважаемые, благодаря нашим большим усилиям здесь, в автосалоне, нам удалось обустроить настоящий лагерь для помощи людям, пережившим эту ужасную катастрофу.

– У вас тут повсюду разные стройматериалы, коробки, вещи повсюду разбросаны, ладно вы, спартанцы, но нам-то где отдыхать?

– Не волнуйтесь дедуль, мы постарались создать для вас самые удобные условия для пребывания здесь, пока что, бессрочно. Знали бы вы, сколько раз мы успели друг с другом переругаться, пока с нуля строили здесь комнаты, – он подошёл к двери в фанерной коробке и указывая на неё искренне улыбался, – это немного, но это всё, что в наших силах. Спальный мешок, тумба, но, к сожалению, пока, что без цифрового телевидения... – "что-то никто даже не посмеялся", – шутка! – сказал он, неловко отступая в сторону, – столовая по главному коридору налево, туалет и душ туда же, но направо. Вопросы? – "он ещё спрашивает, их миллион!"

Волосы уже потихоньку высохали, превращаясь во

взъерошенный ужас без расчёсывания, что так активно пыталась сделать руками Лиза, встав позади всех. Её тени под глазами растекаясь создавали впечатления живущий тьмы внутри неё, что вырываясь наружу, разрушала тело девушки. Такими же пустыми, как и обитающая за стенами этого замка темнота были её заплаканные красные глаза. Она могла заплакать снова, но уже в этот раз без слёз. Тело после душа вскоре остыло, принимая залетающую с дыр в потолке прохладу. "Старая одежда смотрелась уже каким-то пережитком, неуместной и неудобной после расслабляющего чистого кипятка, рукава кофты так вообще стесняли движения, настолько неприятно было её снова видеть. Наверное, нужно отдохнуть и переварить новые обстоятельства и этот приют".

– Проходите в ваши комнаты, пожалуйста, занимайте любую, но только одну. – "ладно". Девушка смотрела на исчезающих людей в фанерных коробках через маленькую щель в двери её нового дома. Ей было знакомо провожать людей, сидя далеко от них в пустой, но неприступной крепости, вспоминая о каких-то моментах и событиях из её жизни, которые уже произошли. Почти вот уже пару минут она наблюдает за белым светом в коридоре, просто наслаждаясь моментом. Ей это нравилось.

Лиза лежала в своей кровати из пары досок и спального мешка, наблюдая за бродящими тенями на потолке. Погру-

жившись полностью в свои раздумья, она уже и забыла, что держит край занавески у нарисованного окна, постоянно перебирая её из одной руки в другую. Ей сегодня как-то не спится, может быть, потому что она никак не могла перестать просто думать, или потому что игралась с цветными мелками, которые были разбросаны по всей комнате. Стучащие по дереву капли. Лёгкий ветерок проскакивающий в комнату через открытый потолок игрался с лёгкой занавеской, поднимая её вверх. "Стало полегче, намного. Это хорошо".

– Кап, кап... – шептала она. Волнения штор на ветру всё-таки подняли девушку с постели, лишая зрения, блик от окна ничего кроме её силуэта в этой комнатке три на три метра не оставлял. Красный, синий, зелёный, фиолетовый, жёлтый, все цвета были на этой капле света прожектора, и было это её лицом, многоцветной постоянно меняющейся загадкой, ту, которую она сама не понимает.

Что есть она? Что на самом деле делает Лизу Лизой? Что делает любого человека самим собой? И есть ли у, непосредственно, самого человека право решать за себя и свой силуэт для окружающих? Стены исчезают, нет больше никаких ограничений и подсказок, абсолютно пустое белое пространство, наполненное лишь мыслями автора и идеями, что воплощаются во всё новые и новые вопросы. Кто я? Кто он? Кто они? Кто вы? Всепоглощающий туман, разрушая эту сте-

ну упрямства, протягивая руку, называет нам эти вопросы, терпеливо дожидаясь ответа. День, месяц, годы, неважно.

Их софиты вырывают душу и проецируют на небо, показывают настоящего человека, а не то, чем он хочет казаться. А для кого? Для кого, если всё это лишь часть кошмарного саморазрушения? "Почему, если никому от этого не плохо?". Ей только и остаётся, как стоя у большой яркой неоновой вывески искать свои настоящие чувства по отношению к людям, эмоции, что так давно испытывала, и все ответы на заданные ранее вопросы.

Свет из окна и тень оконной рамы так приятно ложились на толстый старый ковёр на полу, точно такой же висевший, наверное, на стене у каждого третьего ребёнка, куда не лечь и помечтать было просто невозможно. Волосы девушки расплылись в разные стороны, руки свои она держала поближе к своему успокоившемуся сердцу, устала в одну точку и не замечала, как лежала с открытым от удивления ртом. Она приподняла одну ногу, чтобы снова почувствовать пробирающий до дрожи холодок, хоть и ненадолго, но она замечала стену фотографий из своей квартиры. Было необычно снова её видеть. Неужели это то время, когда можно снова беззаботно болтать ногами сидя на стуле и ни о чём не беспокоиться? Возможно.

Картинка, вдруг, резко изменилась, поменялась на вид ис-

порченной старой камеры с невозможным засветом. Сквозь эти лучи было сложно что-либо разглядеть, истинные тела объектов уж точно, но благодаря чётко выраженным контурам, цветам и теням составить примерное изображение было вполне возможным. Предыдущая музыка прекратилась с размотавшейся лентой, а повторное её закручивание и хлопок пластмассовой крышкой создавали странные помехи при воспроизведении. Странно. "Может, снова повторить?". Кассета снова заиграла.

"Я вижу... Я вижу ржавую калитку, кругом снег, слишком светло". Чтобы отделить один объект от другого, нужно было неплохо так напрячь зрение, да и к тому же, пытаясь разглядеть в этих перепутавшихся клубках образов, своё собственное я, при этом, исчезало. "Узоры на оранжевых прутьях хоть и были неплохими, но несли с собой только тоску, то, что ещё не настолько печально, как стоящие за ними могилы". Их было много, ровно столько, сколько людей близко к себе подпустила Лиза в этой жизни. "Меня среди моих друзей не было, жаль...". Разноцветные монолиты высотой, примерно, чуть выше метра окружили девушку, крича ей одни и те же имена, те, чьи она больше всего боялась увидеть на этих камнях. "Почему это не я?". И исчезали они, падая на снег, и ветки деревьев закрывали их.

Коридор, само собой, опустел после объявленного часа сна, времени, когда в другом мире сейчас была бы ночь. "Ко-

нечно, это было очень удобно для сохранения здоровья, не имея ни солнца, ни луны над головой, спать теперь можно как обычно". Закрываются двери и окна, а из источников света остаются одна-две включённые лампочки на одно огромное помещение или коридор, для экономии и безопасного передвижения в случае чего. "Но руки трясутся всякий раз, когда вижу поднимающиеся вверх клубки дыма за стеклянными дверьми салона, кажется, что, не выдержав его давления, они разобьются и впустят сюда волны этого зверя, в котором мы все и утонем. Не хочу снова умирать".

Хруст разбросанных повсюду документов, обычных листов бумаги разносился по всему самодельному комплексу, если можно было его таким назвать, здесь сейчас не самое время бегать и собирать мелкий мусор под ногами, в приоритете человеческие условия существования вне чёрной материи без постоянной угрозы жизни. "Я слышала, как под мой буквально разрушаются гигантские строки уже никому ненужного текста, отчёты, разные квитанции, всё это теперь бессмысленное топливо для печей". А что среди всего этого бумажного мусора точно не было бесполезным, так это кем-то оставленный на строительных лесах блокнотик с надписью на нём: "апокалипсис дал мне вторую жизнь" белым фломастером. "Приятно знать, что для некоторых людей это всё ещё не конец. Кто-то продолжает превращать свою жизнь во что-то приближённое к прошлой".

"Отражающий меня пол знает обо всём этом? Кто-нибудь знал, что так случится?". Стараясь не запинаться об торчащие из каждого угла толстые провода, Лиза всё-таки выбралась с территории жилой зоны, и, продолжая двигаться вслепую в неизвестном направлении, она искала ответы на вопросы. "Ни луж, ни зеркал, ничего, что могло бы напомнить обо мне". Наверное, уже половина первого.

Ей не составило большого труда взобраться на крышу выставленного в главном зале автомобиля, закинуть одну ногу на вторую и совершенно не обращать внимания на все выставленные рядом объекты так, будто ничего кроме этого момента, этого часа, этой машины и её самой не существуют и не будет существовать и следующие часы, если не дни. Красный свет выставленных на втором этаже декоративных ламп был единственным её источником света, тем, что она здесь будет называть новой луной. Звёзд вокруг было не так много, как ей хотелось бы, только потому, что желаний в два раза больше, чем самих огоньков на потолке. Это немного расстраивало. И снова она один на один с бессонной ночью. Что под ней? Авто, которое будет совсем скоро разобрано на детали, ведь, прокатиться с ветерком уже вряд ли когда-нибудь удастся, новые люди, если не их тени, место, что должно быть новым домом, возможности и цели, столько всего нового вытекает из всего старого. "Возможно, оно и к лучшему, что

ничего нет, что ничего старого уже не существует".

– Интересно, насколько высоко поднялся туман? Типа, можно ли взобраться на самую высокую крышу в этом городе и остаться там? – прошептала она вслух для самой себя, всё ещё представляя, что кому-то нужна, – там бы я и хотела остаться. Навсегда. Сбрасывать большой лопатой снег сверху, чувствовать переполняющий моё ноющее от работы горящее тело, в ярости выкидывать лопату куда подальше когда устану, трогать красный от холода нос. Делать всё старое, но чуточку по-новому. По-своему. Может быть, увидеть настоящее небо над собой и провожать каждый день горячим чаем в стальной кружке. Я бы раскрасила стены каждого этажа дома, где буду жить самыми разными мелками и красками, чтобы прям как раньше. Перестать видеть голые ветви деревьев.

Автономная зона в тумане ей, мягко говоря, отвратительна настолько, что при каждом виде даже сигаретного дыма неподалёку в её уже и достаточно травмированное сознание снова закрадывается мысль о бесконечном круге страданий, который никак не закончится. Подобных триггеров она старалась избегать и, по возможности, исключать из своей жизни; убегать или просто предупреждать об этом сдвиге в её голове. Это было ужасно.

Но каждый раз она вскакивала с места с тихим стоном от-

чаяния, не способная отвертеться и спрятаться от навязчивой мысли, что автомобиль под ней может сам по себе вспухнуть, оказаться охваченным ярчайшим пламенем за считанные секунды, где плавящаяся пластмасса и обивка салона превратят девушку в несвязную кучу мяса с торчащими наружу костями, открытой грудной клеткой, словно это расправленные крылья птицы и в тот набор слов, который она уже никогда не скажет. Но никакой смерти, всё это сознаваемо до того момента, пока всё окружение не сменяется цветочным полем. Как же она этого боялась, нисколько самой смерти, сколько той бессмысленной историей, что к этому моменту привело. И что это за жизнь? Жизнь вечных блужданий в потёмках даже снаружи? Никогда так тоска по школе не была сильна, чтобы доводить до слёз. Всё сломалось вместе с Лизой. Всё сломало её.

Нанесённый несколькими взмахами в спешке круг на двери разделял место с криво покрашенным треугольником внутри, предполагая, что в этом есть какой-то смысл или даже предупреждение для посторонних лиц. Этот знак перечёркнут ярко-красной краской, что как-бы означало настроенную враждебность к этому символу или даже к тем, для кого он имеет большую значимость. "А, возможно, это просто зашифрованное слово на недоступном языке военных". Лиза оставила в покое место своих кошмаров позади и решив немного прогуляться по комплексу, изучить каждый его угол для внутреннего спокойствия.

И снова та самая бесконечная дорога. Бесконечная дорога боли, унижений, отчаяния и откровений. Она тихо сидела в затопленном закрытом кабинете, нагло сорвав с дверной ручки перед входом табличку с предупреждением: не входить. Так называемая крышка стола и самая маленькая часть спинки кожаного дивана находились чуть выше самой поверхности грязной тёмной воды, и тоже отражались в ней, тоже отбрасывали в неё свои образы и цвета, всё было, но только одной Лизы снова среди всего того окружения не было. Она существовала какими-то непостоянными моментами перед короткими диалогами с кем-либо, жила в чьём-то поле зрения и только для себя она не имела никакого значения. Пустое пятно на чужой карте. "Шутка", как она думала.

Каждый подобный этой ночи час ей казался пустым пространством с приглушённым синим источником света где-то сверху, одиноким белым матрасом посреди абсолютного ничего, таким же ярким тёплым одеялом, и маленьким испуганным телом посреди всего этого безумного небытия.

Вот, Я посылаю Ангела Моего, и Он приготовит путь предо Мною, и внезапно придёт в храм Свой Господь, Которого вы ищите...

Сухие покрасневшие глаза, неспособные сегодня уже плакать, частые, но не продолжительные зевки, заканчивающи-

еся невольной улыбкой всему видимому свету, и всё это сопровождаемое потерей в пространстве называлось победой сна над девушкой. Как он сам ей говорил: стресса в последнее время было просто выше крыши, но так это больше продолжаться не может. "Кто это сказал?". Да, она видела свой обглоданный личинками труп, да, она видела себя рядом с этим телом, но почему-то всё ещё имела силы делать новые открытия в своей жизни. Когда, если не в самый не подходящий момент? Когда действовать, если не в час после окончательной утраты абсолютно всего? Когда, если уже не после всех возможных ошибок? Тогда и только тогда, чтобы видеть у себя на руках рваную бумажку в спешке написанными словами: не забывай меня.

В полнейшем расфокусе предстала фигура загадочного человека в конце неосвещённого коридора, чей силуэт, сливаясь со свисающими с потолка проводами, становился с ними почти единым целым. При попытке рассмотреть неизвестного, в голове возникали разные ассоциации, и первая из них, доминирующая, являлась шумом старого неработающего телевизора, преподнося возможного лунатика как нечто загадочное и даже мистическое. Лиза здесь не одна, и она это понимала.

Во тьму она смотрела осторожно, даже чуть повернув голову в сторону. Что-то ей казалось необычным. "Позади меня выход. Он не так далеко, чтобы начать волноваться". Виб-

рации тяжёлых струн преобладали над здоровой оценкой ситуации, расталкивали очередь возможных вариантов в случае неожиданного побега, топтали голову, царапались. Что там? Прокатившаяся сантиметров сорок стеклянная бутылка после неосторожного шага неизвестного, она не разбилась, хотя могла. Должна была. "Здесь больше никого кроме нас двоих нет, помощь ждать придётся минимум две минуты, если, конечно, всё не закончится ещё раньше", шептала Лиза своему подсознанию, "наши действия?". Судя по оцепеневшей от страха девушке и её ни на миллиметр сдвинувшемуся положению, вариантов ноль.

Протекающая крыша замолчала в напряжении, наблюдая за смелыми действиями человека в тени, чьи осторожные, но уверенные шаги со скрежетом впивались в подпрыгивающее сердце маленькой Лизы. Тусклый оранжевый блик за спиной, запутавшись в дверях, тщетно пытался взять её за руку, как можно скорее отдёргнуть от опасности и спрятать за своим телом, уберечь. Забрать ребёнка. Но он, постоянно возвращаясь за ней, спотыкался о свой страх отрубленной головы, и не своей, как кто-то мог подумать, а полого мрамора с бородой. Бывшая скульптура была обезглавлена и изуродована, оставаясь предметом кошмаров вот для таких вот малышек. Тело было укрыто разными одеялами и скрыто за одной из колонн, подальше от людских глаз. Картина мира перевернулась. Разбитый потолок, лампы, окна, всё, вдруг, оказалось наверху. Только чьи-то рукописные записи сорва-

лись со столов и, кружась, падали наверх.

– Сон час, видимо, не для тебя. Уже не маленькая. – начала незнакомка.

– Прости?

– Видела я, как ты тут блуждаешь, одна. Потеряла что-то, солнце?

– Доверие к людям. Не знаю чего ожидать, если, вдруг, смогу заснуть. Кругом маски.

– Мою прочтёшь? – с улыбкой указывала она на себя пальцем.

– А тебе есть что скрывать?

– Ну, если ключи от столовой считаются, тогда... Вполне.

– Ты украла их?

– Боже мой, какие же у тебя классные волосы, можно? – сказала она, осторожно протягивая руку.

– Нет!

– Ну и ладно. – таинственная незнакомка помахав ключами перед носом Лизы быстро развернулась к коридору откуда вышла, и уверенно, не оборачиваясь, пошла обратно.

"Она была вовсе не такой как все прибывающие здесь люди, да и вообще её дружелюбность была каким-то свежим глотком воздуха после всех проблем. Она, ну, другая. Действительно настоящая. Может быть мне...".

– Хорошо, можешь их потрогать, – уведя взгляд в сторону, и не особо довольная этим решением, Лиза поставила условие, – но я пойду с тобой.

"Получилось!".

– Они просто потрясающие! – вся работа по ковырянию старого ржавого замка связкой ключей досталась Лизе, пока новая подружка, стоя над ней, гладила её волосы, – ну, как, выходит что-нибудь?

– Почему я это делаю, ключи то твои.

– Не совсем мои.

– Как они могут быть не совсем чьими-то? Они либо принадлежат кому-то, либо нет. – недовольная девушка подняла голову вверх, ожидая откровения.

– Не могут?

– Нет!

– Значит не мои...

Двери распахнулись. Подружка предложила руку как опору для Лизы, чтобы ей подняться с пола, но кроме хлопка в ответ на предложенную помощь ничего не получила, девушка поднялась самостоятельно.

Пустое тёмное помещение. Казалось бы, что здесь ещё могло быть? Чего-то подобного, в принципе, стоило ожидать, но, зачем все эти игры? "Кажется, недалеко от входа

стоят два больших стола, но... Пустые. Чем они её так привлекают?"

– Где мы?

– Прошли главный коридор, свернули налево и упёрлись в двери. Чем ты только слушала? Или спишь уже?

– Скажем, я была несколько удивлена резким переменам, мне было не до этого.

– Ну надо же. Хорошо, солнышко, ты голодна?

– Жутко...

И снова из глубокой тьмы, как и ожидалось, появлялись сомнительные мысли по поводу этой затеи с взломом. "Неужели нужно будет зайти вовнутрь? Но там же... Абсолютно нет никаких источников света, прямо как снаружи здания. А если туман уже здесь?". Это казалось непосильной задачей. Невозможной.

– Мой самый страшный кошмар это тьма. Извини, но меня стошнит, если сделаю ещё хотя бы шаг в её сторону. Невыносимый шрам...

– Ты о том, что у тебя под глазом?

– Я о чувствах. Слишком много случилось снаружи, чтобы принять всё и забыть. Не могу. Не хочу. – маленький шрамик под левым голубым глазом в виде аккуратного крестика, вдруг, вновь решил напомнить о себе слегка острой болью, –

мои воспоминания теперь часть этой пустоты. Они преследуют меня повсюду.

– Хорошо, принцесса Зельда, оставайтесь у дверей, а я всё сделаю сама! – "исчезла. Только договорила и уже растворилась с помещением, ни на секунду не останавливаясь. Она хорошая. Она мне нравится".

Ожидания сопровождалась под звуки столкновений с хаотично расставленными стульями и столами, которые её новая подруга проклинала всю дорогу к ящикам в конце комнаты. Достигнув их, она уже совсем слилась с размытым окружением, становясь всё менее различимой, но её недовольству не было границ. "Я отвлеклась, случайно. Моё внимание оказалось отвлечено от стонущей подруги блестящим полом коридора, всеми отражениями на нём, чистотой, невинностью. Я повернулась спиной к тёмной пустой комнате, хотя чётко понимала, что не должна была этого делать. Звук горюющей флейты за кулисами подвязывал мне на руки верёвочку, а я была не против. Он вёл меня вперёд, отражался, бился об сгорбившиеся колонны, плакал, нашёптывал тексты на своём языке, всё никак не справляясь с петлёй".

Она была чересчур тихой, или слишком громкой? Было всё, или ничего не была? Ненавидела ли всех, или любила всем сердцем? Она хотела всего, но довольствовалась ничем. Никто никогда не говорил ей "мы". Была только она. Были только вновь и вновь повторяющиеся маленькие страдания,

наслаивающиеся друг на друга с течением времени, вонзались иглами, но не убивали, ждали, пока их не станет достаточно много. Для чего?

Удивительно, но на выдохе становится легче: чёрная струя, стекая со всего тела к ногам, уносила за собой невольнойно подобранную тревогу. "Я не сплю". И оставленными позади шумными паузами серых мгновений всё сказанное поётся, всё желтеет с приходом ярких лучей заплесневевшего солнца, светоч во мраке переливающихся волн дремучего леса, шаги, что слышны позади, всё, падает. Фонари, тени ступеней, синие клубы дыма, возвращающийся домой мужчина в чёрной кепке, заходя за дом свой, и удивлению его нет конца за танцующие на хрупком стекле балкона новогодние гирлянды в ноябре месяце. Свет, что с песнями приходит, с ними же, его и провожают за закрытые пыльные подъездные двери истерзанных вечными побоями. Желтеет плитка, желтеет лист тетради забытый за соседской партой, мысли, тоже, вдруг, оказывается, желтеют. Позолоченные рамки зеркала тоже бьются и люди все болеют. Деревья рубят, и заборы ставят новые. Но, почему? Безлесье. Корнями остаются дни те, что оставляем мы. "И я теперь не боюсь кричать. Смерть оказалась вовсе не тем, чему нас учили. Старая жёлтая бумага, контракт. Принуждение к соглашению с навязчивыми мыслями, подпись под будущими действиями, выполнить которые нужно будет обязательно. Погружение".

Ладони Лизы соскользнули с прохладного стекла и упёрлись в раскачивающиеся клубы чёрного дыма. Поглощение природы, утаивание взглядов, удушение. Она вышла наружу, туда, где, казалось, находилось её истинное внутреннее беспокойство, воплощённые в графитовых камнях страхи и жёлтые бумаги были вокруг неё вместе со всем, чего не было. "Я вижу свой покрасневший от холода нос, пар изо рта, заледеневшие ресницы. Ничего не вижу. Где я?". Метр, два, три, всё дальше и дальше от выхода. Пустота взорвалась кашлем бездумно идущей девушки, опрокинулась и разбилась об её руки, буквально повторяла за ней. "Что я делаю? Это ли не то, к чему я шла? Почему это не может быть счастливым концом?".

– Совсем рехнулась? – чья-то рука крепко схватила Лизу за плечо и отдёргнула назад в тёплое помещение, – дыши, дыши, принцесса, побольше воздуха глотай. О чём ты думала? Куда вылезла, знаешь?

– Это же...

– Это у тебя, блин, голод так выражается? Её величество соизволит, наконец, притронуться к еде, которую мы с таким трудом добыли?

– Пустое пространство, мир, где ничего нет. Как мне найти его? Я совсем не понимаю себя. Кажется, я медленно исчезаю вместе со всем. Меня здесь и не было.

– Так наполни пустоту вокруг себя тем, что тебе нравит-

ся. А этот мир – это всё, что ты о себе думаешь. Не нужно никуда выбегать и причинять себе боль, не отворачивайся от людей, – девушки упали на пол, и спокойнее Лизе было, пока её гладили по волосам, – прошу, хотя бы от меня...

– Как-то банально... – и только вдохнув воздуха, чтобы произнести очень язвительную рифму в ответ на последнее слово, подруга Лизы замолчала, когда вторая прикрыла ей рот рукой, – не надо, – сказала она, едва сдерживая смех.

Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным.

– Пришли, моя комната. Я бы жила в похожей в следующем году, ну, в общежитии, если бы поступила... Спасибо, что дотацила меня, тебе не далеко возвращаться к себе?

– Нет... – схватилась она, вдруг, за рукава своей кофты, – кстати, возьми это.

– Булочки?

– Твоя доля за взлом замка.

– Это же не серьёзно? Ну, нас же не выставят за это на улицу, типа? – прошептала Лиза.

– Спокойной ночи, люблю тебя! – дверь захлопнулась.

Наклон призывающей следить за закрытой дверью карточки, и проём длиною в две руки многое говорил о десятках проходящих через эту дорогу, достаточно, чтобы самой без-

жалостно затоптать предупреждение своим сапогом.

Четыре пустые стены, постоянный звон ручки ведра у кровати, куда не редко наклонялась бледная девушка, выкашливая последствия своей глупейшей ошибки, изображали полностью затерявшуюся на месте вырубленного леса белую точку, дороги куда не было. Но рассудок постепенно возвращался с каждым неловким касанием ногами края колючего одеяла в дальнем углу кровати, каждый раз как новый, это проносилось по всему телу зарядом тока, и заснуть было невозможно, не думая о будущем.

"Всё я, конечно, не вспомню, но постараюсь рассказать об этом как можно меньше упуская каких-то деталей. Лучше бы я это записала, честно". Ржавым металлом, и звоном падающих мятых листов двери всё было сказано; что попасть сюда не составит никакого труда, дорога открыта.

Призмы тлеющих устроенных Богом моментов без опасения, мягкой подстилкой, что те оказывались по принятию не совсем тёплой окружающей действительности, струны старых гитар им казались милее. И почему всему быть вдруг ключей проволокой? Дни те беспамятные, лучше не трогать. Утомлённые возможностью зреть невидимое, вдруг, отказались. И гости были не светом тем в тёмной комнате одинокой больной девушки, которых она видела. "Так вот оно как получается, только и всего-то нужно было капельку постараться, совсем немножечко направить себя вместе с этим потоком вперёд, чтобы получить... Общение. Простой взаимный

обмен впечатлениями, оказывается, не столь жуткий, если не противиться этому".

И принятие той истины приходит, что нет сильнее и опаснее человека, который в одиночку зашивал все свои раны. Этот человек, вероятнее всего, имел больше разговоров со своим разумом, чем с любым другим человеком. Он в одиночку сражался со своими демонами, а они, в свою очередь, тренировали свой разум и строили очень опасное мышление.

Свет красных фонарей врываясь, нагло цеплялся за каждый открытый голый угол помещения так, чтоб привязаться к нему и остаться, пока не погаснет. Что теперь есть этот коридор как не испытание? Страх оказаться и быть окружённым по обе стороны абсолютно одинаковыми стальными дверьми с подсвеченными ручками как принятие важного во всей жизни решения, продолжительность которой напрямую зависит от выбранной стороны. Заключение меж дверей. И пока чужие головы падают на плечи спящих, нет конца этому пути.

Серость комнаты передающей всю тяжесть сил, ускользающее невидимое глазу время в обоих смыслах, вид собственного тела, все те причуды, дым и камни.

Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время войне, и время миру.

Последние машины в округе заглохли, выпустив из своих стальных голов мыслящих живых людей, дёргающих за рычаги последних не убиваемых тараканов тумана, кому теперь и подчиняются. Ворота закрыты и заслонены чем только можно, ошибки здесь не повторяются.

– И это действительно, по их словам, ключ к новому миру? – напрягаясь, спросил Филипп.

– Люди не могут жить без веры. А здешние готовы поверить во что угодно. Времени прошло достаточно, но готов поспорить, что сложа руки они там не сидят.

– Новосёлов они к себе не ждут, да и звонка на их дверях я не вижу...

– Внутри я не был, но за своего сойду. Назову им несколько фамилий и мигом окажемся внутри, без вариантов. – сказал Кирилл, прижав ладони к бёдрам и растопырив локти.

– А мне как быть? Комиссию то я пройти не успел.

– Додумаем на ходу.

– А если прогорим?

– Не думай об этом, у нас всё получится!

– Обнадеживающе... – мелькнули тревожные мысли.

Камни им свидетели в делах их, но тьма подступает к ним, дышит в спины, не отпуская мысль о таящемся среди выжженной травы страхе провала и вечного забвения. Пространства вокруг становится чуть больше, есть где поды-

шать, раскинув руками. Нет плит – нет давления со стороны.

– Ну... Так... – настаивал он.

– Что?

– Что ты скажешь ей, когда увидите? Должно быть, она ещё никого так в своей жизни не ждала, как тебя.

– Не знаю. Положусь на импровизацию, или, подхватчу что-нибудь за ней. Слова придут сами.

– Волнуешься?

– А по мне видно?

– Ты горишь ею!

– Сдаюсь, извини... – сказал Филипп, – ну, а вот ты, по сути, я у тебя хвостом болтаюсь сзади, втягиваю в опасные дела, почему ты так добр? В чём секрет?

– Любая история, рано или поздно, стирается, но пишут её ошибаясь. Я хочу измениться.

– Красиво! – он смущённо замолк.

Стены как карта, ведут их к истине ведущей их. И, быть может, не всё так плохо, как казалось. А казалось всё концом всех путей проложенных к концу. КПП уже близко, как близок и диалог с непредсказуемым военным. Брошенные ими же палатки вокруг здания, изорванные ткани на хлипких стальных ножках наводили ужасу на случайный в их сторону взгляд. Что здесь могло произойти?

Чувствие последних восходов сил внутри вызывает к быст-

рому подвигу этого мальчишку, проявление отваги и мужества на исходе последних сил. Отдышка пропадает, а внутреннее беспокойство волнами прокатывается по его побледневшему телу, и потом уносится его страх, кажется, конец. Зачем мы стремимся к смерти?

– Очень не хочется снова затрагивать эту тему, не время, знаю, но, казалось, что я вылечился, прогнал внушающий мою бесполезность недуг. Он стал посещать меня, редко, но очень болезненно.

– То, что ты до сих пор держишь у себя в руках, очень ценное, несомненно, но ты закрываешь глаза на причиняемую им боль. Тебя не погубят его шипы, отнюдь, кровотечение, вот, что станет причиной твоей смерти.

– Я боюсь, что она меня там не ждёт, понимаешь? Счастлива и в безопасности... Вдруг, всё это бесполезно? – голос Филиппа снова был безжизненным.

– Не обесценивай свой прошлый труд, парень, только благодаря ему ты сейчас жив, здоров и достигаешь своей цели. Нам свойственно совершать порой очень глупые и неправильные решения в угоду любви, ведь, только это у нас и остаётся. Всё будет хорошо, ты только сильно головой-то не крути, мы уже у входа.

– Просто, она единственное, что заставляет меня подставляться под пули...

– Уверен, ты ей больше нравишься, когда этого не де-

лаешь. Мне уж тем-более. – подбодрил Кирилл, остановившись у протоптанной дороги, – хорошо, боец, теперь притворишься бессознательным, пост близко.

Зажёванная внутрь кассетная лента оказалось выдернутой, смотанной и запутанной. Брошенной на всеми забытую самую высокую пыльную полку подальше от всего остального в этой комнате. Пережёванное и смятое воспоминание стало никому не нужным.

"По правде сказать, я немного подводил Кирилла, разглядывая разные материалы стен военной базы, думал, что они мне что-нибудь подскажут, но... Ничего. Только вид изорванных белых костюмов химзащиты с разбитыми обзорными стёклами, вспаханная почва под ними и пустые пробирки всё там же".

– Извините, мне сказали, что отсюда возможно пройти к месту дезинфекции, всё верно? Тут у меня мальчик, ему несколько нездоровится.

– Что-то серьёзное?

– Укачало бедного в машине, совсем ослаб.

– Фамилия?

"Опа, попадос! Чем дольше он будет молчать, тем больше подозрений к себе вызовет, нужно решать здесь и сейчас, немедленно".

– Фамилия?

– Фамилия!

– Киря! – сказал кто-то за спиной.

Он пришел для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него.

– Что?

– Вот ты где. Как блоха: скачет туда-сюда, только успевай за ним. И сам машину разгрузит и в одиночку на руках товарища понесёт.

– Трофим Андреевич? В смысле, капитан... Столько времени прошло. – сидящий за шлагбаумом парень прям опешил, схватив в руки свою фуражку.

– Да тут разве поймёшь, друг мой, часов нет, солнца со звёздами тоже. Вот, как управились – пулей сюда, да, рядовой?

– Так точно... Товарищ капитан... – злобно сказал Кирилл.

– Ну, чего стоишь? Устал, небось, проходи, а в журнальчике я за нас обоих распишусь.

Шлагбаум за ними закрылся, а капитан шёл позади них, выдерживая приличное расстояние.

– Что это было? – не поднимая головы и не открывая глаз, спросил Филипп.

– Без понятия, но что-то очень нехорошее...

Разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?

Мы идём, снова идём за нами преследуя нас. Жара протекающей внутри себя крови пробуждается разными воспоминаниями и присущим им уникальными масляными мазками на этих далеко не чистых холстах, закипая, приводит давно заледеневшие чувства к другим людям в устойчивый сохраняющийся на время порядок. Неужто, снова душ? Богоубийство, что за стенами случилось, более не трогало девушку. Даже, несмело.

Что был дом? Комфорт по возвращению в постель даже в самый поздний общепринятый час, следующий за повторением мрака? А может быть, человек, чья рука сейчас касается её?

Два человека были, но были они разные. Одна, недоговаривая, свет к себе не подпускала, оголяя синее сердце. Другая от незнания, ложью светилась, не видела рёбер своих, и тень бьющегося сердца казалась ей алой. Круги, что за их головами стояли всю суть творящихся дел, выставляя наружу, просвечивали череп, превращая в оранжевый набросок. И линии проводили они, обжигались, но стояли не торопясь.

Собрание разного мусора, что за кроватью её, стало препятствовать хождению невыносимых мыслей, вдруг, покинувшие покои за журнальными вырезками и глянцем ленты. Разных женщин лица закрывали блеск вырванных черепов и боролись они с мыслями, препятствовали обычному их потоку, останавливались для передышки и снова падали от бессилия чувства. И даже знакомые черты старого тёплого дома в картонных новых стенах с плакатами не представлялись чем-то уж близким на всё длительное время бездумного пребывания здесь, и лишь холодом оставалось тут её нахождение. Чем только не была забита эта коробка, но внутри по-прежнему пусто. "Нужно погулять", решила Лиза.

– Что ты здесь делаешь в коридоре, Алиса? Судя по нашим новым часам, до восхода ещё как минимум часа полтора. Ты что, спала прямо тут?

– Не надо... Много слов!

– Может, душ тебя подымет? Раз уж, мы всё равно здесь и очереди нет.

Бьющий по голове пар снова лежал далеко за видимыми границами организованного здесь душа, оставаясь на теле памятью ещё очень долгое время за вырезанными деталями, он, поднимаясь, поднимал их. Не было между ними линий.

Горькостью оставалась та не унесённая водою печаль по

характеру окружающих неприятностей, отстранённость в книжном бардаке, неразговорчивость и отведённый взгляд в сторону ту, где никого нет. Скрываемая душащая серость идеально выставленной здесь квадратной плитки прозрачной мокрой плёнкой, стало быть, была запечатана в стенах этих надолго. Ни скола, ни царапины за ней не было, даже цементного шрама острый мазок ниоткуда не выпирал. Так здесь было неприятно оставаться надолго.

Водой были смыты все сомнения и страхи, а за ними маски. Лицо её, всё наполнение настоящее исчезло, оставив для зрителя постоянно возвращающийся в свою форму контур тела девушки, и была та этим страшно напугана. Всё с неё сошло, всё притворство. Ничего не оставалось ей, как скрывать проскакивающие в её пустом лице эпизоды жутко большого прошлого. Не было в них ни коридоров, ни улиц, ничего, где можно было бы свободно дышать.

Колени бледных тонких ног соприкасались друг с другом, и пузырями пены были закрыты позорные ссадины на них. Казалось это медленным режущим мгновением возвращения на несколько часов назад, когда звон цепей на руках не давал ей крепко уснуть. Она испугалась и уже не могла выйти из того дальнего угла.

– Тоска это совсем не о хороших временах, как я думала. Это комфорт в те моменты нашего счастья, которых уже нет. Воспоминания о безвременной гармонии, равновесие.

– Выходит, остаётся бесконечно балансировать меж двух состояний? У меня перевес в одну из сторон, и далеко не в хорошую. – неожиданно спокойно сказала Лиза, сидя рядом.

– Почему ты до сих пор жива?

– Может быть, потому что меня нету, буквально нет как человека. Бросила своё единственное счастье, испугавшись, что с ним буду стоять настоящая я, хотя, сама ещё её не приняла.

– Мне начать беспокоиться о нём?

– Мы с тобой не в отношениях, о чём ты! – она улыбнулась своей подруге и отрицательно помотала головой.

– И снова по больному...

Тучи сгущаются над светом их, что дан им для сопротивления мгле. И был им мир жёлтой стеной той, что с открытым окном в беспросветную тьму уводя провинившихся, губила их, душила внутри. Краска с того места осыпалась трескаясь под крики людей. И лишь скрученной чистой белой простынёй отступала та тьма, заключённая в грязной холодной картине.

Было им небо, было то небо серым мазком поверх красной ошибки, вытекающей с твёрдой палитры дрожащей кистью берета. Беспомощность подступала к ней как вода к её шее, затопляя всю комнату. Не могла она отвести своего остекленевшего взгляда от приближающегося дна и рук бледных, что касаясь его, кажется, пропадают не откликаясь. Субъек-

тивная модель очертания, перекликаясь с карандашным наброском неопытного художника, в результате превращалась в каплю размытой тёмно-зелёной акварели, продолжающая перенимать в свой собственный рельеф её разбросанные повсюду острые чёрные линии. Слезы скатывались к отражению, подступающее всё ближе и ближе к лицу.

Пастелью были обозначены те волны, в чьих объятиях захлебнулась она. Пересекающиеся с высохшим слоем белые линии обозначали предельный уровень для обеспокоенной воды, того, что осталось от комнаты с плиткой. Окно завершения дня, что показывает со стороны вид результатов отдельных занятий, надламывается, скрипит под тяжестью загнанности, печали по проскакивающим вперёд часам. К окончанию подходит весь тот час, что был занят печалью.

– Всё бы ничего, если только не эти обстоятельства. Тяжело принять гибель нашего мира, родных, в конце концов, но... Мы задыхаемся внутри этих стен, нам жутко тесно.

– Ну, да, ты права. Принять последние перемены в своей жизни очень сложно, как сильно бы я не глушила их разными картинками. – Лиза схватилась за рукава своей кофты.

– Только... Даже появившись здесь, ты всё-равно не оставляешь попытки сбежать. Не отсюда, нет... Настоящая, добрая к людям Лиза преследует тебя.

– Чего?

– От себя убежать более чем возможно, кто бы, что не говорил, но вернувшись, примешь ли себя? – тянуть с этим для Алисы было пыткой, – без дураков: ты, солнце, очень смелая, только боишься вовсе не дыма.

– Зачем? Зачем ты снова заставляешь меня это вспоминать? – не сразу спросила она.

– Потому что ты мне нравишься, и поэтому я хочу, чтобы ты была в порядке. Позволь только извиниться за свой гонор, закрой глаза, и я тебя кое-что покажу!

Лиза специально трогала свисающие рукава своей большой кофты или постоянно поправляла, как ей казалось, неправильно лежащую цепочку на шее, просто потому что благодаря таким простым действиям она, с закрытыми глазами ладонями своей подруги намного чётче слышала хруст мятых бумаг под ногами, а также предвкушая неизвестность в том нечто, что заготовила для неё Алиса, чувствовала себя намного увереннее.

– Собрала отовсюду всего понемногу, так сказать. Вся эта гигантская стена теперь полностью твоя, принцесса!

– Не представляю, что и сказать...

– Ты не привыкла, знаю, но может лучше всяких слов будут объятия? Я, как мне кажется, заслужила. – скрестила она пальцы.

– Интересная у тебя подача подарков, оказывается... – и

восхищаясь этим, Лиза сделала первый шаг к ней навстречу.

Лампы гаснут, в момент, оставляя образцы тел людских в размытых тех серых беседах, и дыхание одно в том коридоре пустом. Выходящие из идентичности проекции застывших в движении людей остывая, прозрачным камнем вставляли у дверей не мешая другим. Побегом из грязной мыльной синей плёнки было этим делом, притворство и увиливание от ответа лёгким сигаретным дымом преследовало её, прижимая к приколоченным повсюду мокрым фанерным листам вдохнуть не давало. А вот и лестница, вот и перила, плёнка, леса и заграждения. Блестящий зелёный пол и отпугивающие жёлтые стены по обе стороны от неё, разобранные стиральные машины и одиноко стоящий стул в углу, тени.

Все уже давно в своих кроватях: спят, читают или молятся – это напоминает ей о высоких оранжевых огнях на своей старой родной улице, где, до всего случившегося сейчас она не думала. Ей постоянно приходилось слегка наклонять голову вниз, чтобы ненароком не задеть свисающие с разобранного потолка запутанные линии проводов, убрать которые, пока что, никто не торопится. Оно и понятно – часть этого здания ни подо что не используется, и если какая душа здесь и появляется, то не больше чем для быстрой проверки. Так есть для всех, но не для Алисы. Здесь помещение чуть более открыто в отличии от того же главного зала

или фанерных коробочек, куда, обычно, заселяют всех сюда прибывших. Туда, где у неё появляется сильная отдышка и головокружение, растерянность и не способность зациклить внимание на каком-нибудь устойчивом маленьком отвлекающем предмете. Чувство непреодолимой угрозы, если рядом нет нескольких открытых дверей или выходящих на большой зал внутренних окон, коридоров, где возможно спрятаться. Вид подпалённых жёлтых обоев ей отвратителен, поэтому собственное спальне место в самом дальнем углу первого этажа ей более чем приятно, даже, безопасно.

Обычно, уже оборудованное, чем только можно место, заставленное металлическими скамейками для посетителей ею никуда не переносится, всё, что там оставляют уже не используется, и было это её неприступной маленькой крепостью вне общества в другой крепости, но значительно побольше. Двери разных кабинетов вокруг где-то вовсе были сняты с петель её индивидуальными усилиями и использованы как заграждения от любопытных глаз. Но было это несколько непрактично. После перестройки и значительных изменений в интерьере, большие открытые пространства без препятствий ветру пропускали серьёзный холодок по полу, замёрзнуть из-за чего было очень легко. Своеобразная обратная сторона закрытого ото всех комфортного спасательного угла. Поднять уровень кровати не представлялось возможным, как и достать второе тёплое одеяло.

Только вот... И первого нигде видно не было. Ни спаль-

ного мешка, ни подушки рядом тоже нет. Подтягивающийся наверх холод рассеивался в полном оцепенении, в тревоге за неприкосновенность к уже священному для неё месту, в опасении за своё здоровье и за обнаружение тайного убежища. До следующего локального утра без серьёзных последствий здесь она не протянет, слишком рискованно. Настолько же, как и ночевать на скамейках в коридоре общего зала. При очередном обходе, дежурный, рано или поздно, наткнётся на нарушающую порядок девушку, хуже того, вместо выговора, вернёт в давно покинутую ею тридцать третью комнату, простаивающая среди остальных с запертой дверью уже очень давно. "Замёрзнуть насмерть, или снова быть задушенной глухими стенами? Решение было одно, решением была одна комната".

Холодный отражающий всю стыдную дрожь тела каменный пол под ногами, куда так глубоко усталилась девушка, искав в нём успокоение и защиту от ветра, бликами трескающихся белых ламп проносился по всему коридору прямо к нарочно разлитой у выхода красной коробке. Ковры у дверей глушили свет зелёных табличек, и ни капли снега на них не было. Были разные карты за стеклом, все с невероятно важными заметками на них чёрным фломастером, с пунктирными линиями от толстых точек до домиков с треугольными крышами вблизи речек и некрупных озёр. Часы, само собой, куда же без них. А без них как раз-таки трудно было под-

держивать порядок дел внутри этого маленького убежища. Только возвращение времени, дня и ночи стало и хлебом и плетью. Неразборчивые гербы всё теми же художественными инструментами, поля для пожеланий, просьб и жалоб, собрание разных листовок над измученным столом, что с книгой стоит. Провода, уходящие аж в мусорные вёдра. "Забавно всё это смотрелось. Здесь, пока что, все пытаются сохранить всё, как было раньше, или, наоборот, привнести всё старое в новое".

"Ну вот, собственно, и она – прачечная". К несчастью, самый маленький из всех возможных оставленных под рабочую зону кабинетов, доверху забитый разными стиральными машинами, вёдрами, корзинами и другим множеством предметов, уменьшающие площадь помещения внутри. Если не её, то чей-нибудь чужой спальный комплект точно завалится среди всего этого визуально шумного мусора, правда, суметь протиснуться как меж вещей, так и меж тех чувств, что набросятся на неё с открытием двери, будет невероятно сложно. "Невероятной посчитает Лиза мою идиотскую смерть внутри этой железной леди".

Стены внутри казались двумя женскими головами, неловко пытающиеся поцеловаться, они сокращали расстояние между собой, оставляя всё меньше и меньше воздуха для неё в этой комнате. Развевающаяся ткань за дверью, в которой она неловко запуталась, легко вздрагивала от проходящего

сквозь тело Алисы сквозняка, дотрагивалась порванным углом до потолка и падала обратно девочке на голову. Трудно было.

В каждом углу за ящиками с постиранными вещами на гвоздиках не понятно для кого висели самые разные занавески: длинные, короткие, голубые и розовые. И ни одна из них ещё не упала на плитку, все до единой собирали пыль и паутины наверху, перебрасывая её на крутящуюся внутри девушку. Попадая внутрь, представлялась эта история вернувшимся на мгновение комнатным дождиком, который размывая субъективный взгляд на существующее за этой дверью пространство, попадал прямиком в такие же пыльные закрома памяти о сырости осенних ливней. Не имеющая устойчивой формы сила, уже долгое время удерживающая серьёзное давящее чувство на грудную клетку Алисы медленно приближалась к шее, наслаждаясь её тщетными попытками глотнуть воздуха.

Перегорает последняя оставленная в этом коридоре "живая" лампа, а вместе с ней и потухает тлеющий огонь уверенности в своём деле, и искрами крохотной надежды он догорает где-то уже глубоко в тёмной расщелине. Где бы ему снова здесь взяться? Бумажные пакеты, что за углом, вдруг, захрустели под чьими-то ногами. Сердца удары прокатывались лёгким покалыванием по всему дрожащему от тесноты телу. Стены стали ближе. Зеркало, стоящее в углу с отражающимся в нём пустым чёрным силуэтом человека не трескалось

и не билось, переворачивая вход для паникующей девочки, оно тонуло. Снега больше там не было.

– Стоять и мириться это не о тебе. Ясно, почему в школе тебя всегда выставляли за двери, как ты рассказывала. – выдохнула Лиза, взяв свою подругу под руку.

– А ты опять соврёшь, что глаза у нас не похожи?

Дверь захлопнулась, оставив девушек наедине друг с другом в окружении мятой бумаги и перевязанных скотчем стройматериалов.

– Ну, так... Значит, у тебя клаустрофобия?

– По прибытию дыма меня насильно держали в подвале дома, в тесной сырой кладовке. Те люди, по видимому, обезумели от безнаказанности, я слышала беспорядки снаружи...

– А потом ты попала сюда? – Лиза накинула свою куртку на неё, чтобы согреть, но не придала смысла чему-то, что находилось во внутреннем кармане.

– Кузов машины был большим испытанием, сама понимаешь.

– Да, конечно.

Возможность сблизиться с собой через общение и помощь близким людям было истиной.

– Хочешь, мы бы могли вместе попробовать сделать первые шаги к уменьшению этого страха?

– Почему? – задыхаясь, спросила Алиса.

– Мне кажется, в тебя я вижу лучшую себя: смелую, упорную и здоровую девушку. Пожалуйста, позволь мне помочь тебе и отразить в картине только самое важное.

Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете.

Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

Пустая и откашливающаяся разными сумками с вещами старого мира комната первого этажа вела себя беспокойно для привыкшего к постоянной тишине ковчега. Гром споров гремел за той дверью, всё никак не унимаясь.

– Страх отбирает у людей их мечты. Недопустимо, чтобы волна паники прокатилась по этому месту.

– Мы все сейчас пытаемся подняться с колен, капитан, так не бейте же по ногам!

– Прошлое не сберёг, не сумел. Но сохранить сейчас имеющееся нужно всеми силами. Я думал только о тебе, только о твоём здоровье всё это время. Неужели... Я для тебя злодей?

– Давайте-ка взглянем: вы предали людей, вы предали се-

бя, и меня тоже, – крикнул в ответ ему Кирилл, внезапно поднявшись, – я не позволю втянуть себя в ещё одну войну.

Желание младшего даже видеть перед глазами этого человека обращалось отвращением, из-за чего он неловко стал бродить из одного угла в другой в ожидании момента, пока дорога к выходу не будет свободна. Конечно, рядовой жалел, что по собственной глупости не успел уйти вместе с Филиппом на поиски его девушки, а задержавшись здесь, стал заложником этих неприятных выяснений отношений. Он оказался беспомощен и истощён, чтобы продолжать, пустив всё на самотёк.

– Хватит пялиться на пустую полку, скажи, мне нет прощения?

– А вы воскресите тех людей? – неохотно проговорил тот.

– Я сдохну лучше, но обещание своё сдержу всегда, запомни это!

Жалкий подарок – вечность. Были на тех окрашенных стенах разного размера доски с вывешенными на них цветными бумагами об обязанностях каждого пребывающего здесь. Что-то было вовсе порвано от несогласия.

Высовываться лишний раз наружу, в зал, к остальным людям в военной форме, конечно, было нежелательно. Лишний вопрос запросто бы выдал в Кирилле неприятеля со злым

умыслом, что разрушило бы операцию по поиску девочки. Но стоит признать, что он постоянно находится в размышлениях под влиянием большого стресса, обдумывая десяток ответов на самые разные возможные эпизоды. Минуты тянулись как часы, а счёт всех кожаных портфелей под столом уже подходил к концу.

Были те дни тёплыми, были те дни шумными. Сверхпространство со знакомой музыкой тревожило. Это оно им снилось постоянно. Где те были? Огни красные, зелёные, синие. Мигающие друг за другом как снова будут повешены? И холод более не остр при взгляде на них, а ароматы слаще. Зелёные деревья-треугольники за снегом новым милым не стоят, не дышат и не веселят как прежде. Может быть, прошло то время? Или никогда не поздно? Снова и снова открываются двери на промёрзлые балконы за ветром жизни. Может быть, всё будет по другому? Или неизменна линия?

Кирилл, уже давно отвлечённый от разговора о справедливости всех деяний в тумане начатый его ненавистным капитаном, полностью окунулся в представление конца их с ним идейных путей: есть ли смерть после такой жизни? Есть хоть что-то старое во всём новом? Возможно ли возвращение назад с вычёркиванием из своего списка последней цели? Это была вина? Или сомнения?

И небеса неумолимые, И глухая тирания Судьбы, Правящий принцип Ненависти, Которая для своего удовольствия

творит.

Губы Филиппа почти были искусаны до крови, пока он взволнованно, держась за рукава своей куртки, осматривался и осторожно заглядывал за каждый угол, который проходил. Отшучиваясь у себя в голове, обход первого этажа казался ему бездумным хождением в тумане, но в лёгком, будто ранним утром. Ещё не погасшие с ночи лампы наверху остались, подражая солнцу. Впервые за долгое время было место приятным ожиданиям, умиротворению, наконец.

Конец белой ленты на его запястье ударялся об звонкие стальные пуговицы на рукаве, незаметно погружая парня в тающие мгновения его давних одиноких прогулок по вытоптанной кем-то дорожке в глухом еловом лесу. Погасли, вдруг, соседские окна, чей свет был виден постоянно. А под ногами захрустели шишки. Было три дороги впереди, на одну из них, ту, что посередине, ткнул он поднятой на входе палкой, выбирая будущее. Долго шёл, оставляя позади такие же, как он думал, расхождения, направляясь к высоким проходам на бетонных ножках. Разве он ему не мил? Статуи были все пристрелены, что громом отложилось. Жалко, что петлю не разорвать, и не ту, что к горлу тянется. Травмой те годы обернулись, но желанной до сих пор.

Где она? Лиза. Она здесь? Где закаты красные её? Триста семьдесят пять, пятьсот девяносто один. Две тысячи пятьсот два. Смиренно прими её уход, себя смотри не погуби.

В нос ударил резкий запах свежей краски неподалёку, открытые с нею банки были на стремянке в высоком и просторном главном зале. Уверен ли он в том, что находится там, где должен?

Порезанные углы ковров цеплялись за его ботинки, отбрасывая назад от чего-то неприятно тянущегося, выворачивались, растягивались, тянулись за его движением. Предостерегали. Он был мифом, живой легендой сошедшей с раздробленных камней. Голова его и пути оценка, вдруг, сгорели. Увидев снег – начинал скользить. Резкий кисловато-горький дымок, поднимающийся из стальных цилиндров перед лестницей, обжигал на вдохе, доводя Филиппа до постоянного почёсывания носа.

Предстала перед ним написанная кем-то удивительно большая настенная фреска, правда, пока что, незаконченная. Четырёхцветная бедная палитра красок никого, по-видимому, не напугала, как сюжеты, что ими были изображены: капель крови, сломанных голов и рук было не сосчитать на той стене. А это даже ещё не всё. Огня языки, яркого тумана отпечаток на нём, неведение. Второй жизни чей-то пересказ.

– К большому сожалению, она не продаётся. – сказала искренне улыбающаяся незнакомка.

– Правда?

– И руками не трогать, пожалуйста! Всё-таки, не на бара-

холке же.

– Оно и видно...

– А что вы в ней видите, интересно? Образы, искры мыслей, или, быть может, воспоминания?

– Картина красивая, спору нет, но вот только посыл для каждого уникален, верно? Почему один видит в ней пену грозного моря, а другой, ссылаясь на свой опыт – смерть и снег? – взгляд Филиппа остановился на маленьких деталях внизу, посему он подошёл ближе, – ничего подобного за весь мой путь сюда я не видел, это поистине уникально. Ваша работа?

– У меня было достаточно времени, чтобы собрать общую картинку из всего этого хлама событий, это заслуга каждого здесь человека, но вас, кажется, я вижу впервые.

– Были ли вы влюблены? – парень снял куртку, – светло-волосая, голубоглазая девочка с маленьким шрамом на левой щеке оставила мне этот символ за несколько часов до того как сбежать, и, судя по всему, сюда. Возможно, она тихонечко где-нибудь гуляет вдали ото всех, кушает за самым дальним столом, но не может быть, чтобы её здесь не было...

Символ. Точно, смайлик тот с глазами крестиками, что на картине изображён, один в один похож на рисунок с его куртки. Только вот... не видно его было, Алиса оцепенела, загоразивая фрагмент.

Что это? Неужели... Ревность? Бьющее по сердцу чувство

и желание не видеть его больше. Она и вправду начала беспокоиться, даже если в прошлом это могло показаться шуткой. "Но... Быть того не может. Почему? Почему сейчас?", спрашивала себя Алиса, не выдавая свой испуг, "Неужели... Она меня бросит? Хотя, мы даже не встречаемся. Опять я позволила кому-то быть ближе ко мне, почему?".

"Лиза спит далеко отсюда. Если я как следует, изверчусь, то они ни за что не встретятся, или... Господи, что я такое говорю?". Слова становились тяжелее, а пауза в их разговоре мучительной. "А что сказал он? Если она сбежала от него, значит, были причины, так? Кому после я буду нужна?". Кажется, тьма начала отделять сознание от плоти, делая это с характерной для неё жестокостью: дрожь медленно перетекала в бесчувственность, а зрение угасало. Всё меняется. Всё исчезает. Всё, о чём она думала – как бы не пропасть. Как бы не исчезнуть без чьего-либо постоянного заботливого внимания. Если всё это части всеобщего образа, то, что она? Кто такая Алиса?

Неужели это есть плата за избавление от боли? Замещение одной на другую? И нет ли избавление от цикла страданий? "Ненавижу близость. Ненавижу одиночество. Страшно снова взять кого-то за руку. Снова страшно к кому-то привязаться, но нужно решать".

– Ну, так, она здесь? Лиза? – коротко переспросил он, сильно волнуясь.

- Нет.
- Нет?
- Нет...

Губы Филиппа кровоточили. Он оказался в тупике, отчаянный, сломленный и, отчасти, виновный, как думал сам. Мокрая, мрачная и удушающая тьма, догма. Тюрьма для обвиняемых. Горести и застывших людских дел полно было в каждом пролетающих перед глазами объектах; будь-то он свет или тень, будь-то мал или, наоборот, страшно велик. Принятие чего-то давящего было непосильным испытанием не для всякого сомневавшегося в себе человека. Где они? Где они, не встретившие истину? Заключённые во мраке, сброшенные на вечные самопознания через гнев, тепла в любви не сыщут. "Нахрен всё это, плевал я на всех! Пробегу по всему лагерю один", решил он. Прошлое стремительно рассыпается в руках. Теней, как и мыслей, было бесконечное множество. Все они колебались и прыгали с места на место, совершенно не понимая своей роли в этой ситуации. Бесконечная колыбель ошибок, отделённая от таких же отвратных вариантов будет вечно преследовать его вечно. Вечно.

Слова в голове повторялись, причём одни и те же, застрявшие в прокрутке. "Вот и он – последний рывок!". На белый шум дробились его шаги под взгляды хмурых людей в форме, смотрящие, кажется, отовсюду. В этом он видел правду и высвобождение от зла. "Я не был счастлив, вот, что я хотел

этим сказать. У меня нет выбора, у меня есть только имя".

Перешагивая по крышке, запинаясь об них, оказался привязан он к лестнице, что перед ним. Внизу свет белый, а наверху красный. Не забывал он о бродячем позади человеке опасном. Раздвигал рукой плёнку, нырял в коридоры, искал двери открытые, куда бы мог дёрнуть. Надпись на лестничном пролёте чёрной краской, что была неаккуратно написана: смелость в крови. Пугала его. Шёл вперёд, касаясь бетона как проводника своего кому сильнее всех доверял, полагался на слух, а не на зрение, что подводило. Читал граффити последние, вникал и представлял, как их пишущего мастера застал. Ламп боялся и их избегал. Аккуратно коробки с гвоздями переступал. Пачки денег в бочках ярко горели. Лиза? Проходящая мимо та девушка была не она, но, вдруг, заговорила:

– Тридцать третья комната на первом этаже занята кем-то, а кем, я не знаю, не видела. Может быть, ещё не всё кончено?

– Ты покажешь где?

– Да, – протянула она ему левую руку, – идём!

Расхождением предстал вид тех предметов: синие, зелёные и красные линии находясь друг под другом, рушили тонкие ткани представления мирадействия. Брошенные точки. Чёрный пол как дым снаружи не переставал терзать. Пере-

живших мрака ужас было не так много, как казалось. Большие железные двери, за которыми, наверняка, хранится не одна тайна, были заперты, закрыты ото всех яркой жёлтой лентой. А над ними воздуховода трубы и вентиляции. Колонны серые побитые.

Вела Филиппа девушка вглубь бетонного муравейника никуда не торопясь: не останавливалась перед заграждающими выход людьми, была груба, но осторожна. Парень хорошо её понимал, ведь, не так давно и сам был в похожей роли. Старался он не отставать, хоть и постоянно оглядывался на пролетающие мимо него развилки. Кругом мусор и разные строительные материалы для будущих работ по обустройству уже поднимающегося на ноги лагеря, как-никак, поддержка ковчега не стоит на месте.

Люминесцентная лампа одна была в том помещении, одним единственным одиноким огнём среди страшного, режущего мысли бетона. Небольшое поле света выпрыгивало из маленькой трубочки под защиту заграждающей закрытые зоны металлической сетки и укрывалось за трубами от страшных звуков откуда-то за углом. С этим ничего не поделать, нужно идти вперёд. "Справа от себя, как только мы вышли из коридора, заставлен был один из проходов к дальним дверям строительными лесами". За закрытыми дверями слышен был металлический звук, а по высоким потолкам бегала плесень.

Они зашли внутрь, и первое, что Филипп заметил, были

свисающие с потолка провода, готовые в любую секунду затянуться на шее у неосторожного зеваки и повесить его прямо у входа. Состояние бетона под ногами пугало. "Как бы не обвалился...". Один единственный раскладной стул под лестницей и его тенью тихонько стоял там, спрятавшись ото всех.

"Тридцать, тридцать один, тридцать два", считал он номера на бумагах, крутя головой. "Тридцать третья!" и оказалась та дверь на вид намного толще остальных, грубее за счёт разных вмятин, а золотая ручка и вовсе была донорской. Фанерные листы, что её окружали, были не тронуты и оставались чистыми.

Предстала перед ними неубранная грязная комната, захламлённая открытыми на случайных страницах книгами, разорванными цветными картами с чьими-то пометками фломастерами, и горой самой разной ткани на стенах. Бумажные стаканчики упали с разбитого комода от сквозняка на окрашенные дощечки разобранного шкафа. Спинка стула тоже валялась неподалёку от них. "Неужели, с ней всё было настолько плохо? Неужели, в её жизни ничему не нашлось места?"

– Лиза? – прошептал он, остановившись в дверном проёме, – Ты здесь? Это я, Фил. – "кучка одеял, что лежали на кровати, может, она там спит? Не слышит, может?".

– Никем не открывалась она, потому что здесь никто не живёт. Я думала это жилая комната, а оказалась кладовкой. Прости меня, здесь её нет...

Не успел он одуматься, как был отдёргнут с того места, а после нескольких поворотов ключа и звонкого щелчка замка, дверь оказалась заперта той девушкой. "Здесь её нет. Как так?". Зашевелились, вдруг, стены, зашагали колонны вокруг его дрожащего остывшего тела. Любовь сквозь пальцы утекала на твёрдые ботинки. Только кулаком по плитке бить не стал на этот раз, не стоит. Вода сочилась из погнувшихся труб на разбитые столы, образуя блестящие лужи под ногами и создавая преданную забвению мелодию, дополняющуюся звоном летающих снаружи металлических листов. Хруст резины пронёсся громким эхом по всему лагерю, оставляя оглушительное воспоминание о недавней потере со счастливой особенностью снова что-либо чувствовать. Это было прикосновение двух разных рук вне видимого мира, и не видно было им друг друга тоже.

– Если, вдруг, она однажды появится, передай, пожалуйста, эту вещь, – парень стянул с правого запястья белую ленту и протянул его девушке.

– Ты уходишь?

– Пройду её маршрутом от начала до конца, сколько бы мне это не стоило. Но прежде, в последний раз осмотрю

здесь каждый чёртов угол.

Это так странно, когда так долго чего-то желаешь и боишься, что в конце всё это окажется бессмысленным, никуда не ведущим тупиком. И в этот момент, абстрагированный человек выходит за рамки своего сознания, тела и жизни, глядя сверху на самого себя, не забывая о том, где он сейчас и думая: а к чему всё это? К чему всё это ведёт?

– Как сильно ты её любишь? – медленно проговорила она.

– Так, что закрываю глаза на кровотечения... – никакого больше хруста снега под ногами, ни тяжёлого дыхания через кашель, ни болтающихся стальных пуговиц на куртке.

Оранжевые блики отскакивали от чёрных перил где-то неподалёку от громадных мраморных ступеней и разбивались об заколоченные досками огромные окна, создавая интересную игру света и причудливые узоры.

Разрушения пола грохот взорвался в голове у растерянного подростка, в тяжёлых терзаниях принимаемый решение о пути своём дальнейшем долгим, мучаясь, держался вдали. Идти то, ведь, вперёд, конечно нелегко, когда назад вернуться ничего не стоит. Но, не в этом ли жизни смысл? Так и лежал он на полу, осторожно проводя пальцами по ссадинам и другим разным порезам на своём заплаканном лице, с чем

прояснялись в нём здравые мысли. "В одиночку ни у кого нет шанса на будущее. Свет тех улыбок, что виден из прошлого окна, мил будет не постоянно. Решить принять уход их безвозвратный – вот чем было его будущее. Если так, то поделом! Нет ни зла, ни гнева, просто, последнее прощение перед прощанием с ними. И был он лицом новой надежды, и была эта надежда последним вальсом".

Цветы, в его груди прорастая быстро, вырывая кости, тянулись к свету далёкому, имя которому было его жизнью. "Почему я слышу скрипку? Тонкую и грустную кричащую игру за стальными прутьями удерживающими все звуки, их отражение, о спасении просьбы тихие... Почему растёт тревога? Целых тридцать и одну минуту, ни секунды больше здесь я не пробуду, тошно. Разочарован я. Устал. И снова бы блеск воды капель увидеть на ней, как прежде".

Прыжками по стругам исходили безысходные тщетные попытки достучаться до своей любимой в этом глубоком лабиринте с холодными стенами. Как быть? Где найти ту ведущую красную нить? Алиса исчезла, видимо, сбежала. Хотел он снова оказаться на дороге лёжа в ноябре, на разделительной той полосе заснеженной заката последние лучи варежками ловить и не о чём не думать. Не оглядываться за улетающей кепкой, дышать полной грудью, если даже заболел. Не отряхиваться, поднимаясь под шум машин. Мосты бы возводить и не о чём не беспокоиться.

Конечно, помнил он и туч хмурых отражение на блестящих зелёных автомобилях в день тот навсегда всех покидающий, панику и взгляд людей тех похолодевший. Нужно было лишь немного верить в холодный космос. Конечно, не представлял он, что так далеко зайдёт. Но был тому итог. Машины полицейские разбитые за окном оставленные ни чуть его не напугали, натянутые на лица противогазы несколько смущали, правда, перед длинной ночью, не заканчивающаяся до сих пор. Ты понимаешь, что какими бы глубокими не были трещины в твоей жизни, всегда они закрываются золотом.

– Кто-нибудь, остановите его! – закричала девушка за закрытыми дверьми, но указывая на Филиппа, – скорее!

И гром военной силы на него, вдруг, ополчился, раздирая с каждой из всех возможных для него сторон. Открылись двери, света стало больше, но шум людей бегущих разъярённых неведением подкреплённое чувство им добавляло гнева. А вот и прикрытие конец, все всё знают и нигде прятаться. Ничего тот не нашёл, но есть чего теперь терять. Где ошибся он? Почему пошло всё совсем наоборот от плана ранее задуманного? "За что так со мной она? Вроде, даже, поначалу, желала помогать, а теперь спустила всех на меня собак...".

Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был чрез Него.

Верующий в Него не судится, а неверующий уже осуждён, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия.

Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы, а поступающий по правде идёт к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

Высокие стеклянные арки коридоров, убираясь с места, открывали ему дорогу. Бежал он быстро, даже, почему-то знал куда. Подвешенные люстры, лампы наверху полями света говорили с ним при встрече, блестящими кругами на трубах предостерегли от тупиков за поворотом. "Гонятся ещё, не отстают. Зря один пошёл, сглупил. А теперь вот пожимаю. Нельзя к Кириллу, оба не выкрутимся точно, если вместе нас увидят. Бежать отсюда нужно!".

Дорогая древесина кончилась, нету больше ни столов журнальных, ни деталей автомобильных, только бесчувственный по обе стороны бетон, бесконечной тьмой объятые в неизвестность коридоры и проржавевшие вскрытые пустые бочки. Стало быть – выход на парковку весь таким предстал: зелёной плесени с водой, конечно, было больше, разъедающий оранжевый порок на металлических воротах ускользал по швам пола прямо к брошенным покрышкам. Что он видел? Длиннющий перед ним пустой тоннель без индивиду-

альных сколов, ни дел рук здесь находящихся, ни мусора, ни слова не было. Мрак. Только железные вены придавали этому месту, выбираясь из-под пола и в стены снова уходя, дыхания, тяжёлого, хриплого, но до сих пор живого.

– Долбаный бэкрумс, мать его! – надеялся он сбежать отсюда по нему.

Упали первые горячие гильзы под крики с просьбой немедленно остановиться. "Стреляют... Пока, не попали, но, пытались ли сейчас?". Пыль из тех дыр утихла, оседая на деревянных досках и плёнке старой за ограждениями самодельными с ярко-оранжевыми предупреждающими табличками. Наверху был знак "опасность" сразу над двумя массивными укреплёнными дверьми.

Время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий...

– Что такое? Стреляют?

– Фил... – рядовой подорвался с места и не замечая перед собой абсолютно ничего, боясь опоздать, вылетел в коридор под шум и крики. Всё пошло не по плану, перевернулось всё.

Взмыл он к большому свету на своём пути куда бежал расталкивая любопытных горячими по крови руками, выдёрги-

вал толпу из сердца места, не извинялся и не прощал. Бежать куда? Где огонь ведут или наоборот от них назад? Не было времени, ни у него, ни у этого ковчега.

Петли дверные заскрипели, отображая одинокого капитана внутри захламли́нной комнаты как борющегося со всеми демонами сбежавшимися на вкус плоти, думал он, пока есть шанс, пока есть твёрдый шаг и силы в его дрожащих руках. Решения принятие которого, возможно, многого стоит. "Одно из преимуществ гнева – он сильнее страха!".

Было видно сбегающих к лестнице людей в камуфляже и с оружием, перепуганных жителей за захлопывающимися дверьми, искры, дым стволов ещё горячий, пепел. Куски бетонных плит, арматура, мятые двери, всё вот-вот будет навсегда предано забвению, уйдя под землю. Здесь были собраны все страдания, впитывавшиеся в каждый сантиметр молящего о спасении здания. Бежал Кирилл с выставленными вперёд руками, ведь впереди, почти через каждые сантиметры пять-десять, на потёртых распускающихся верёвках висели разные ткани, пледы и полотенца на сушке, здесь, в не самом практичном для этого месте, честно говоря. Бьющие его по лицу одеяла не столько раздражали, сколько препятствовали передвижению практически вслепую и в не без того узком тёмном помещении с коробками прямо под ногами. Кое-где он останавливался, чтобы сдёрнуть их на пол и окончательно не сойти с ума. Конец настал всякому при-

творству.

Пальто молодого человека летало на руках встречного ветра, когда сам он размывался на деревянной палитре всяческих смешивающихся эмоций. Теряя что-то, не понимал. Тени одна за другой за ним не поспевали; соскальзывали со своих насиженных ярких мест чуть выше полутора метра от вида его, пытались ухватиться за его отстающий на секунду образ, но видно безуспешно. Разбивались, достигая пола.

"Позади ещё что-то разбилось, где упали осколки вместе с гильзой. Но, не по мне же стреляли, верно?". Оглянулся он поддавшись любопытству, всё-таки, был тот звук выстрелом почти рядом. Звук трескающихся досок доносился отовсюду, а фанерные стены с грохотом обваливались друг на друга, словно случайно задетый кем-то картонный домик. Огромные и яркие языки пламени, хватаясь за обгоревшие рамы, выходили наружу, пожирая последние нетронутые углы кашляющего кровью здания. Также ярко огонь горел и в глазах наблюдавшего за этим зверским убийством Кирилла, пытавшийся убрать дрожащие руки со своей головы, схватившись за неё от страха. Слезы его рождались в оранжево-жёлтых бликах теряющего свою силу огня и скатываясь росой по горячим щекам падали на шахматную плитку. "Старик обезумел. Что он делает? Что делаю я?". Он по-прежнему оставался стоять на том месте, откуда выстрелил из своего оружия, что ещё дымится у него на плече. "Что он творит? Зачем?".

Леса вокруг падали, чьи основания подпалённые оказались за творящейся тревогой и разгневанностью военных сил. Несколько оглушающий хлопок пронесли по коридору и отразившись от стены повторно ударили по ушам, заставив абсолютно всё внутри помещения вздрогнуть. Даже освободившись от преследования, Кирилл был не в силах бежать, молча смотря на стоящего в бездне Трофима Андреевича. Выстрел. Выстрел. Ещё один выстрел, после которых вниз полетела штукатурка. "Не нравится мне это...".

Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга.

Почему-то неслышно было стаскивающей с крыши стальных листов водой от таяния снега. Стало быть, потеплело. Вид крошечных отколотых песчинок от колонн по обе стороны чуть позже несколько стал раздражать хрустом, следующий за движением стальных ножек койки рядом. Спокойствие давно покинуло эту часть помещения, вылетев отсюда со всеми напоминаниями о важности сохранения человечности, с мятыми документами с, наверняка, очень тяжёлыми подписями и синими печатями, со всеми набросанными в приливе счастья и любви рисунками на жёлтых тетрадных листах с выцветшими полями. В какой-то степени, даже, похоже снова всё стало на не перестающую внушать глубокий страх тьму снаружи: то же открытое пространство с уникаль-

ными предметами прошлого под рукой, ничем не рассеивающийся мрак, и постоянно всхлипывающее чувство тревоги. Брат в руки осколки в ярости выбитого окна, конечно, было ещё рано, но блестящая их игра с отражающимся светом притягивала. Ничего с этим она поделать не могла, война всё-таки за стенами. Выход был, но не за дверьми. Сами вырезанные из слегка мятого белого картона пятиконечные звёзды на таких же ниточках, подвешенные к потолку, стаскивали укрывшиеся под большим тёплым одеялом мысли о побеге, казалось им, что дорога всегда была чиста. Славно представлять их робкие прокручивания на подлетающему кверху сквозняку, куда, пока, не достаёт девушка.

Казалось всё, вдруг, сыгранной игрой на синтезаторе неким абстрактным длинноволосым музыкантом. Бедным, но счастливым за музыкальным инструментом в своей тёплой комнате с открытым для солнца окном. Неподдельно счастливым. Почему-то, и она хотела себя в нём видеть. Но дотрагивалась, к сожалению, только до тлеющей чёрно-белой плёнки с изображением в инверсии. Перекошенные балконы с трубами и кирпичом, закрывающие всё белые ветки деревьев. Камни и калитки без черноты. Оранжевые полосы в отверстиях, по-видимому, для проигрывания. Притягательно весьма. Но чего ей не доставало? Обделена чем оказалась? И вновь, представлением картины возникали у неё в воображении за закрытым одеялом: занавески светлые, свитера и заплетённые косички. Чем не счастье ей, что говорило

напрямую с ней? Но огонь из оружия неподалёку не думал прекращаться, только разгораясь, поддувал волнений костёр вокруг себя.

Мягкий лепесток решил к ней пожаловать под шум стрельбы, не поддаваясь ему, он залетел в угол как ни в чем не бывало, лишь чем-то размахивая в руках, приветствуя. Она мягко приземлилась на упавшую подушку рядом, осмотрелась, совершенно точно, и нежно, не спеша, приоткрыла угол ткани, чему-то улыбалась. Лиза не спешила одаривать её вопросами, будучи подавленной ситуаций, нагружать подругу и своими криками она не желала, поэтому не долго думая, схватила Алису за рукав и затащила в спрятанное королевство.

– Опоздала, но вижу, речь о казни не к месту будет.

– Я так переживала, ведь ты ушла туда, но выйти было страшно...

– Запомнить бы эти часы рядом с тобой как можно ярче. Они такие тёплые.

– Почему?

– Кажется, это ваше. – подружка сняла с себя чужую куртку, возвращая назад, – позвольте вашу руку, пожалуйста.

– Прекрасное мгновение, даже под разрушением. Ты прекрасна. Во всём. Не кажется ли, что я повторяюсь?

Невысокая девочка очутилась посреди небольшой захламлённой незнакомой комнаты с двумя кроватями по разные стороны, две тумбочки, два шкафа. Вся привычная одежда, в которой её она видела постоянно, слетела, изменившись на совершенно необычную и неестественную в новое время чистую голубенькую пижаму, на несколько размеров больше её размера. За окном было по-прежнему темно, но, кажется, вовсе не из-за дыма. Неужели, ночь?

Вбежавшая в эту комнату немедленно подпрыгнула к сорванному выключателю вместе с пластмассовой коробочкой и чуть ли не касаясь самих проводов – включила свет. Жёлтые подпалённые в нескольких углах и больше порванные обои загорелись, ослепляя проснувшихся. Подняли, за чем-то. Алиса посмотрела под ноги после прыжка, надеясь, что ничего не сломала, также грозно, как и, войдя сюда, она направлялась к совершенно непонимающей всей ситуации и озадаченной Лизе с заклеенной коробкой разных грохочущих вещей, видимо, мешающие спать соседям.

– Это опять пятьдесят третья!

– Госпожа староста, это не совсем то, чем вам кажется. Неудачное вы, по правде, время выбрали, чтобы застать меня убирающуюся. С переезда осталось несколько коробок.

– Бессонница совсем? Хохочите втроём здесь, ходите, скрипите. Ладно вы, балбесы, не спите, ну, ведь, и другим

мешаете. Скажите нет?

– Ответить: нет, на какой вопрос?

– А на тот: останешься ли здесь, Лиза? – встала она в дверях.

– Предлагаете прогуляться? Ночью по коридору общежития?

– Позвольте оторвать вас от дела? Если, конечно, вы закончили с грохотом. – рассеивание тумана лжи, пока что, не предвиделось в скором времени, посему пользуясь случаем, никто не против отыграть свою роль в живом не откашливающемся кровью мире также.

Неприкаянность препятствовала полному воплощению идей в жизнь, стало быть, непреодолимый барьер.

Лиза открыла глаза и снова увидела рядом сидящую с ней во всё той же немного грязной мешковатой одежде подругу, закончившая перевязку руки какой-то белой лентой. "Зачем она её повязала?". Заметить это, находясь под впечатлениями от странного минутного сна было невозможно, как и догадаться о значении этой вещи для неё. "Пока что, кроме символического заключения отношений это ничем не казалось. Не более чем обычный подарок. Счастье".

– Замечательные доверительные отношения строятся на откровениях, время от времени, и правде, какой бы она не была. Думаю, для неё сейчас самое время.

– О чём ты говоришь? – Лиза смущённо замолкла, ожидая ответа.

– На какие жертвы ты шла, чтобы сохранить любовь? Неважно, сейчас или в прошлом.

– Я была готова даже оказаться здесь, чем стать причиной его боли.

– Боль от затянутой на правом запястье ленточки тебе ничего не подсказывает? Возникают образы в голове, чем это может быть?

Слишком много воздуха требовалось, чтобы ответить на вопрос, но столько не было из-за подступающей к трескающемуся потолку воды. Все жалобные кряхтения вырывались дёргающимися пузырями, лопающиеся от её попыток ухватиться за какой-нибудь невидимый спасательный предмет, что чудом вытаскивает её к поверхности. Тело остывало вместе с головой, и рационально правильные варианты выплыть угасали где-то на глубине.

Под завалами и горой бетонных плит виднелись зеленоватые водоросли со дна, пытающиеся вырасти и ухватиться за ботинки утопающей, они неестественно вытягивались. Всё в точности, как он рассказывал. Удушье становилось концом воспоминаний о гниющем на промёрзлом берегу теле в белоснежном свадебном платье, но уже без ленточки на её поясе. "Разбить плоским камнем рядом и покончить с этим", думала она. На ней фрагмент чужой первой трагичной встре-

чи со смертью. "Филипп!".

Атмосфера нереальной лёгкой сказочности таяла на чёрных камнях, неторопливо отдирая части прошлого друг от друга, смешивая хаотично выбрасывающиеся наружу чувства в ярости и радости. Мир это земля страданий вечных.

– Где ты её взяла? Откуда?

– Сейчас я всё о себе расскажу, всю правду, что сделала, и чего нет. Что знаю, и почему не говорю: парень, о котором ты рассказывала, был здесь, это он передал мне эту ленту.

– Не понимаю... Не может быть. Как?

– Также подумала и я, но не могла сказать, что ты здесь. Обманула.

– Что ты наделала... – она растерянно заморгала, боясь взглянуть на руки.

По красным от холода щекам прокатилась реальная горячая слеза, своим слегка солёным вкусом приводящая в работу все механизмы мышления к быстрому решению задачи. Предпринимать совершенно точно глупое и опасное действие нужно немедленно, чтобы просто встретившись с ним взглядом дать понять, как сильно его ей не хватало. Как он буквально стал частью её второй жизни. Жить сейчас нужно только ради смерти рядом с ним, потому что, наверняка, второй такой встречи точно никогда не случится. Но тяжесть слов сказанных Алисой, само собой, имели за собой

гигантское количество времени для размышлений и трактовок прямо в данный момент; она вонзила сияющие крючки в её тело, вынимать которые из своего тела будет невероятно больно. "Почему она так поступила? Неужели, в каких-то случаях действительно не существует варианта, как просто обмануть ради блага? Что тогда это за счастье, если выстроено на костях?"

В голове маленькой девочки собирался настоящий ураган борющихся за главенство над её действиями эмоций, вбирающий в себя сейчас каждое запомнившееся слово и последний шаг в противоположную сторону от Алисы: заганность, беспомощность, ненависть. Истерия, в конце концов. "Война сейчас из-за него. Филипп преодолел огромный путь до сюда не за смертью. Нужно как можно скорее отыскать его в самом большом пламени".

"Но, как так-то? Ложь – двигатель всего доброго". Страшно заворачивать за обтянутые плёнкой коридоры и в их тёмные кабинеты, не испугавшись стоящей в углу швабры или болтающейся на проводных лампы, не представляя это зажмурившимся от страха человеком в военной форме и с заряженным автоматом в руках. Всё могло закончиться в любую секунду, окажись кто из двух сторон более невнимательным. Взгляд потух. Стрельба велась неподалёку, настолько же близко был её возлюбленный.

А что это? Забрызганный зелёной краской фрагмент её незаконченной фрески посвящённая незаконченной жизни,

где был символ с куртки Филиппа. "Алиса избавилась от всего, что могло помочь ему меня найти. Пока, не знаю, как это воспринимать...". Чёрные контуры фигур тоже были обезображены этим действием. Значительная часть картины пострадала от нескольких секунд ревности, конечно, было страшно. Выстроенные из столов баррикады почти у каждого угла, но без единой за ними души, простаивали в одиночестве. Никого не было. Кто-то готовился, ждал, но неизвестно куда пропал. Всё отдалялось и переходило из одной условной зоны в другую, попутно разрушая предыдущее после битвы залы, которые под это совершенно не годились. На глазах буквально всё разрушалось: часы трудов сыпались с потолка и разбивались об уже крошившуюся под ботинками шахматную плитку. Свитер чернел от пыли в воздухе. "Стоило ли продолжать разговор с ней, если основание их отношений пошатывалось в тот момент. Нужно ли было лично ей попробовать выяснить мотивы её обману и фактическому началу конфликта внутри ковчега? Найди меня Филипп намного раньше, как изменилась бы игра?"

Дышать сейчас было труднее как никогда. Горячее и волнительное дыхание ударялось об осыпающиеся с потолка частички пыли и возвращалось, из-за чего на лице появлялось обманчивое колющее чувство. Глухие барабаны пронесли по всему залу, исчезая вместе со своим эхом. А не покидающий разум образ был где-то неподалёку. Далёкий

величественный гул продолжал нагонять ужасу на хрупкое тело девочки. Она представляла, как что-то невообразимо больших размеров прямо сейчас склонилось над маленькой бетонной коробочкой с такими же маленькими, но беззащитными живыми песчинками без целей и радости, пытаясь не затронуть хрупкие нити у себя под носом хотя бы в этот раз. И яркие вспышки молнии вновь резали ткань между моментом прошлым и настоящим, предоставляя бледным женским рукам прикоснуться к никогда не существующему моменту происхождения ярких впечатлений. Ей приходилось раздвигать острые полки для высвобождения света. Яркого белого света. Света прошлых криков и небезнадёжных мечт о бесконечном цикле позитивных эмоций. Что это было на самом деле? Заполняющие фрагменты пустого и бессмысленного существования души? Образы для полного заполнения личности и её нормального функционирования? Отнюдь. Всё, о чём она думала – как бы не пропасть. Как бы не исчезнуть без чьего-нибудь постоянного заботливого внимания. Если всё это части всеобщего образа, то, что она? Кто такая Лиза? Бесконечная колыбель ошибок отделённая от таких же отвратных вариантов будет вечно преследовать её вечно. Вечно. Вечно, пока она не осознает её полностью. Находящаяся в петле, обречённая страдать по своим ушедшим воспоминаниям.

На невысоком деревянном небе висела призма, отражающая свет закрученной в неё лампочки. Луч, выходящий из

её граней, приобретал предписанный ей кем-то спектр, цвет, чем была способна вызывать эмоции. Синий как отражение ритма бьющегося внутри тела сердца, зелёный как цветущее растение на холме в будущем, фиолетовый как неопределённость, а красный – подобный встречи с ним момент. Как же сильно она в нём нуждалась. "Впереди закрытые двери. За ними все они".

В Нем была жизнь, и жизнь была свет человекoв.
И свет во тьме светит, и тьма не объяла его.
Пришел к своим, и свои Его не приняли.

Кирилл обернулся и увидел полного уверенности и горящего немедленной справедливостью Трофима Андреевича с остывающим на плече автоматом. Огонь его был направлен в сторону убегающих прочь людей в форме, казавшиеся тогда ему друзьями, хотя задеть он никого не пытался. Только переключить всё их внимание с убегающего в страхе мальчишки на себя, отдав ему несколько минут на побег. Он жаждал измениться и быть наконец добрым в глазах своего рядового, которого любил. Это его жизнь.

– Что вы делаете, капитан?

– В опасности находятся жизни намного важнее. Парень сам не выкрутится, нужно действовать сейчас.

– Опустите ружьё!

– Не пытайся остановить меня. Я не хочу твоей помощи. – Трофим Андреевич повернулся, а затем продолжил, глядя на него через плечо.

– Но...

– Просто дай мне сделать это для тебя, чёрт возьми, Кирилл! – мужчина вытолкал своего напарника за двери в коридор, подпёр выход поднятой неподалёку железной трубой, и встал напротив бегущих к нему людей, – просто... Отпусти. – шум недоумевающих миротворцев был всё ближе и ярче за закрытыми дверьми, они почти близко.

Снега настигают. Постели снова другие. Попутные ветра угоняют. Где все они, разделённые путями страшными потерянными в небе точки. Нет их.

Бедный молодой человек утопал в ярости от совершенно безумного спонтанного действия, никак не нашедшее в нём его решения. "Неужели, совсем нет другой дороги?". Конечно, он стучал, просил открыть и всё разрешить. Конфликт развернуть снова, смять и выкинуть, чтобы не видеть, только уходя. Не повторить, не потакать. Это нельзя. Страх, что не мужчина, если не помог. Он не может убежать. Может, простит? Через деревянные лестницы и строительные леса, запечатанные обтянутой сверху плёнкой, сквозили тёплые золотые слова, доносящиеся с проходящим по телу электрическим синим, словно бриллиант, током. Они обманывали пули, воскрешали летнюю утреннюю прохладу на подоконнике

с цветком, заменяя солнце, и просто вдохновляли окрыляя. Кричал Кирилл, громко и в последний раз, прося прощение. Боялся он больше за себя прошлого, за то, что не так давно сделал – убийство доверия его мучало. Таков удел мёртвого мальчика.

Конечно, знаком со смертью лично был он, знал её, говорил и провожал. Мужчина провёл рукой по голове, приглаживая седые волосы, и тешил себя спокойным голосом, кажется, ничего не боясь.

И снова блеск тающего на улице снега привиделся на щедро одарённых массивными трещинами витражных окнах внутри, их отражения, их игра была замечательна бегающему глазу. Пора возвращаться назад. Исток. Стук жёстких резиновых сапог миновал маленькую девочку, оставляя с ощущением стекающего холода наедине с опустевшими впереди закручивающимися вовнутрь туннелями. Всё помещение было завернуто в один большой пакет, откуда кто-то выбежал. Кажется, вон он!

Открыв глаза, парень не спешил кричать, потому что не до конца понимал происходящего вокруг, списывая это на ещё продолжающееся сновидение, от которого он не полностью отошёл. Мозг только-только запустил свои процессы, а поэтому думать и оценивать ситуацию было пока сложно: побег, предательство, бесцельное блуждание. Напрасен оказался путь. Стальная ржавая дверь открывалась с звуком ис-

порченной кем-то скрипки, проскакивая между мыслями о дороге и громяющими кастрюлями, создавая внутри черепной коробки раздирающие душу звуки, от которых даже после закрытия ушей ладонями у висков пульсировали вены. Филипп увидел забитую в угол девушку. Елизавету. Свою жизнь. Свою возлюбленную.

– Как только мы оставим попытки сопротивляться, они решат, что с нами делать. Чтобы ты не думал, просто останись! Если мы будем делать, всё, что они говорят, то можно легко отделаться. – с досадой прошептала она.

– Но они злые! Они запугивают людей снаружи, они разгневались на меня, они держат вас здесь как в тюрьме.

– Именно поэтому мы не можем бежать отсюда.

– Именно поэтому мы обязаны бежать отсюда! Послушай, никогда в своей жизни я ещё правильно не понимал свои чувства. Думал, что поступаю правильно, а на деле просто боялся. Пытался прятаться. Остерегался.

– Я бросила тебя...

– Но, ведь, оказался здесь я только из-за тебя. Из-за тебя я не закопан сейчас под песком у грязного озера. – голос Филиппа звучал простительно.

– И на мне, как видишь, нет белого платья.

Он протянул ей руку, помогая подняться. Последний в этом здании выстрела шум все уловили, прежде чем вы-

ползти из укрытий. Воспоминанием хотелось объяснить тот непохожий ни на что вид представляющихся впереди новых бликов цветов, оседающие рыхлым слоем блестящих жёлтых звёздочек. Тугие красные нити обоих соприкоснулись с уходящей за закрытые двери лентой. Переплелись, наконец, найдя выход из лабиринта.

Мир этот и земля страдала, но не показывая агонии, лишь тихо проливая нескончаемые слёзы, испытывая невыносимую боль, которую терпела. Ревнуя ко всему, оплакивая неспособное более вздохнуть голубое небо, окружающее всякую душу кричало, пока голос не стал беззвучным. Нимбы спали с них. Ладони их были холодны, но чувства друг к другу как никогда теплы, преобразились за долгую дорогу они. Поделились тайной нескончаемо текущей из клетки головы их медленно, переживая за жизнь. Пускай, крылья были подпалены, пускай, нет больше синего моря, красоты горизонта того, куда идут. Видели в глазах они вокруг себя нескончаемый вакуум, не пропускающий через свои невидимые границы звуки и стены те поваленные.

Шли они под нескончаемый грохот позади, напоминающий упавшие где-то в пустом закрытом пространстве стальные предметы, чьи сильные волны волнами разбивались о плотно натянутую на выходе ткань. Глухо было, как под водой. Свет ламп ещё не разбитых сам по себе стал исчезать за обхватывающими всё существующее руками темноты.

Разбитой на маленькие щепки оказалась давно исчезнувшая розовая музыкальная шкатулочка с нарисованными на крышке облаками. Казалось, что едва доносящаяся из под пола её хрупкая дрожащая мелодия до сих пор приводила в движение колеблющиеся из-за ветры лампы на проводах. Где они в свою очередь по-матерински крепко и любя обнимали последний в этом мире свет, не желая никогда с ним расставаться. Смотрелось это всё по живому. Осколочки окон внутренних более не тянутся к рукам, а шея оказалась свобода от петель. Филипп слегка сбился с проложенной красным огнём дороги, и в ту же секунду почувствовал невероятно давящее чувство на свою голову, от чего, вдруг, упал на колени. Мысли взрывались ярчайшим фейерверком, но было ничуть не весело как на новый год. Черепная коробочка просто трескалась от такого давления, перекрывая недавнее приобретение счастливой любви. Стоило только отвести взгляд от кем-то открытых дверей наружу, нагнуться за валяющимся грязным, но тёплым пальто для своей девушки, как нечто огромное, случайно, потеряло над ним контроль. Парень не стал долго ждать последствий этих ужасно мучительных воздействий на его разум, а поэтому, быстро раздвинув перевязанные старыми чёрными нитками документы в индивидуальных кожаных папках, что были сброшены в кучу, он схватился за слегка порванный рукав и вытянул пальто наверх. "Вот оно, возьми, пожалуйста, ты замёрзла", обратился он к застывшей Лизе. Девушка специально схва-

тилась за низ своей большой кофты, иначе выйти из погружения было невозможным. Она вернулась на Землю. Но как бы заманчиво и прекрасно музыка не игралась с сознанием внутри сна, всегда найдётся то мимолётное событие пытающиеся как можно крепче ухватиться за столь хрупкое под-сознание.

Колыхающий двери выхода ветерок донёс ранее не слышанную весть: ужасающую и непроглядную тьму разразил белый девственный свет, дарующий нам надежду на возвращение из пожравшего всё тёмного вывернутого чрева. Вполне возможно, что крики людей за их невидимым полем могли как-то предостерегать от опасности и жестокости нового луча, но, как бы то ни было, он их бесследно стирал ещё до возникновения. Пресекал. Человек за стенами этих величественных зданий походил ни на что иное как на загнанного в угол зверя, представляющий себя несмотря ни на что самым важным игроком всех предыдущих и бесконечно следующих за ними партий. Самонадеянно, увы, но справедливо их такое суждение. Именно поэтому он здесь. Для преподношения уверовавших в него своими личными нитями, которыми вяжут себя оставшиеся, нужно достаточно времени.

Слегка прозрачное бледно-серое вещество неторопливо заглядывало в каждую комнату. Мило прислоняясь ко всем побитым деревянным углам дверных проёмов, оно пыталась ухватиться за что-нибудь живое и стать его частью, пробрав-

шись к этому непосредственно изнутри. Засвистели оставленные на улице горлышки зелёных бутылок, и только звук их не желал ничего покидать с остальными друзьями. Захрустела трава над пропавшим мокрым снегом в чёрной рыхлой земле. "Удивительно!". Не завершение ли заключается в подъёме? Угасли последние огни цивилизации за их спинами, двери заперты, а буксировочный трос всё никак не закончится. Стекающий с крыши снег стучал по лежащим на холодном асфальте осколкам окон, образуя блестящие лужи под ногами и создавая преданную забвению мелодию, дополняющуюся звоном металлических навесов. Вопросов становилось всё больше и больше, а ответы были размыты или вообще не найдены. Размытым казались и изменившиеся взгляды пары на окружающий их новый мир и на вещи, что в нём теперь являются нормой. Филипп сплёвывал воду, стекающую с его волос, стараясь на этот раз как можно более детально запомнить свою девушку, не отпуская её горячую руку.

Под ногами оказалась твёрдая земля, ступать по которой вглубь вытянутой глотки предпочтительнее проваливающегося снега, хоть и дышать там труднее. Асфальт, почти полностью стёртая разделительная полоса, поваленные знаки. "Уже близко мы". Все эти короткие отрывки серии наполненные ярким слепящим свечением и грубо вырезанными из контекста фрагментами передают некоторый необычный момент, когда на короткое, по меркам того измерения, вре-

мя действительно веришь в то, что происходит по ту сторону сознания, кажущееся бледно-голубым хором летающий в округе разорванных палаток. Почва несколько проседала под тяжестью их ботинок, куда невольно проваливаясь они неловко падали друг на дружку, помогая подняться. Им был мил блеск глаз, развевающееся на ветру волосы и простые тёплые прикосновения их рук.

Две птицы, вдруг, взмыли вверх за кислородом, в котором нуждаются. Такие треугольные осколки уже больше не собирались в единую часть чего-то большего и разумного, вовсе нет. Они оставались жалобно разлагаться на мельчайшие крупички действий и явлений без единого шанса на восстановление в прежнюю форму и на принятие верной формулировки. Направляющиеся вверх чёрные матовые камни вырастали из земли, плесени и снега, создавая вокруг себя свой мир. Родной мир. Такой, каким они его всегда помнят: тёмный, жуткий, грубый. Еле видимые белые кристаллики осыпались с них после каждого громкого шага перед ними и исчезали в белом снегу, где их больше никогда никто не найдёт. Иные графитовые стержни, порождённые живой и бесстрашной тьмой, вытесняли собой самые обычные не скрытые под толстым слоем снега кирпичи и камни. Кажется, они были такой идеальной формы, что лишь при одном взгляде можно было увидеть правильную геометрическую фигуру с идеально правильными гранями.

Под звук искажающейся до потери своих первых воспоминаний и формы материи открывались фиолетовые ворота. Увидать их, конечно, можно было, недалеко они были. Повторялись за засыпанными песком чёрными массивными плитами.

– Меня видно насквозь, и ты знаешь, кто я, потому что отталкиваю любого, кто согласен меня терпеть. – наконец, задумчиво протянула она, продолжая бессмысленно шагать вперёд.

– Как и я. Выходит, мы та ещё парочка проблемная?

– Получается да.

Графитовые плиты протянутые прямо к воде сейчас будут засыпаны падающим с иллюзии неба крохотным снегом, всё-таки оставляя абсолютно чистой ту часть дороги, по которой эти двое пройдут вперёд меж сожжённых по обе стороны лесов. Вороны впоследствии доклюют гниющую плоть и мясо на ветках, оставленную здесь кем-то до них, но не до конца, ведь, постоянно возникающий на условном горизонте ярко красный свет будет спугивать их. Корни этих деревьев уже никогда не прорастут дальше, оставаясь чуть у поверхности. Будут выдернуты теми, кто запнётся об них. Листва, что на них ещё осталась раскрошится скоро по камню в сухую жёлтую пыль. Совершенно не испачканные белые рубашки на тех же самых длинных рукавах висят где-то на кронах, раз-

веаясь словно кричащий о чём-то флаг. Казалось, что проходя мимо тянущих болью, страданиями и невероятно тяжёлым воздухом стволов можно было услышать молящий о помощи хрупкий крик. Слезающая с них сажа и пыль разлеталась в стороны от малейшего прикосновения к ним. А что до рук, то они всё мёрзли и мёрзли, вот же ж неприятно. Дорога резко сменила своё направление в какую-то совершенно неизведанную серую историю с последним разблокированным исходом и без возможности даже одним глазом взглянуть на пыльные прозрачные варианты позади.

– Я скучал по прошлому только потому, что не был несчастлив в своём настоящем. Но я больше не знаю ничего. Мне нужна только ты. – предмет на который Филипп наступил буквально вонзился в его незаконченную мысль, разбивая подступающий поток слов лёгким металлическим звоном о резину его ботинок. "Зажигалка".

Такие вещи он очень ценил и очень боялся потерять из своей жизни – маленькие яркие ленточки с самыми запоминающимися кадрами его бессмысленного бытия привязывали его к земле, возвращая в обычный людской мир, откуда он так пытался сбежать. Остальной десяток таких же зажигалок оставался жалобно разлагаться на мельчайшие крупички действий и явлений без единого шанса на восстановление в прежнюю форму и на принятие верной формулировки. Про-

хладный дрожащий воздух подступал к шее даже через плотно закрытую куртку, и, тая на жарком от волнения участке, распался на примитивные вздрагивания, но уже без ощущения присутствия постороннего человека неподалёку, потому что никого кроме них двоих не существует больше.

Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный.

Воспринимая действительность в углублённых недрах высокомысленного содержания, мы запускаем новую партию интерпретации мира.

Преобразилось окружение после первой попытки создать огонь настолько сильно, как только это могло уложиться в головах двух подростков, чудом оказавшихся здесь. Первая вылетевшая из-под кремня искра стала, вдруг, ярче солнца в безоблачный полдень, ослепив обоих до полного беспомощности на какое-то время, обернулось единением. Воздух сгорал как офисная бумага, оставаясь кучкой пепла на красном камне.

Также как и там, прохладно было в самом дальнем отделе магазина через дорогу за их новой школой, куда оба решили заглянуть перед началом занятий. Встретились они абсолютно странно при поступлении туда, но быстро поладили. Мятая пачка овсяного печенья упала от его неосторожно-

го прикосновения, при попытке протиснуться меж двух стоящих в проходе людей, не поспевая за свободно летающей по всему чайному отделу Лизой. Он быстро затянул болтающиеся лямки рюкзака, извинился зачем-то, и вернул товар на полку туда, где одна из люминесцентных ламп, видимо, перегорела, и висела на хлипких проводах. "Ничего особенного, обычная практика для такого места. Никто не жалуется, и я не стану". Во времени этом, в небольшом промежутке была странная закономерность: он подходит к лампе – свет моргает. Стоит ему только сделать несколько шагов от них в сторону, как всё возвращается на круги своя. Но никаких знаков или вообще чего-то странного парень в этом не замечал, ссылаясь на постоянные перебои с техникой на протяжении всех следующих друг за другом последних шести дней со вторника двадцать второго сентября. Сегодня седьмой день. Двадцать восьмое сентября, но не суббота. Один дробь два.

– Ты кончаешь в шесть? – спросил Филипп, подхватив падающие покупки из рук своей подруги.

– В без двадцати, ещё две минуты на сдачу ключей от кабинета вахтёрше.

– И ровно двенадцать до дома.

– Угу.

– Может, отпроситься с последнего... – еле слышно про-бормотал он.

– Я тебе уйду! Ты долг за контрольную закрыл? Я не смогу всегда вымалывать тройку в твоей параллели, я должна присутствовать и на своих уроках тоже.

– Прости. Я точно был уверен, что посчитал уравнения реакций правильно!

– Лучше правильно посчитай мелочь, кажется, у меня немного не хватает.

Покинутым оказался слегка прохладный голубой продуктовый магазинчик на улице через дорогу от новой школы, откуда они вышли в слегка недопонятых отношениях, не представляя: поддержали они друг друга, или, наоборот, открыли коробку со сверкающими гвоздями. "Может, уже пора?". А разрывающий ткани шум испорченного старого телевизора потихоньку подступал к их запертым воротом в ожидании поворотного события. Совсем скоро.

Пока не заметно было затмение, чем-то совершенно вычурным для этой сумасшедшей недели предстала пустая магазинная тележка прямо у дороги, полностью вся покрытая тиной и чем-то, что напоминало мох, наверное. Зелёные водоросли намертво обвилились вокруг прогнутой вовнутрь стальной сетки и колёс, слово на скелет было натянуто недостающее мясо. "Кто, интересно, достал её и откуда? Утопил что ли кто-то". Нечто похожего цвета в городе никто месяц не может найти, не говоря уже об украденном из супермаркета утопленнике. Причём, стоял он себе спокойно прямо

близ проезжей части так, словно никому совершенно не интересна была его история возникновения; никто кроме Филиппа не пытался дотронуться до неё, не передвигал с места и не фотографировал. Станным было её нахождение здесь, интересным, по большому счёту, но нужно поскорее возвращаться в класс до звонка и не дай Бог следующим за ним пропуском в журнал.

В школе, на удивление тихо. Начались уроки, и шум доносился только за закрытыми дверьми отдельных кабинетов на втором этаже. Только на первом просиживающие окно в расписании старшеклассники из параллели молча смотрели в телефоны и изредка прохаживались от столовой обратно до гардероба, находясь в полнейшем безделье. Для только что обманувшей дождь пары такое видеть не впервой. И держащий в своих руках сумку Лизы парень ощутил прилив расслабляющей его тело силы извне, предшествующее потемнению в глазах. Подкосились ноги, и он чуть не упал на каменный пол.

– Не понимаю только откуда помню пасмурный вечер, заснеженное поле, лес по обе стороны, и машину на дороге позади. Не совсем на дежавю похоже это чувство.

– Ты спал последние ночи? – забеспокоилась она.

– И сном это не назовёшь... Дни были перемешаны. – рука Филиппа соприкоснулась с рукой девушки, и ничего не

сказав друг другу оба посчитали это приемлемым. Наверное, сказали сами себе: наконец-то!

И назвал Бог свет днем, а тьму ночью.

И был вечер, и было утро.

Помрачнело небо, земля ушла под ноги не торопясь вместе со всеми фонарными столбами. Дома исчезли. Ничего будто никогда не было, ни слов, ни поцелуев. Шелест сухой переживающей осень травы бился о стенки застывающего посреди небытия пространства разума, крепко удерживая его на земле и не давая взлететь вместе со всем остальным.

То, чего не было – испарилась, обратившись в грязную болотную воду. Грубые позеленевшие корни не находили себе уютного места под осыпающейся в это холодное озеро землёй, потому неспешно выбирались изо дня в день наружу к плавающим на поверхности белым цветам, охотно принимающие новых гостей. Уютно там было, хоть и прохладно. Кое-где, даже, маленькой корочкой льда вода у берега обрастала, медленно застывая у всех на виду. Видно также было желтеющие снизу листья кустов у подскакивающих время от времени волн, но таких немного осталось. Вся сорванная водой зелень в тот час уносилась куда-то за мягкие упавшие с неба облачка, не возвращаясь с не частыми приливами. Конечно, желанием единственным стало их возвращение, но, стоит ли, если уже кто-то распорядился их отпустить? Двадцать вось-

мое сентября, но всякий раз как новый четверг. Один дробь два как одинокий человек. Девушка смотрела на крыши многоэтажных домов через маленькое окно своего подъезда. Ей нравилось провожать день сидя на бетонных ступеньках в окружении серых, но ярких стен, мечтая о каких-то моментах и событиях, которые вряд ли произойдут в её жизни. Почти каждый вечер она наблюдает за оранжево-красным закатом, просто наслаждаясь приливом необычного настроения в этот час.

Кажется, что вот оно снова заполняют всю комнату от края до края, не оставляя ни единого глотка воздуха у потолка. Какое-то одно короткое появление маленьких буковок на экране её телефона прокручивает утраченные события прошлого года как нечто совершенно острое до взрыва с улыбкой и горькой досады. Самые последние единственные шансы на изменение всех произошедших ошибок, светлые возможности на будущее – вот чем представлялось одно нажатие на даже не на сообщение в их чате, а на всплывшее пару секунд назад уведомление в списке недавних. Но, почему-то, никак не нажимала она. Вся сорванная водой зелень в тот час уносилась куда-то за мягкие упавшие с неба облачка, не возвращаясь с не частыми приливами. Конечно, желанием единственным стало их возвращение, но, стоит ли, если уже кто-то распорядился их отпустить? "Нет".

Закрытая снегом красная каменная плита под их ногами заканчивалась прямо у начала крутого земляного оврага впе-

ремешку с глиной. Часть сколотого монолита была воткнута в песчаный берег озера и омывалась пеной вместе с абсолютно чистой водой. На этом путь одновременно заканчивался и только-только начинался после спуска вниз, предлагая ещё одну единственную дорогу к чему-то большему. Ранее не представляющемуся возможным. Филипп остутился, прыгая с камня на камень, и обеими ногами увяз в большой луже грязи, где среди маленьких бетонных обломков и плотного слоя пепла, в открытой чёрной бездне, он смог разглядеть свои озадаченные, и, даже, слегка грустные глаза, выжигающие потрескавшееся пыльное стекло противозага.

У выросшей позади неё стены, куда она никогда не думала смотреть, вдруг, оказалось нарисовано чёрной краской гигантское глазное яблоко вместе со всем множеством самой разной длины ресниц, веки, капилляры, зрачок и самый живой блик на нём из когда-либо виданных так близко. Его невероятное, но уже, кажется, неудивительное перемещение по разбитому теми же кирпичами, что валяются у проезжей части, происходило совершенно бесшумно. Рисунок пытался кричать о скатывающейся на его щеку слезе, но никто не смотрел на него. Всем оказалось плевать. Тогда он принял решительные действия по наблюдению за проходящими мимо него фигурами, привлекая все их стремящееся куда-то вниз потускневшие взгляды болезненными частыми морганиями. Убийственные тени, что загораживали его яр-

кий блик, появлялись всё чаще и чаще на это незнакомой для всех улице, бросали мусор себе под ноги, пинали осыпающиеся углы зданий, разбивали ступеньки. Одним словом – уничтожали.

Небо потихоньку подтаивало, оголяя красные кулисы за убирающимися отсюда картонными облачками на прозрачных лесках, буквально, раскрывалось, смывая с себя позорную синеву, прикрывающую возведённую в абсолютный стыд первоначальную форму. Закаты, что с него уходили, покрылись красивейшим розовым оттенком. И только всецелой истинной в этом сумбурном параде оставалась гигантская чёрная матовая сфера, аккуратно осматривающая возвращённые в свои образные руки владения. Это был праздник. Это были похороны.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.

Ноги детей коснулись прибывающей к ним воды, покидая проваливающуюся тьму. С тех пор как они вышли, руки их ещё ни разу не разомкнулись, пытаясь больше никогда не разлучаться, понимая всю стоящую за этим боль. Что получили однажды – возвращают. Платят за пробелы в жутких кошмарах, начиная откашливаться.

Снег, не смотря на плавающую плоть догнивающего свои

последние пятнадцать минут хрипящего существования, на удивление, не собирался исчезать ни с одежды, ни с принесённой ею же сюда земли. Отстаивая свои интересы по пребыванию в этот уникальный момент.

Из воды перед ними выплыли заплесневелые разбухшие длинные дубовые доски, выстраивая похожую на мостик конструкцию. Разросшийся на некоторых их участках грибок продавливался под тяжестью грубой резиновой подошвы и, лопаясь – прибивался течением к ещё не успевшему исчезнуть берегу. Не было больше слышно женского хора. Дерево расходилось, не имея постоянного прямого маршрута, расходясь то туда, то сюда.

Но, не время было, пока ещё.

Как стекающие капли воды по запотевшему стеклу также беззвучно в белом джипе сидели подростки, боясь случайно сказать какую-нибудь глупость, за которую будет стыдно всё то время, сколько они будут сидеть внутри. Парень сидел на переднем сидении, беззаботно накручивая свои мокрые волосы на палец. Он был совершенно спокоен, но никак не мог заснуть в присутствии дыма за окном, размышляя о его сущности и причине возникновения. Не до конца изученный приятель несколько волновал часто зевающую на заднем сидении Лизу, никак не позволяющий своими редкими вздрагиваниями и неловкими касаниями разных кнопочек на приборной панели дружочек, пока что, особого дове-

ря не внушал. "Наверняка, он тоже так думает, если до сих пор не уснул".

– Там кто-то есть снаружи, взгляни! – пробормотала она, заикаясь.

– Тебе могло показаться с непривычки.

– Мы можем просто включить свет?

– Да, пожалуй. Но, думаю, что с ним, что без – всё равно ничего не видно. Как тебе угодно.

Какого же было потрясение увидеть за качающимися дворниками по лобовому стеклу... Вторую Лизу?

– Вот сейчас не понял... Это шутка такая? Пожалуйста, самое время сказать, что это твоя заблудившаяся сестра...

– Нет, – ухмыльнулась она, отрицательно помотав головой, – это я!

То, что обычно носило имя: небо, перестало иметь в себе один единственный на всё гигантского полотна цвет, преобразившись за закрытое от посторонних время, шумное пространство не редко вбирала в себя части выпавшего из оставленных на земле призм света, остановив свой выбор на фиолетовом. Солнце, наоборот, покраснело вслед за оставленными бесхозными полями. Новые облака ничем не отличались от закрадывающегося под самые маленькие камни неко-

гда внушающего страх дыма, в раскаяниях ищущий себе место перед гибелью. Несмотря на затопленные ботинки, картина вокруг отдавала теплом.

Выжженное сигаретное пятно на плёнке с озером оставалось парить над водой, демонстрируя непроглядную черноту внутри себя без единого намёка на тени, блики или отражения. Её текстура буквально прогибалась все имеющиеся измерения под своим видимым контуром, что оставляло немало вопросов. Ощущалось это примерно так, будто всё совершенно неподвижно, но в то же время, движется с дикой скоростью. Но по-прежнему страшно было оставаться, догадываясь, что всё останется таким же, как прежде. И... Счастливо, одновременно. Когда ещё удастся так улыбнуться? Рано или поздно всё изменится, и это к лучшему.

– Что?..

– Просто расскажи, что ты чувствуешь!

– Ладно... Я боюсь никогда ни в чём себя не найти. – Лиза спрятала руки в карманы, кажется, что-то нащупав.

– Продолжай-продолжай.

– Фотография! Точно, данная умирающим бабушкой фотография на его последних издыханиях подстегнула меня к выходу наружу. Последняя просьба сделать его внучку счастливой, которая... Как две капли воды похожа на меня и мне ровесница. Это... Алиса?

– Ага.

– Она – это я?

– Что ты теперь чувствуешь? – голос извне продолжал подталкивать на ответы.

– Похоже, что я заботилась не только о ней. Я сделала её счастливой. То есть, себя, верно?

– Если она счастлива, то...

– Я – это по-прежнему я, но в то же время, другая. Трудно объяснить свои взгляды меняясь.

– Не забывай радоваться тому, какая ты сейчас. Это не навсегда. Достаточно быть искренней, даже если что-то препятствует этому. В своё время поймёшь. – сфера смущённо замолкла.

Осталось от их разговора в воздухе лишь чьи-то неаккуратно вымазанные в синей краске отпечатки пальцев и ладоней на белой бумаге, чему слегка разбавленная водой красная акварель добавляла жизни в этот незаконченный рисунок. Кое-где, всё-таки, картина бледнела.

Было небо, а над ним большие совиные крылья, накрывающего его и всех под ним. Звёзды, две луны и змеи, к ним тянущиеся, внимательно выслушали и отпустили девочку. Лишь где-то там догорала чья-то кричащая отрубленная голова под небом тем, что совиными крыльями было накрыто. Когти её раздирали ткани мира и оголяли тьму, просвечивающуюся к людям. Солнца не хватало.

Высокие чёрные абстрактные конструкции, поднимаясь кверху из разволновавшейся воды под восторженные еловимые вибрации сферы, заканчивались у новых облаков, спускающие в них свои чистые капли-семена, для начала чего-то большего, чем задумывалось ранее.

– Наконец. Вот оно, разве вы не видите это? Сменился тон, скорость стала меньше. Закономерный конец всему пришёл.

– Но если наша роль не в том, чтобы что-то узнать или понять, то в чём же она? – спросил Филипп.

– У неё есть какой-то большой смысл, и его удастся постичь, только когда увидишь всю картину. И когда это случится, мы сможем сделать шаг назад.

– К парящим разноцветным фигурам...

– Куда интереснее тёмное пространство между ними. Ты его видел?

– Сейчас, когда ты сказал об этом, я и вправду припоминаю, что почувствовал себя странно, когда через него проходил. – взгляд парня изменился. Он держался голыми руками за ледяную стальную решётку где-то в сугробе, найдя в себе силы даже поранившись перелезть на другую сторону.

– Теперь у нас есть за что держаться! Точка отсчёта. В конце концов, нельзя задерживаться в тёмном промежутке слишком долго. Нужно идти вперёд. Так продолжается жизнь. Делай то, что легче.

Громкость безнадёжного рвения наружу из закручивающейся внутри пустой тёмной окружности разных чудищ и людей росла вместе с голодным растущим диаметром совершенно иного измерения по ту сторону сферы. Они оказались обречены на всеобщую гибель внутри удушающего монстра, пугающий неимением личности и образа, как такового. Все когда-либо кем-то написанные живописные картины маслом, гуашью, фломастерами и прочими художественными инструментами просто-напросто перемешивались в бесконечно пропадающем углублении посреди ничего, хоть и становясь одним цельным всеобщим видением мира. По-настоящему пушистые облитые солнцем света облака с фресок сползали со слегка зеленоватого неба и обращались ничем иным как пустой белой точкой внутри беспорядочного действия. Ничто не может уберечь их от смерти. Чёрты и их мечи утопали в горячем пламени, где и без них была куча народу. Все стали равны. Все стали причислены к жалкому ничтожеству без исключения. Моря и корабли непотопляемые, вдруг, оказались в водовороте чёрном посреди чистого воздуха. Всё исчезало, бесследно.

Человек оказался не более чем выдумкой высокого автора и его дрожащей грязной кистью мазка. Бежевым вихрем посреди синего страха испортить испорченное. Ни зелень, ни тёплые оттенки уже не спасут это произведение. Их лица были страшно обезображены многочисленными хаотич-

ными слоями с предыдущими попытки выехать, хотя бы, на композиции. К сожалению, не было в этом единства. Не было единения. Голые люди под белыми простынями не больше чем пища для оголодавших воронов, прилетевших с обжигаящих небес. Ни луны света больше посреди ночи, ни жёлтого светоча ласка поутру. Только гуляющие под окном скелеты с вилами. А круги всё растут и растут.

Да, были, вроде, люди в чёрных балахонах среди действия этого. Но как уже было написано ранее: все стали равны, и они в том числе, не исключение. Да, страшно, но как быть? Раз. Отказывались признавать восходящее новое солнце. Два. Обозлились по незнанию. Три. Просили взамен. Четыре. Умирали. Пять. Принимали. Стало лучше?

Разные твари, утопая в воде, кричали. Но не за что ухватиться им. Тонули. Картина почти доведена до конца. Это конец. В поток мыслей то и дело врываются сторающие музыкальные инструменты.

Приходит конец всему через вид идеально гладкой каменной площади, за уходящими глубокого в переливающееся белым чёрное небо с душами умерших красными монолитами, откуда к бесконечным ступеням льётся кровь всех когда-либо живущих. И даже верхняя гладь вязко стекала к двум наблюдающим за всем этим страхом детям, медленно покрывая собой верхушки величественных колонн. На фоне творящегося безумия два человека казались этому месту не

более чем скоро потухнувшей искоркой, но без которой, само собой, не было бы разведено это пламя. Но и всему этому когда-нибудь придёт конец. Рано или поздно. От того и страшно было знать, что есть что-то более жуткое и непредсказуемое чем абсолютное абстрактное небытие.

Всё предстало синим, почти полупустым кем-то вымазанным пространством с минимум различающихся друг от друга ленивых деталей. Здесь, к примеру, у близких к глазам объектам ничего кроме бестолково изображённых засохшей кистью чистой чёрной краской теней нет ни единого намёка на продолжение и доработку. Всё, что стоит за ними – чистой воды разбавления, не более. Дешёвые материалы дают о себе знать. К примеру, ёлки на том, что кто-то представляет себе называть горизонтом совершенно ничего общего с их отражениями в таком же, как и небо, синем озере не имеют абсолютно! Халтура, только поглядите. Но где же те два ребёнка? Мальчик и девочка.

Они стояли по пояс в воде, глупо и молча наблюдая за проходящим сквозь них временем, пускай, не до конца понимая задумки. Позади них волнами расходились написанные быстрыми мазками отражения, отображая их беспокойное внутреннее состояние. В целом, их это не особое понимание последних эпизодов только играет в плюс психике. Так, ведь, действительно ничего не ясно.

Не ясно было и возникновение серых стен с одной единственной аркой перед ними, зазывающее оставшихся в здра-

вом уме людей прикоснуться к моменту её рождения и смерти одновременно. Говорила она: ну же, смелее! Никто не думал, но время то давно закончилось. Когтистое и острозубое нематериальное существо пугало своим возможным присутствием неподалёку, предполагая, что её никто не видит, а значит, оно выбрало удачную позицию для атаки на разбитых людей. Кругом была вода, мокрый крошащийся асфальт и тонкий слой выжигающего глаза белого снега.

Из тысячи окон, из их занавешенных шторами окон вылезали расколотые людские черепа, пристально наблюдая за каждым неосторожным шагом подростков на земле, они не убирались оттуда ни на секунду, создавая из своих теней плотный развевающийся на ветру плащ. Где двадцать третье июня? Серия из восьми эпизодов. Зимы тогда казались определённо теплее. Он растёт и не воспринимает тревожный звонок сверху, препятствует своему задержанию не желая возвращаться в длительное заточение глубинного сна – пожирает своего носителя для немедленного высвобождения. Всему виной двадцать восьмое сентября, оказывается.

Сознаваемая единица опыта противоречила привычным, но в тоже время, необычным действиям внутри поглощённого безграничной дымовой завесой ужаса и дезориентации времени, оставляя маленькие хрупкие белые фотоны на добровольное приобретение глубоких ран без возможности вернуться к точке именуемой началом.

Выстраиваемые небесными силами жёсткие каменные трибуны для наблюдателей сие хаоса над бушующим где-то внизу адским туманом не останавливаются даже перед облаками, всё продолжая и продолжая демонстрировать всем важность большого множества разнообразных взглядов. Пламя от безысходности превращается в руки всех горящих внизу, не оставляя попытки взобраться наверх к хочущим счастливым.

– Вы справитесь. В конце концов, вы всегда справлялись со всем!

Звёздное небо. Куда пропало? Когда вернулось? Одна единственная на всё покрасневшее поле человеческая бледная рука тянулась к маленькой искорке на чёрном одеяле, пытаясь прочувствовать её температуру остывающими кончиками пальцев. Забавно было видеть, как той же рукой он её сжимает, буквально, душит. Матерь бесконечного множества светлых огоньков умерла. Он достал её с Земли. Убил?

Ладони покрывались жгучей копотью, что медленно, словно плесень прокатывалась по всему дрожащему от страха исчезнуть запястью, создавая из человека ничто иное как дым, из которого прибыл на небо. Убийство? Рукава мантии догорали, осыпаясь маленькой крошкой, а удержание волнующегося существа внутри кипящего кулака приравнивалось к добровольному причинению себе тяжких увечий, что, по

сути, лишь первое время приносило удовольствие. Довольно это терпеть.

Выпрямив первые три покрытые ожогами пальца, наверх вылетела мерцающая маленькая белая бабочка, порхание крыльев которой создавали невообразимо тяжёлые боли в голове у мучителя. Они сводили с ума и буквально приказывали раздавить насекомое для высвобождения от её сильного воздействия. Но... нельзя. Почему?

Наступает прилив ранее забытого тёплого весеннего настроения и удовлетворения кружащимися вокруг действиями близких людей. Непередаваемое чувство нахождения в некоем отдельном ото всех координат месте с притягательной прохладой, но в тоже время, с горячими щеками. Уже из-под снега выглядывают свежие травы, перерождаясь которые, несут в себе воодушевляющее влечение к немедленному исполнению глупой глупости, к решению задач самым непрактичным способом и обыкновенной живой любовью. Такую картинку хочется навсегда запомнить, а лучше навечно повесить в самом светлом углу комнаты, чтобы никогда не покидать то время. Никогда. Ни на секунду не затягивающийся вальс слегка мокрого подтаявшего снега на прорастающей уже зелёной траве из грязи – вдохновляет, честно говоря. А как солнце играет с их причудливыми формами и цветом!

Пустота. Кем-то оставленный след, слегка смещённый в сторону из-за льда под тонким слоем снега. Снова ничего на протяжении целых пяти минут. Прыжок и два отпечатка подошвы на пыльном мраморе. Тишина. Вновь неосторожная попытка проверить дальнейшую дорогу аккуратным, на этот раз, шагом. Ничего и последний окончательный шаг.

А сколько душ в них погибло? Все они летят с высокого оранжевого неба к тлеющим руинам мира в надежде обрести счастье. Где они? Они все держат в руках маленький воск с колыхающимся от любого постороннего движения огоньком наверху, не представляя, что их ждём за фиолетовыми воротами. Солнце им направляющий знак за альтернативный мир, не покидающий верящих ему до последнего. Столбы света его приносят людей сюда. А они всё падают и разбиваются о камни. Кроме костлявой грудной клетки, плавающей в алом озере ничего нет от живого. Совсем. Всех их мантии были в плюще и на деревьях его видели, безусловно. Все идут навстречу висящей на самом мире пурпурной ткани, и новорождённые и умершие прикасаются к ней. Где раковина?

Звук был подобен осколкам. Он был цельным. До какого-то момента.

Как вспомнить сон? Момент времени, в котором, мы с тобой за руку держались. Девушка рядом не до конца понимала уверенно идущего впереди болтливого парня, не совсем

поспевая осмыслить, переработать и ответить на все его вопросы, но она пыталась, честно. Сменился формат. Появились рамки. Сомнения закрадываются ей в голову: а вдруг, не стоит?

– Ну, там, дурачусь порой. – обернулся он.

– Да.

– И шубу бы надел, чтоб пробежаться по снегу.

– И не забыл бы куртку! – кажется, она уловила его настроение. Он ей нравится.

– Да.

– Если бы я была вафельницей...

– То я вафлей. Не знаю почему. Прости... – они покинули тьму.

– Сидеть бы вот так в пшеничном поле, знаешь, дёргать себя за рукава рубахи, жевать колосья. Смотреть на чистое небо, как-никак. Лежать над прудом. Я бы хотел встречать тебя, выглядывая из деревянного окна, запутавшись в шторах.

– А потом разглаживать бумагу и письма шкатулкой. Быть сытым лучами солнца. Любить. – девушка поражена.

Любовь была всему виной. Началом и концом всего приходилась. Первое мая не забыть никак. Но кто в любви виновен?

Ящик открыт. Закрывать его поздно. Река разных бесов

и кошмаров из неё льётся. Пожелтели вечно синие леса. Деревья попадали на промёрзлую землю замертво. Горело всё, только, ничего не было.

И было поле и была ночь. Слой света звёзд, что за деревьями скрыт, открывает их, оголяя ветви их. Покуда кометой зеркало не разбито, луны две никем не забыты, смотрят друг на друга через озеро то. Заключённые в рамках жёлтых на страницах сожжённых рисунки глади водной отражённой, свет для астронома живого.

Как и вправду быть, когда правде время быть. Прикосновения те, что неуклюже оставлены, запомнились месту этому чётким отпечатком на саже ладонью, беспорядочные они были. Сползая, оживали. Великой лжи разделять с правдой место есть и будет всегда, споры живых не угасли пока о правде лжи и о лжи во имя правды, правы они, пока живы, это правда, и нет в этом лжи. Цвета всеобъемлющие, чудные краски синего неба, деление было со сферой, делением было то место, делить которое никто не хотел.

Забывается потихоньку всё сущее, исчезает само понятие слова память. Кто они?

Распахнутые двери в пустые бордовые комнаты, порог которых утоплен давно в воде, что находится под парящей рамой. Яркие проблески внутри этих убежищ выносят всякое

материальное наружу к растворимой в той же воде истине. Вытесняют ссужая площадь не без того тесного мрачного места. Выставляют на чужую волю, не желая более иметь с ними дел. Осыпающаяся пыль с потолка маленькими острыми камешками отпечатывалась на ногах прыгающих вниз простых смельчаков или бездумных дураков, не важно. Итог для всех был один. Блестели их рёбра на выходе к пропасти. В последний раз сверкали.

Тёмные волны жадно хватали каждое случайно всплывшее отражение света, обронивший потом о чём не думал жалеть вовсе, не представляя ценность этому явлению после неизбежного прыжка. Это был последний раз, когда они впились ногтями в доски по бокам, выбирая то, чего нет.

Выглядело всё как боязливое качание на длинных толстых проводах где-нибудь над затуманенной бездной, которой ни конца, ни края не найти. И только шум срывающихся вниз цепей подгонял вперёд, обнадёживая найти выход и землю под ногами. Горло болит от ветра здесь, неприятно сглатывать слюну. Этот же сквозняк, по-видимому, ныряя в ещё какую-то невидимую остальным дырку создаёт вокруг себя поле с короткой и быстро угасающей в ту же секунду мелодией, прерывающаяся в конце схожим на автомобильное столкновение звуком. Только вспоминается уплывшее воспоминание, как с небес падает вечно меняющий форму предмет, проламывающий мне голову. Жутко было. Мычание в самодельно вырезанную флейту подбадривало и прибавляло ша-

гам большей уверенности в скорый конец этих линий. Я бы хотел посвистеть вместе с тем, кто по ту сторону сидит. Последние корабли отплывают.

Дети подняли глаза наверх. Что они там видят? Размытый синими, красными и зелёными квадратами брошенный светлый хвойный лес. Яркие стволы их возвышались к неразличимому небу наверху, стоя друг к другу настолько плотно, что тени спускающиеся к усыпанной шишками земле не способны были протиснуться сквозь них. Полупрозрачный светящийся круг медленно выполз из-за ветвей, робко раздвигая их в стороны, боясь сломать. Тропинка же была видна, несмотря на тусклый, еле-еле просачивающийся сквозь старую замочную скважину свет уходящего за горизонт солнца, представляя собой незаменимого проводника в столь отдалённом, судя по незнакомым пейзажам, месте. Невидимая, но по ощущениям приятная и гладкая сияющая рука осторожно касалась вращающегося контура круга, чуть подталкивая его вперёд. А он был даже не против, наоборот, движимое им чувство неизвестности добавляло каждому его шагу уверенности перед невиданными иллюзиями в этой бескрайней безнадёжной пустоте.

– Ты можешь уйти куда угодно, только нужно сделать первый шаг. Ну же, вперёд! – внезапно прозвучал чей-то голос, – здесь безопасно.

Человек медленно выходил наружу из темноты, ступая ногами на оставленный им же собственный обезличенный белый силуэт, покрытый снегом, никак не представляя, что давит ногами свою голову. Ступал он с постоянно присутствующим неподалёку опасением за творящиеся на горизонте вещи, размышляя об их конструкции и цели. Долго ли всё это будет продолжаться? Хватит ли сил добраться до конца, не потеряв себя? Безусловно, да. И даже под страхом быть видимым тысячам глаз, сломать его пока не удалось. Будущее неотвратно, но не обязательно всегда встречать его в одиночку. Быстро написанные алым маслом зрачки затаивались в каждом предмете, что он использовал как опору, чтобы не упасть, и смотрели. Ждали его провала. А он всё не приходил. Он был всегда внутри себя.

Брошенные автомобили с открытыми дверьми. Затянутые простынями, разными тканями и плёнкой машины плакали через разбитые вандалами фары. Они ревели, взывая к сожалению. Затухали посреди таких же одиноких домов без целых окон, остывали с разрисованными яркими красками стенами и заграждениями. Теряли контекст.

Ни один бродячий человек не взглянет более на них, не представит знакомым и не коснётся с чувством сожаления. Его попросту не осталось. Пропали цветастые рекламные вывески за сажей и пылью. Брошенные плиты с балконов

разрушили яркости. Белые клавиши пианино чернели под большим слоем пепла, вылетающего из окон жилого дома. Вся улица очнулась и пришла в себя от громкого треска тлеющих досок на старых деревянных балконах, а оконные рамы самовольно сбрасывались из разрушающихся кирпичных стен к ещё отражающему яркие красные блики ледяному асфальту с золотыми жилами.

Я спустился с разозлённых на меня небес к плачущей земле, чтобы собственными руками быть задушенным. Чтобы собственными глазами видеть льющуюся кровь своих близких. Быть причастным к разрушениям. Просто... Быть. Существовать и изучить существование остальных. Закручивать гайки в наши общие дома и теми же ключами забивать противников. Выращивать в той же земле, где лежат недоброжелатели и тело моё деревья с плодами. Вкусить горькость и сладость, остроту ножа и жжение полыхающего рядом огня. Понять, что значит жить как человек!

Сколько белых автомобилей я сжёг для окончательного убеждения в доказательстве о собственном существовании. Сколько ложных автомобилей я сжёг... Кто тот, что придумал всё это? Обрѣк на мучения... Страсть и безумное влечение граничило с тревогой. Это сводило с ума. Филипп и Лиза. Где они?

Маленькие подаренные или заработанные детали состав-

ляют всю нашу личность на протяжении всей жизни. Слегка грязноватая белая ленточка с пояса свадебного платья. Рисунок на куртке. Любая фотография под обложкой ненужной книги. В этих мелочах есть всё наше представление о себе. Всё о чём думали и будет думать лежит в, казалось бы, самых непримечательных для кого безделушках. Не прелесть ли в таком сложном устройстве нашего мира? Ни сами слова или годы закодированы в них, а эмоции в те минуты или вечера. Пропади они – мы злимся на весь мир, хотя никто не в силах понять важность тех давно ушедших от нас дней. Виноваты ли они, что убили ваше прошлое?

Прошлое. Сколько всего приходит на ум с этим словом. А сколько ещё придёт? И, придёт ли вообще когда-нибудь снова? Не хочется забегать вперёд, но фейерверки необычайно красивы в подходящий час. Берущая нас под свою власть белая субстанция. Жуть. Срыв.

И даже за безоблачным синими небом над пустым жёлтым домом с идеально выстриженным газоном всегда стоят предупреждающие красные буквы о постоянно исчезающем из поля зрения чёрным человеческим силуэтом с вырезанными из старых журналов глазами.

А потом голос в их головах замолчал, после долгого рассказа. Два подростка открыли глаза и вновь почувствовали холод воды, волны озера которого бьются об их кипящие

грудные клетки. Тина и водоросли за это время успели привыкнуть к новому месту обитания, на ботинках и брюках молодых людей зелень успешно продолжала ползти вверх к молниям на их куртках, предполагая запрыгнуть в карманы, пока ещё не поздно. Отколовшихся от берегов льдин осталось не так много. Все они уже давно быются об торчащие коряги у каменных маленьких пляжей.

"У нас есть душа. Душа создаёт жизнь. И жизнь, в свою очередь, создаёт душу". Фрактал. Красивый и бесконечно уходящий куда-то назад. "Бесконечное множество капель туши на снегу. Синяя, чёрная, голубая. Так много".

Лиза вынула из кармана незаконченную на половине мятую сигарету и подаренную ей зажигалку от миротворца-доброжелателя. Воспоминания о тех моментах аукались мокрым кашлем, кажется, постепенно уходящий назад. Убьёт? "Если ничто ранее не смогло, то почему сейчас должно?". Но, она не стала поджигать вываливающийся табак и подносить его ко рту. Нет. Она утопила эти вещи в озере, в котором мёрзла. Убьёт только отсутствие этого парня рядом с ней.

– Тебе не будет одиноко?

– Нет. Со мной всё будет в порядке. – Филипп улыбнулся.

– Я совсем как ты. Я пыталась сделать тебя счастливым.

– Что это? – расстояние между детьми уменьшилось в разы. Девушка вытянула руки в стороны для объятий.

– Так люди сближаются! Я доверяю тебе.

– А я больше ничего не ненавижу.

Школа. Подходящее к вечернему часу время на часах слегка подталкивало молодого человека к краю его лакированного скользкого стула и неминуемому падению на покрытый чёрными ссадинами от ботинок пол. Он изо всех сил пытался противостоять выталкивающей и давящей на его приподнимающееся настроение за счёт правильно решённых уравнений в контрольной работе силе щёлкающей секундой стрелки и механизму внутри круглой коробочки на стене. Свободные линии клеток на двойном листочке вот-вот закончатся, и даже за красными разделительными полями больше не осталось свободного места для его ответов и перепроверок. Как же он переживал за потеющие в процессе быстрого полёта над заданиями руками от переживания за итоговую оценку в этой недели. Она действительно определит многое в этом месяце. Облажаться нельзя, как он говорил себе, перебрасывая случайно взятый у соседа ластик.

Узоры на бледно-розовых обоях за бежевыми шкафами неплохо вкручивались между его мыслей, заставляя волноваться большего прежнего. Неприятно, конечно, но что поделать. Не вырвать же их. Придётся платить.

Пластмассовая насадка на конце металлической ножки стула медленно теплела от постоянного трения между ней и скачущим вперёд-назад ботинком ученика, чуть ли не пла-

вась, осыпаясь мелкой стружкой.

– Ты молодец! – прошептала ткнувшая линейкой парня в спину девушка позади него, – над последним даже я слегка задумалась на некоторое время. Но, ты ошибся немного.

– Где?

– Несмотря на множество исправлений учителем красной ручкой, все твои задачи решены правильно. Но, видимо, ты так увлёкся, что отнял у сегодняшнего месяца целых три буквы. Сентябрь.

– О, и правда, ведь! Спасибо! – предвкушающий положительную оценку за свою работу парень взлетел и без лишних самокопаний написал месяц снова, зачеркнув ошибку. Ничто не может его сегодня огорчить. Поэтому он подумал: если всё так отлично, может быть, идти до конца? – извини, ты закончила, да? А не думала ли ты о чём-то, что происходит непосредственно вокруг нас, но увидеть это мы не можем в силу наших возможностей?

Звонок. Шатающаяся большая стопка тетрадных листов была сложена на учительском столе возле компьютера и тетрадей с домашним заданием, принесённые сюда параллельным классом два уроку назад. Все сданные работы будут проверены в лучшем случае после нескольких уроков или окна, найденное сегодня в расписании после изменения. На очереди последний урок биологии на этот день, проходящий,

как принято, в самом ярком кабинете второго этажа. Одна из четырёх его стен была буквально цельным окном, выходящее на стадион за школой. Провожать что-либо в нём под закат солнца было бесподобно, а сбежать с такого урока не позволяли себе даже самые отъявленные прогульщики.

– Сегодня смотрим презентации?

– А сдавших раньше времени отпускают. Ты готов?

– Нельзя испортить такой день, всё слишком хорошо. – нечто похожее на влюблённость переполняло парня, чем он решил пьянеть до последнего, – погуляем в семь часов?

– Что?

– Погуляем?

Смех. Сладостью на губах оставался смех его девушки рядом с ним. Он был счастлив: она позволяла себе иногда прикасаться к нему, не боялась обращаться по имени и вести себя естественно и открыто. Кажется, что этот вечер навсегда отложится в его сновидениях. С ней было... Спокойствие.

– Я здесь! – выкрикнул парень так громко, как только мог, совершенно не стесняясь бродящих вокруг кроватей консультантов в белых рубашках. Пара, зачем-то, заглянула в мебельный магазин. Шум там стоял необычный для такого места, остывая и превращаясь в эхо.

– Пожалуйста, дети, если вы ничего не покупаете – выйди-

те! – кричал вылезший из-за стола старый охранник, – возвращайтесь, когда будете жить вместе! – а почему нет? Подумал молодой человек. Только, как скоро это произойдёт?

Вечер. Девушка лежала в своей кровати, наблюдая за звёздным небом. Погрузившись полностью в свои раздумья, она уже и забыла, что держит край занавески, постоянно перебирая его из одной руки в другую, а ответ на сообщение своего парня она так и не придумала. Как ответить? Дошедшее до него сообщение с пожеланием спокойной ночи содержало в конце большого множества слащавых, но приятных сообщений смайлик в виде чёрного сердца. Но... Что заставило её выбрать именно его? Ведь, он даже не находился в часто используемых.

– Я увидела у тебя открытые аудиозаписи. Что ты слушал в две тысячи двенадцатом?

– Ну, на то он и две тысячи двенадцатый, нет? Мало ли, что я слушал тогда. Сейчас то уже не так.

– Прости, не могла не спросить. Всё своё я стёрла.

– Не могу не спросить: а что ты делаешь у меня дома? Не то, чтобы это зависело от времени суток, но... Я у себя дома, разве нет? Помнится, я всегда жил один.

– Извини. Сегодня впервые ночное небо безоблачное. – воскликнула она в восторге, – а из моего окна ничего кроме твоего дома не видно...

– Занятно...

– Также как и Земля рядом с луной в окружении звёзд. Только взгляни! С твоего балкона это лучше всего. – таинственная девушка запрыгнула на застеленный покрывалом диван, укуталась в одеяло, и открыла затисканный блокнотик с листами в клетку. Там было много разных неразличимых записей. Но она их читала.

Комната преобразилась в бледных лучах только начинающей разгораться луны. Самое впечатляющее ещё впереди, но парень с девушкой уже не отходили от запотевшего окна ни на минуту даже в соседнюю комнату. Терять друг друга не хотелось, поэтому он водил своей рукой по её не накрытой одеялом ноге, довольствуясь обычными прикосновениями и с её стороны, пока она, в свою очередь, не отлипала от новых пришедших в голову записей для друга-блокнота.

– Не хочешь поменяться портфелями и так пойти в школу? – вдруг, нарушала тишину девушка.

– Зачем?

– Не знаю, сейчас все так делают. Что скажешь?

– Ладно.

Сколько бы стараний и изучений не было вложено в решение сложной задачи, просыпается парень всё-равно по самой абсурдной системе: если ложиться спать в десять, то просы-

пается не в четыре часа следующего дня, а в девятнадцать текущего. Это по-настоящему сводило его с ума, хотя организм воспринимал этот неправильно протекающий процесс как самый нормальный, что, наверное, пугало больше. Почему?

Шорох от медленно скатывающейся с угла кровати шторы создавал единственный улавливаемый шум в комнате, если не во всей тихой квартире. Но, внезапно, три следующих друг за другом стука капель по тонкому навесу над окном стали причиной выплеска необычных чувств, разбив какие-то скучные и меланхоличные мысли от бессонницы, сумев разогреть и разогнать кровь по всему уставшему под вечер телу. И снова: Кап. Кап. Кап.

Прекрасны были те видения. Настоящими.

Воспринимая действительность в углублённых недрах высокомысленного содержания, мы запускаем новую партию интерпретации мира.

Аромат свежееиспечённого попкорна, честно, подкашивал ноги нетерпеливого парня у гардероба со своей девушкой, номерок от своего пальто который она не может получить уже пару минут из-за выстроившейся длинной очереди. Он надеялся хорошо провести с ней время за игрой в бросание дробиков в наполненные водой шарики за большой плюшевый приз, за маленьким перекусом между играми, и закон-

читать день весёлой прогулкой подводящей итоги. Но... Почему она ничего не сказав ему ушла оттуда? И так всегда: если его оставляют одного – приближение дыма неизбежно.

Выжженное сигаретное пятно на плёнке с озером оставалось парить над водой, демонстрируя непроглядную черноту внутри себя без единого намёка на тени, блики или отражения. Её текстура буквально прогибалась все имеющиеся измерения под своим видимым контуром, что оставляло немало вопросов. Ощущалось это примерно так, будто всё совершенно неподвижно, но в то же время, движется с дикой скоростью. Но по-прежнему страшно было оставаться, догадываясь, что всё останется таким же, как прежде. И... Счастливы, одновременно. Когда ещё удастся так улыбнуться? Рано или поздно всё изменится, и это к лучшему. Осталось от их разговора в воздухе лишь чьи-то неаккуратно вымазанные в синей краске отпечатки пальцев и ладоней на белой бумаге, чему слегка разбавленная водой красная акварель добавляла жизни в этот незаконченный рисунок. Кое-где, всё-таки, картина бледнела.

Громкость безнадёжного рвения наружу из закручивающейся внутрь пустой тёмной окружности разных чудищ и людей росла вместе с голодным растущим диаметром совершенно иного измерения по ту сторону сферы. Они оказались обречены на всеобщую гибель внутри удушающего монстра, пагубный неимением личности и образа, как такого.

Возможно. Мы.

И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

Взгляни сейчас жизни своей и миру в глаза воплощённые в человеке, которого любишь. Безусловно, любое действие направлено на сохранение ваших с ним отношений, поддержание давно ставших нормой откровенных разговоров по ночам, чьи детали доверяются только ему. Таких выразительных глаз, наверняка, ты больше ни у кого никогда не увидишь, а запах знакомых духов, возникший случайно в одинокой прогулке тугой петлёй остаётся на шее под конец тяжёлого изнурительного вечера. Кажется, ну, наконец-то! Я не один.

Таким людям ты показываешь настоящего искреннего себя со всей безудержной болтовнёй и, не стесняясь, улыбаешься в ответ, продолжая и продолжая встречаться на совместных прогулках, свиданием которые язык не повернётся назвать. По крайней мере, ты этого не говоришь, чтобы не обидеть. Вдруг, всё выстроенное месяцами рухнет? Ты задумываешься: не рискнуть ли пошатнуть вашу дружбу для достижения чего-то большего? Не специально, конечно. Просто осознаёшь, что опьянённый энергией и сочувствием этого человека мир вокруг тебя больше не жесток и не вреден.

Если, вдруг, ваши руки будут соприкасаться? Впервые за последнее время твоё сердце действительно кого-то реально полюбило за чистоту души, за схожий характер и смех. Тебе всё рядом с ним мило, или с ней, неважно. Это чувство искренне и неподдельно.

Если раньше видеть её было счастье, то сейчас страшно, если даже подумает обо мне.

А, ведь, правда. Те дошедшие до меня слова под гром салютов могли быть вовсе не преувеличенной шуткой. А я не поверил.

Просто... Не забывай двигаться дальше. Нет ни на ком обиды или гнева. Всё намного проще обычных ссор, которой, даже не было, по сути. Наверняка, первого шага ты ждала от меня. Извини, если поздно всё понял. Я человек, в конце концов. Мне страшно. Это наша суть.

И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.

Так совершены небо и земля и все воинство их.

Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.